

НАДЕЖДА

ХРИСТИАНСКОЕ
ЧТЕНИЕ

ВЫПУСК 8

*Господи, устне мои отверзеши,
и уста мая возвестят хвалу Твою.*

НАДЕЖДА

Христианское Чтение

ВЫПУСК 8

НАДЕЖДА
Рождество Христово 1981 г.

„Надежда” собирает малоизвестные в России творения Св. Отцов, духовные наставления православных пастырей, свидетельства о жизни во Христе, истории обращения к вере, рассказывает о судьбах русских святых, подвижников, праведников, мучеников за веру, разрабатывает отдельные проблемы развития современной христианской культуры в России, публикует стихи, рассказы, воспоминания и т. д. „Надежда” – единственное и уникальное Христианское Чтение, существующее сегодня в России. „Надежда” может быть только миссионерским изданием, осуществляющимся на пожертвования верующих. Издание „Надежды”, кем бы оно ни предпринималось, не может преследовать никаких целей коммерческого или политического характера. Читатели „Надежды” просят христиан всего мира поддерживать издание и распространение Христианского Чтения, проповедующего Слово Божие тем, кто ищет и ждет Его.

*Составитель „Надежды”
З. Крахмальникова*

Москва, апрель 1981 г.

Большинство печатаемых в „Надежде” рукописей найдено в Самиздате. — С о с т.

Обложка работы художника Адама Русака

Св. Иоанн Златоуст,
архиепископ Константинопольский

СЛОВО О ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЕ И БОГОРОДИЦЕ МАРИИ

Все празднества в честь святых досточудны и уподобляются блистанию звезд. Как звезды, быв утверждены на небе в известном порядке, на известном расстоянии одна от другой, распознаются и освещают весь земной шар; одна и та же звезда видна и у индейцев, не скрывается и от скифов, сияет над землею и озаряет море, путеводствуя плователей; и хотя всех их, по причине множества имен, мы не знаем, однако, — удивляемся их красоте и блеску: так и всякий святой. Хотя останки (святых) заключены в гробах, но сила их не ограничивается поднебесною. И что сказанное справедливо, — можно тебе удостовериться из самого опыта. Палестина скры-

Из: „Творения иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского“. Книга 2. Бесплатное приложение к журналу „Русский паломник“ за 1916 г., сс. 415—418. В полном собр. Творений Св. Иоанна Златоуста „Слово“ это, в другом переводе, помещено в разделе Творений, *приписываемых* св. Иоанну Златоусту, т. 8, сс. 905—909; в издании Миня оно отнесено к разряду *Spirita*, а в некоторых изданиях приписывается св. Проклу Константинопольскому, ученику св. Иоанна. — С о с т.

вает останки Авраама, а куща его спорит с раем: там Бог произнес приговор Адаму: здесь же гостеприимно принят был патриархом. Кости Иосифа вмещаются в одиноком гробе; но брань его с египтянкою изумляет концы вселенной. Гроб Моисея не известен (Второзак. 34, 6); но о нем и по смерти возвещает жезл, рассекший Чермное море. Где погребен Исаия — не знаем, но вся Церковь провозглашает его пророчество: „Се Дева во чреве зачнет и родит Сына” (Ис. 7, 14). Даниил погребен в Вавилоне, но вещание его слышится по всей земле: „Се на облацех небесных, яко Сын человекъ идый бяше” (Дан. 7, 13) Анания и другие (два) отрока скончались также в Вавилоне; но вся вселенная каждодневно воспеваает их песнь: „Благословите все дела Господа” (Дан. 3, 57). Иезекииль предан земле у персов; но он с херувимами вопиет: ”Благословенна слава Господня от места Его” (Иез. 3, 12). Таким образом, диавол не получил никакой пользы от того, что нанес смерть Адаму в раю: так как чрез смерть Бог отверз праведным дверь упования.

Все памяти святых достославны. Но ничего не равняется славою с настоящим торжеством. Авель именит жертвою, Енох памятен благоугождением; Мельхиседек прославляется, как образ Христов; Авраам возвеличивается за веру; Исаак восхваляется, как прообраз; Иаков ублажается за борьбу; Иосиф чтится за целомудрие, Иов заслужил удивление терпением; Моисей знаменит, как законодатель; Иисус Навин памятен, как военачальник; Сампсон досточтим, как собеседник Божий; Илия достохвален, как ревнитель; Исаия достославен, как богослов; Даниил достоублажаем, как прозорливец; Иезекииль досточуден, как созерцатель

неизреченного; Давид именуется отцом таинства по плоти; Соломон превозносится, как мудрый; но все это — ничто в сравнении с Богородицею Мариею. Все видели (Христа) только в гаданиях, а Она во чреве носила Воплотившегося. И что могло бы воспрепятствовать неизреченному домостроительству Бога Слова? Грубость ли (плоти)? Но это — вещественная принадлежность, а Слово (Само по Себе) чуждо такой грубости. Чрезвычайность ли такого унижения? Но Божество не ограничено. Зачатие ли? Но Сотворивший Деву не осквернился так же, как и Воплотившийся и Родившийся от Нее; и даже человеколюбие приносит Царю тем большую славу. Рождение ли? Но (Родившийся) не перестал быть по Божеству без матери. Ясли? Но (Сын) не оставил недра Отчего. Вертеп ли? Но Троица никогда не оставляла престола.

Итак, в мире нет ничего такого, что могло бы сравниться с Богородицею Мариею. Человек! Прейди умом твоим все творения, и смотри, может ли что сравниться или превзойти Святую Деву Богородицу? Пробеги землю, осмотри море, исследуй воздух, углубись мыслию в небеса, испытай все невидимые силы, и скажи, есть ли другое подобное чудо, во всех тварях? „Небеса поведают славу Божию” (Пс. 18, 2); Ангелы служат (Богу) со страхом; архангелы поклоняются с трепетом; херувимы, не могущие (зреть славы), ужасаются; серафимы, летая окрест, не приближаются, и трепеща взывают: „Свят, свят, свят Господь Саваоф: исполнены небеса и земля славы Его” (Ис. 6, 3); воды не перенесли гласа (Лук. 8, 24); облака служили колесницею при трусе воскресения; солнце, не стерпев поругания (Творцу), вострепетало; ад

от страха изрыгнул мертвецов; веревки ада от одного взора сокрушились; гора, принявшая сошествие (Божие), воздымилась (Исх. 19, 13); купина, не снеся видения, возгорелась; Иордан, устранившись, обратился вспять; море, убоявшись жезла, разделилось, повинувшись предзнаменованию Владычнему; жезл Ааронов силою прообразования расцвел, преступив закон природы; огонь в Вавилоне устыдился лика Троичного: исчисли все чудесное, и дивись превосходству Девы. Кого всякая тварь восхваляет со страхом и трепетом, Того Она неизъяснимо вместила во чреве Своем.

Блаженны чрез Нее все жены: род их не подлжит более клятве, и даже превосходит славою ангелов. Ева уврачевана; проходится молчанием жена Египетская; погребена Далила; забыта Иезавель; не вспоминается более Иродиада. Теперь лик жен возбуждает удивление. Сарра прославляется, как нива, произрастившая народы; Ревекка почитается, как мудрая виновница благословения; Лия величается, как мать предка (Господня) по плоти; Деворра похваляется, как военачальница, вопреки немощи пола своего; Елисавета ублажается, как ощутившая в себе играние Предчети и исполнившаяся благодати; (ублажается же) и Мария, как мать, и раба, и облако, и чертог, и кивот Владыки; мать: потому что родила Восхотевшего родиться; раба: потому что в Ней исповедуется природа и возвещается благодать; облако: потому что зачала от Духа Святаго бесстрастно от Нее Родившегося; чертог: потому что Бог Слово пребывал в Ней, как в чертоге брачном; кивот: потому что не закон носила, но во чреве имела Законодателя. Итак, воззовем к Ней: „Благословенна Ты в женах!”

Ты одна врачевала печаль Евы; одна отерла слезы рыдающей; одна понесла цену искупления мира; одна получила для сохранения сокровище, драгоценнейшее жемчуга; одна прияла во чреве без вожделения и родила без болезни; одна родила Еммануила, как Он Сам восхотел. „Благословенна Ты в женах, и благословен плод чрева Твоего” (Лук. 1, 28): плод, но не семя; цвет, но не страсть; сияние, но не тварь; сопрестольный, но не меньший; солнце, а не прах; поклоняемый, а не сотворенный; избавитель, а не должник. „Благословенна Ты в женах, и благословен плод чрева Твоего!”

Но выше всех похвал глас Пророка: „Се Дева во чреве зачат”; — сказал о чуде, но умолчал об образе исполнения. „И родит Сына”: возвестил рождение (от Девы), но не открыл способа. „И нарекут Ему имя Еммануил”: прорек таинство и возгремел именем (Еммануила); „еже есть сказаемо: с нами Бог” (Ис. 7, 14; Мф. 1, 23): проповедал Бога рождающимся и заградил уста иудеям. С нами Бог, — и заблуждение уничтожено. С нами Бог, — и обрезание упразднено. С нами Бог, — и демоны бегут. С нами Бог, — и диавол посрамлен. С нами Бог, — и купель не перестает возрождать. С нами Бог, — и цари благочествуют. С нами Бог, — и церкви полны до тесноты. С нами Бог, — и смерть стала сном. С нами Бог, — и мертвые, торжествуя свободу, вопиют: не ангел, не ходатай, но Сам Бог пришел и спас нас (Ис. 63, 9). Ему слава во веки веков. А м и н ь.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ — СЕГОДНЯ

„Весьма полезно вспоминать о тех, кто страдал за Христа, ибо само воспоминание о их мучениях может возбудить в нашей душе любовь к Богу и дать нашему стремлению к добродетели как бы некоторые крылья, дабы мы, ради будущего воздаяния, мысленно претерпели те самые страдания, которые мученики понесли плотью”.

Св. Дмитрий Ростовский

+

Предлагаемая читателям „Надежды” повесть известного самиздатского автора „Жизнеописание иеромонаха Никона. Оптина Пустынь” продолжает предпринятую „Надеждой” публикацию никогда прежде не печатавшихся материалов, связанных с Оптиной Пустынью (Архимандрит Б. Воспоминания о старце иеромонахе Нектарии, вып. 4; Беседы схимандрита Оптинского Скита старца Варсонофия с духовными детьми, вып. 6; Т. В. Старец Севастиан Карагандинский, вып. 7). Нам известна также обширная самиздатская рукопись, содержащая дневники, письма, заметки о. Никона, воспоминания о нем, но ее размеры не позволяют предложить ее читателям „Надежды”, к тому же автор публикуемой повести широко пользовался этим материалом.

Отец Никон (Николай Беляев, 1888–1931), послушник старца Варсонофия, посвященный во иеромонахи в 1917 году, стал духовником обители и старцем после ареста старца Нектария в 1922 году, служил в единственном оставшемся в Оптиной Казанском храме, а после его закрытия в 1924 году перешел в Козельск, где до своего ареста продолжал духовническое окормление своих духовных чад и братии монастыря, пел на клиросе и служил по праздникам в Успенском соборе. В 1927 году о. Никон был арестован в Козельске, после тюрьмы в Калуге и Бутырок отправлен на Соловки, но из-за неблагоприятных навигационных условий задержан в Кеми, переведен на Попов остров, а затем в Пинегу, где умер в 1931 году от туберкулеза.

Повесть, помеченная 1965 годом, написана человеком, близко знавшим о. Никона, кем-то из его духовных чад, во всяком случае, человеком, для которого Оптина и все с ней связанное значит чрезвычайно много.

Изданные в последние десятилетия на Западе книги об Оптиной пустыни (С. Четвериков, И. Концевич и др.), содержащие ценные исторические сведения, определяющие место Оптиной в русской Церкви XIX века, заканчивают свое повествование закрытием Оптиной, кончиной старца Нектария (1928). Между тем, О П Т И Н А для нас не просто одна из ярких страниц истории Православия, это живая жизнь, и все непреходящее для нас ее значение во времени становится все более несомненным. В этом смысле прикосновение к чудом сохранившимся, бережно хранимым и переписываемым в Самиздате воспоминаниям о старцах, бесе-

дам, письмам, дневникам мученически закончивших свой жизненный путь насельников Оптиной едва ли может быть переоценено. Предваряющие повесть об о. Никоне заметки и являются попыткой передать такое живое ощущение Оптиной, неизбежно возникающее при встрече с новыми, всегда живыми свидетельствами о ней.

+

Вековой бор все такой же зубчатой стеной плывет в прохладной быстрой Жиздре, все так же поют птицы, благоухают цветы, все та же тишина окружает путника, когда он шагнет в сторону от дороги под сень прогретых солнцем сосен... Парома давно нет, широкий мост перекинут через Жиздру, пройдешь его, а там рукой подать до монастыря...

Трудно описать ощущения, охватывающие человека, проделавшего короткий путь от Козельска до Оптиной, подошедшего к стене монастыря, вступившего на его землю. Наверно, они сродни тем, которые испытывают пришедший ныне в Саров и Дивеево — надо ли даже называть их? Как постичь высоту смирения Преподобного, как быть со страстями, захлестывающими душу, как бороться с соблазном, которым горит сердце?.. Изуродованные стены, загаженные, кощунственно опустошенные храмы, огромные мраморные памятники и остатки крестов, сброшенные к подножью стен, кладбище великих оптинских старцев, превращенное в полигон расположившегося здесь механизированного училища, чугунные плиты папертей, брошенные в нужники, а в Скиту, на двери изувеченного храма Иоанна Предтечи доска, сообщающая о посещав-

ших Оптину русских писателях — до Фурманова включительно.

Урок смирения — первый, который дает Оптина каждому пришедшему сюда. Что он означает, куда влечет, как постичь его немыслимую для человека мирского высоту, остаться неколебимым в вере, склониться перед Божественной Волей и не содрогнуться перед грехом, злом, в которое ты погружаешься, а хватит ли сил остановиться, очнуться, не поддаться ему?

Говорят, когда в Оптиной снимали в металлолом девятисотпудовый большой монастырский колокол, бархатный голос которого был слышен за десятки километров, он не проходил в проем колокольни, проем разломали, колокол упал, раскололся на сотни кусков, и последние оптинские богомольцы подбирали осколки, чтобы сохранить память об Оптиной. Способны ли мы, есть ли у нас силы на то, чтобы не просто хранить эти осколки, но соединить их, дать этой Оптинской меди зазвучать сегодня так, как она звучала когда-то, соединив в житии и подвигах великих старцев и насельников монастыря гигантский опыт тысячелетнего Православия на Руси, окормляя все лучшее, что создано русской культурой в пору ее золотого века?

Ты идешь монастырем, мимо обезображенных храмов, выходишь через разрушенные монастырские ворота в сторону Скита, лесом — сто семьдесят сажен, о которых столько написано! — и вот уже скитская стена...

Ты опустился во ад, на самое дно, и уже захлебываясь в его мерзостной тине, задыхаясь и теряя себя, внезапно начинаешь слышать — если Господь

сподобит тебя, а ты найдешь в себе силы и веру... Откуда это идет? Ты опускаешься на землю, в истоптанную грязь, а звон все явственнее, все громче, все мощнее, земля уже гудит под ногами, и вся ОПТИНА встает перед тобой во всей своей славе: великие старцы — могучий Лев (Леонид), высоко-мудрый Макарий, живое чудо Амвросий, юродствующий чудодей Нектарий... И вот все непреходящее в русской жизни значение Оптиной в пору ее расцвета: робким паломником приходил в Оптину Гоголь, подвижнически служили Оптиной братья Киреевские, изумленным покидал Оптину Достоевский, мучительно искал и нашел в Оптиной мир, тишину и спасение Леонтьев, и гр. Толстой так и не отыскал в себе силы переступить ее порог в роковую, решившую его судьбу глухую осеннюю ночь... Оптина Пустынь — жемчужина Русского Православия, источник живой воды, открывшийся спустя девять столетий, как средоточие колоссального православного опыта — в старце Паисии Величковском, ее духовном создателе, в современниках старцев Льва и Макария — преподобном Серафиме и Филарете Московском, незримо-духовно связанных с Оптиной; в так и не нашедшем общего языка с Оптиной, но всегда остававшимся с ней в неразрывной духовной связи еп. Игнатии Брянчанинове...

Но все это история, такая высокая и духовно-могучая, что в нашем аду — что нас с ней может роднить, мы и прикоснуться к ней не смеем... А звон все явственнее, все несомненное — маленький осколок большого монастырского колокола, голос последнего оптинского старца, самого молодого и самого тихого, но в нем так чудесно сошлось то, что необходимо нам, как хлеб насущный. Созревший

плод, к которому мы протягиваем ждущие и жаждущие руки... Это уже мы, это уже наша судьба и наша надежда; отец Николай Беляев умер в 1931 году, повесть о нем написана тридцать лет спустя, сегодня она живет в Самиздате и вот нашла место в Христианском чтении — „Надежда”.

+

Осознаваемая нами сегодня уникальность Оптиной не должна закрывать того несомненного факта, что это был один из множества монастырей, раскиданных по огромным пространствам тогдашней России, существовавших в течение столетий, связанных между собой незримыми и сочувствованными нитями духовного общения. Пришедшая к нам вместе с первым благовестием христианства образованность необычайно быстро укрепилась и возросла и уже в XII—XIII веках в монастырях и у некоторых удельных князей имелись библиотеки, способные соперничать с самыми значительными хранилищами Европы, а творения греческих Отцов, неизвестные христианской Европе не только в те поры, но и до самого последнего времени, переводились и переписывались в тиши этих самых русских монастырей, пускали корни в толщу русской жизни, складывали русский быт, становились основой и фундаментом нравственности, образуя лицо народа. А потому следует говорить не об уникальности и единственности Оптиной, но и о том, что в XIX веке в стенах этой обители, трудами ее насельников и тех, кто был ей духовно близок, совершалась гигантская и в ту пору, быть может, действительно единственная работа по восстановлению того, что уже традиционно составляло существо Православия на Руси — верность

и необычайная близость Преданию, что ученики Паисия Величковского передавали друг другу заветы своего наставника, что их подвижнический труд не всегда вызывал сочувствие и поддержку иерархии, но что, несмотря на это, они оставались верны именно духу Православия, потерпевшего такой урон со времен раскола, Петра и хлынувшей в Россию гуманистической позитивистской философии.

Сегодня нам хорошо известен размах этой гигантской работы, начатый Иваном Васильевичем Киреевским с благословения старца Макария, продолженной в последующие годы, достигшей особенного расцвета при старце Амвросии трудами его письмоводителя иеромонаха Климента Зедеггольма, а послушник старца Варсонофия Николай Беляев, долгое время работавший в Скиту письмоводителем, приводивший в порядок переписку старца Амвросия, не мог не приобщиться к трудам этой подвижнической деятельности монастыря. Достаточно перечислить названия изданных Оптиной книг, чтобы представить себе размах и высоту того, что делалось в стенах обители: „Лествица” преп. Иоанна Лествичника, „Поучения преп. Аввы Дорофея”, творения преп. Феодора Студита, преп. Петра Дамаскина, св. Анастасия Синаита, преп. Варсонофия и Иоанна, 12 Слов преп. Симеона Нового Богослова, преп. Максима Исповедника, преп. Исаака Сирина, преп. Марка Подвижника, преп. Аввы Фалассия... Были составлены и изданы жизнеописания старца Паисия Величковского, его ученика схимонаха Феодора, Оптинского архимандрита Моисея и его брата, игумена Антония, старцев Леонида и Макария, а также их письма к монашествующим миря-

нам. Были изданы жизнеописания и письма старца Амвросия, старца Анатолия (Зерцалова) и архимандрита Исаакия. Монастырь издавал также „листочки” — коротенькие статейки духовного содержания, выдержки из святоотеческих творений и житий святых. Некоторые из упомянутых книг переиздавались несколько раз...

И это было в ту пору, когда Россию, как было сказано, покрывала сеть монастырей, когда тысячи богомольцев приходили в Оптину за духовным утешением и советом, а покидали ее после общения с великими старцами, встававшими один за другим: Львом, Макарием, Анатолием, Амвросием, Иосифом, Варсонофием, Нектарием; когда на рубеже двух последних веков в России воссиял великий светильник: проповедь и деятельность чудотворца о. Иоанна Кронштадтского...

+

Ныне у нас нет монастырей, нет книг, так мало пастырей. Страшное испытание, попущенное России, — а в чем его благой Замысел, мы можем только гадать, — оставило нас наедине с самими собой, и наша Церковь, вошедшая в последнее десятилетие своего тысячелетнего стояния, переживает, говоря современным языком, несомненно пограничную ситуацию, и для того, чтобы выстоять, ей нужны напряжение всех ее духовных сил и непоколебимость веры. Так просто у нас, наружно оставаясь на почве Православия и формальной верности букве Отеческого Предания, уйти в обрядоверие, доказывая тем самым лояльность атеистической власти, боящейся именно д у х а Православия; так легко искать и найти мудрость в освященном опытом

недавней истории компромиссе с режимом, вынужденным из соображений стратегических терпеть само существование Церкви; так заманчиво усыпить свою совесть, сознательно ограничивая жизнь Церкви, видеть в ней некий институт, способный приобщить к отечественной истории, национальному возрождению, русской культуре. И при этом можно соблюдать благочестие, выражать наружное уважение к Преданию и историческому опыту Церкви — совесть остается спокойной, жизнь становится легкой, даже комфортной, более того — элитарной: ты участвуешь в восстановлении исторической памяти, печешься о сохранении русской культуры, способствуешь национальному гражданскому возрождению, все вместе мы бодро идем к тысячелетию христианства на Руси — а Христа нет, ибо Его не может быть там, где дух подменен буквой, во имя чего бы такая подмена ни совершалась — страха ради иудейска или во имя любви к отечеству.

+

Сто лет назад Достоевский написал: „При начале всякого народа, всякой национальности, идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, *ибо она же и создавала ее* (здесь и далее выделено Достоевским. — Ф. С.). Исходила же эта нравственная идея всегда из идей мистических, из убеждений, что человек вечен, что он не простое земное животное, а связан с другими мирами и с вечностью. Эти убеждения формулировались всегда и везде в религию, в исповедание новой идеи, и всегда, как только начиналась новая религия, так тотчас же и создавалась граждански новая национальность...”

И далее:

„...как только после времен и веков (потому что тут тоже свой закон, нам неведомый) начинал расширяться и ослабевать в данной национальности ее идеал духовный, так тотчас же начинала падать и национальность, а вместе падал и весь ее гражданский устав, и померкали все те гражданские идеалы, которые успевали в ней сложиться. В каком характере слагалась в народе религия, в таком характере зарождались и формулировались и гражданские формы этого народа. Стало быть, гражданские идеалы всегда прямо и органически связаны с идеалами нравственными, а главное то, что несомненно из них только одних и выходят. *Сами же по себе* никогда не являются, ибо являясь, имеют лишь целью утоление нравственного стремления данной национальности, как и поскольку это нравственное стремление в ней сложилось. А, стало быть, „самосовершенствование в духе религиозном” в жизни народов есть основание всему, ибо самосовершенствование и *есть исповедание полученной религии*, а „гражданские идеалы” сами, без этого стремления к самосовершенствованию, никогда не приходят, да и зародиться не могут”.

И еще:

„Когда изживалась нравственно-религиозная идея в национальности, то всегда наступала панически-трусливая потребность единения, с единственной целью „спасти животишки” — других целей гражданского единения тогда не бывает... Но „спасение животишек” есть самая бессильная и последняя идея из всех идей, единящих человечество. Это уже начало конца, предчувствие конца. Единяется, а сами уже наострили глаза, как бы при первой опас-

ности поскорее рассыпаться врознь. И что тут может спасти „учреждение” как таковое, как взятое само по себе? Были бы братья, будет и братство. Если же нет братьев, то никаким „учреждением” не получите братства. Что толку поставить „учреждение” и написать на нем: *Liberté, Egalité, Fraternité*? Ровно никакого толку не добьетесь тут „учреждением”, так что придется — необходимо, неминуемо придется — присовокупить к тем „учредительным” словечкам четвертое: „*ou la mort*”, „*fraternité ou la mort*” — и пойдут братья откалывать головы братьям, чтоб получить чрез „гражданское учреждение” братство”*.

+

Нет монастырей, нет книг, так мало пастырей — обезображенная холодная пустыня открывается стороннему взору там, где еще шесть десятилетий назад... Стороннему? Но ведь монастырей нет на самом деле (оставшиеся мы перечислим по пальцам), но ведь книги уничтожены и не издаются, а каждому, их сохранившему или переписывающему, грозят узы, но ведь пастыри... Но разве монастырь — это груда так или иначе сложенных камней, а книги — это тисненные золотом корешки, поблескивающие за стеклом шкафа, разве пастырь — это имя, гремящее в радиоприемнике или лицедействующее на экране телевизора, а его проповедь нуждается в миллионном газетном тираже? Разве то, что в течение тысячелетия складывало и сложило душу народа, могло быть растоптано, стать пылью и прахом — не

* Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. Полн. собр. соч. в 6-ти т., С.-П., 1886, т. 5, сс. 789—790.

дать плода? Могло быть уничтожено, тотально подчинившись чуждому и чуждому насилию?..

В 1922 году из Оптиной Пустыни иеромонах Никон писал матери:

„...никто и ничто не может повредить человеку, если сам себе он не повредит, напротив, кто не уклоняется от греха, тому и тысяча спасительных средств не помогут. Следовательно, единственное зло есть грех: Иуда пал, находясь со Спасителем, а праведный Лот спасся, живя в Содоме. Эти и подобные этим мысли приходят мне, когда поучаюсь я в чтении свв. Отцов и когда гляжу умственно на окружающее...”

Как сохранилось это письмо, кто его сохранил, переписал, переписывал, переписывает и сейчас — кто его читает, укрепляясь в духе, думая над тем, что никто и ничто не может повредить человеку, если сам он себе не повредит? Разве письмо это и тысячи подобных ему текстов, живущих в сегодняшней России, не свидетельство живой жизни во Христе, хотя она, эта живая жизнь, не видна и никогда не будет видна стороннему взору? Но значит жива и Церковь, как жива и душа народа, приявшего однажды Христа и распинаемая вместе с ним всею своею тысячелетней историей.

„Хочешь быть русским — стань Православным”, — сказал один оптинский иеромонах. А как стать Православным?.. Вот что писал сто лет назад великий русский писатель, не однажды бывавший в Оптиной:

„Главная же школа Христианства, которую прошел он (русский народ. — Ф. С.) — это века бесчисленных и бесконечных страданий, им вынесенных в свою историю, когда он, оставленный всеми, по-

пранный всеми, работающий на всех и на вся, оставался лишь с одним Христом-Утешителем, Которого и принял тогда в свою душу навеки и Который за то спас от отчаяния его душу!”*

А другой великий русский писатель, тоже приходивший в Оптину, записал:

„Церковь наша должна святиться в нас, а не в словах наших. Мы должны быть Церковь наша и нами же должен возвестить ее правду. Они говорят, что Церковь наша безжизненна. — Они сказали ложь, потому что Церковь наша есть жизнь; но ложь свою они вывели логически, вывели правильным выводом: мы трупы, а не Церковь наша, и по нас они назвали и Церковь нашу трупом”**.

Нет, не теплохладность, не мудрый компромисс и не успокаивающее собственную совесть лукавство нужны нам, чтоб войти в Церковь нашу и вместе с ней выстоять в Богом данной нам предельной ситуации, но напряжение всех наших духовных сил и неколебимость веры. Тишина и внутренний покой, бесконечная требовательность к себе и постоянная неудовлетворенность собственным нравственным состоянием, трезвость в отношении к происходящему, но главным образом — к себе, стремление к самосовершенствованию, а для этого неостановимая работа над собой, нравственный христианский максимализм и невозможность никогда смешивать Божественное с чем бы то ни было: постоянное очищение самосознания, вычищение истины, предпочтение внутреннего всему внешнему и наружному, просто-

* Ф. М. Достоевский. Цит. соч., с. 778.

** Н. В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями. Полн. собр. соч. Изд-во Акад. Наук. 1952, т. 8, с. 245.

та жизненных потребностей и самоограничение, нравственное мужество, постоянное и неостановимое стремление к целостности устройства души, ума и сердца...

+

„Вы еще не любите Россию, — писал Гоголь, — вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всем дурном, что в ней ни делается, в вас все это производит только одну черствую досаду да уныние. Нет, это еще не любовь, далеко вам до любви, это разве только одно слишком еще отдаленное ее предвестие. Нет, если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадет тогда сама собой та близоручая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже весьма умных людей, то есть, будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России, и будто они ей уже не нужны совсем; напротив, тогда только во всей силе вы почувствуете, что любовь всемогуща и что с ней возможно все сделать...”*

Что — все? Полюбить Россию, своих братьев, возгореться любовью к Богу — спастись.

Какие пронзительно-живые слова произнесены были почти полтора столетия назад человеком, сотрясенным любовью к своим братьям, своей стране, к Богу. Пронзительно-живые сегодня, ибо сегодня есть что делать в России, и ей, как никогда, нужны любящие ее. Но прежде чем делать — надо бы т ь. Путь обретения любви, о которой писал Гоголь, восхождение в ней, бесконечно труден, но он единствен: покаяние, смирение, Крест — а что еще

* Н. В. Гоголь. Цит. соч. с. 300.

есть на этом пути? С призыва к покаянию началась Благая весть, каждый евангельский стих вызывает сокрушение о собственных грехах, а оно учит смирению и готовности к крестным мукам. Смирением перед Божественной волей была жертва Авраама, принесшего Господу единственного сына — и Авраам стал отцом веры. Смирением перед Богом был подвиг Божией Матери — и Она стала Матерью Христа, и стояла рядом с ним у подножья Его Креста. Смирением перед Отцом были крестные муки Спасителя — и Он искупил грех человека и грех человечества.

Итак, не просто покаяние перед людьми или даже перед Богом предостоят нам на этом пути, и не просто смирение перед людьми или даже перед Богом, и не просто готовность умереть ради людей, ради своей страны или даже Бога ради, но все это вместе, ибо жертва во имя любви к Богу невозможна без смирения перед Ним, а смирение начинается в сокрушившем твою душу покаянии за все, сделанное тобой: за ложь или трусливое молчание, за грех, соучастие в грехе или тайный помысл о нем; в осознании безмерности собственной вины в произошедшем и происходящем на твоей земле, ибо нам не забыть памяти о том, что было вчера и что происходит с нами сегодня, коль у нас есть надежда на завтра. И тогда Крест, на который ты взойдешь, если Господь сподобит тебя этой милости, жертва, которую ты принесешь во имя любви к Богу, своим братьям и своей земле, будет естественна, как дыхание, а смерть Христа ради станет радостью и наградой. Но ты должен знать и помнить, что взявшийся за плуг и оглядывающийся назад неблагонадежен для Цар-

ствия Небесного, что с Креста не сходят — с него только снимают.

+

Все выше и круче идет дорога восхождения в любви к ближним и их страданиям, к своей стране и ее трагедии, к Богу. Этой дороге нет конца, она начинается только в Церкви и заканчивается для нас только в Церкви. Это путь, которым мы идем всю жизнь или одно ее мгновение, но это всегда путь покаяния, смирения и крестной жертвы. Другого пути не существует, он единствен, ибо есть только да и нет Христу. А поэтому христианский максимализм и способен спасти заблудшее, каждого из нас и всех нас вместе, оздоровить землю, на всем ее гигантском пространстве впитавшую кровь мучеников. Они — семя Церкви, наша надежда и единственный пример, которого раньше всего следует быть достойным.

+

Автор повести об о. Никоне цитирует одного из св. отцов: „Мученики потому имели дерзновение исповедывать веру во Христа и переносить мучения, что имели веру несумненну и добрую совесть” (Житие муч. Кикилии).

+

Жизнь последнего Оптинского старца о. Никона, с которой знакомит читателя ”Надежды” неизвестный автор, не изобиловала ни особенными событиями, ни невероятными душевными переживаниями, ни открывшимися нам чудесными духовными озарениями. Это полная чистоты и трудов жизнь православ-

ного инока, смиренно и неостановимо идущего лестницей монашеского делания, готовящего себя к подвигам и венцу, не стремясь и не надеясь на них, ставшего иноком в годы заката Оптиной и получившего ключи от последнего Оптинского храма в дни разгрома обители. Чудным отроком, веселым и открытым, пришел он в Оптину, послушником сблизился со старцем Варсонофием и день за днем, месяц за месяцем, год за годом, пока возрастала его душа и укреплялся дух, впитывал мудрость и благодать своего духоносного наставника, а когда остался один, когда все, о чем пророчествовал ему прозорливый старец, свершилось и для иеромонаха Никона началось ж и т и е, он оказался готовым к нему, оставшись все тем же, ни в чем не изменив себе и тому, что стало уже его существованием. А потому едва ли следует и возможно хоть как-то комментировать повествование об этой жизни: дневники, письма и записи о. Никона, воспоминания о нем — живут в Самиздате, переписываются и хранятся, становятся нашим духовным опытом, ибо нам открывается в них то, что обычно скрыто: сам путь духовного возрастания, сама атмосфера, в которой выковывается дух, сама почва Православия, в которую неутомимый и благодатный Сеятель бросает и бросает зерна, напоминая нам о том, что еще не умрет — не даст плода, не воскреснет.

1980

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ИЕРОМОНАХА НИКОНА ОПТИНА ПУСТЫНЬ

*„Не умру, но жив буду
и повем дела Господня...”*

Вместо предисловия

Оптина Пустынь (ныне поселок Оптино) находится в трех километрах от города Козельска Калужской области.

Если хотите, читатель, пойдете со мной вместе, вместе со светлыми воспоминаниями моей юности, в Оптину Пустынь!

Миновав Козельск, мы выйдем на Казацкий луг.

Дорога вьется по лугу, петляет между зарослями кустарника, опять выбегает на луг, и вот — канава. Мостик через нее. Это рубеж, отделяющий монастырские владения от городских. Длинная аллея старых, головастых ветел. Песок под ногами. Идти тяжело. Пахнет цветами и речной сыростью. В просветах между деревьями сверкает что-то белое, золотое. Монастырь близко. Паром (впоследствии мост) переносит вас на другой берег веселой быстрой речки Жиздры.

Рукопись, найденная в Самиздате, не была подписана. Это образец новой „житийной литературы”, создаваемой в наше время. Повествование дается с небольшими сокращениями. — С о с т.

Благоговение наполняет вашу душу, как только вы вступили на священную землю монастыря. Осенив себя крестным знаменем, входите в святые ворота. Высокая лестница ведет вас вверх, к колокольне. Часы мелодично вызванивают четверти. Под сводами колокольни тихо и прохладно. Гулко отдаются шаги на каменном полу. По стенам — священные изображения: Введение во храм Пресвятыя Богородицы, Преподобная Мария Египетская в рубище, едва прикрывающем опаленное зноем тело, приближается к старцу Зосиме. Св. пророк Илия в пустыне и ворон, несущий ему в клюве хлеб...

Вы идете дальше. Солнце ярко играет на позолоченных крестах. Еще белее сверкают стены храмов, утонувшие в зелени окружающих их деревьев. Среди развесистых яблонь, груш и других насаждений возвышаются скромные монастырские домики. Низенькая кирпичная сквозная ограда, обсаженная двумя рядами липок, окружает четыре главные храма обители и кладбище. Утрамбованная, покрытая золотистым песком дорожка ведет вас мимо Введенского собора к могилкам почивших старцев. Прямо против южных дверей собора — часовня над могилой старца схиархимандрита Варсонофия и иеромонаха Анатолия (Зерцалова), его наставника и учителя. Налево, за алтарем — часовни, где покоятся старцы — Леонид, Макарий, Амвросий, Иосиф, Анатолий.

Бесперывно входил народ в эти часовни, где горели перед образами неугасимые лампы. Молились, просили святых молитв у старцев, благоговейно лобызали мраморные надгробия, брали песочек в специально сделанных углублениях над гробницами.

Исполины духа почивают здесь. От их холодных надгробий веет теплом. И с верою приникающие к ним не отходят без утешений и благодатной помощи.

Обогнув маленький Владимирский храм (бывшую больницу монастырскую), вы через восточные ворота выходите на дорогу в скит. Лес. Вековые сосны, дубы, ели и липы окружают вас высокой стеной. Сумрачно, тихо и таинственно...

Но вот среди толстых стволов сосен мелькает при поворотах дорожки что-то розовое, светлое... Еще один поворот и перед вами — Скит. Какая простота и красота! Под сенью вековых деревьев такой маленькой выглядит розовая колоколенка Скита. По обеим сторонам ее — хибарки старцев. Невысокая деревянная стена на каменных столбах с круглыми каменными башенками по углам окружают скит. А кругом лес, лес без конца и края... Под колокольной тяжелой железной дверью всегда заперта. Со стен на вас глядят испытующе-строга лица преподобных отцов, подвижников древних времен и наших, русских. Изможденные постом и подвигом лики. Суровые, проникновенные глаза. — „Начало премудрости страх Господень, глаголется же быти рождение веры”. — Боли болезнь болезненно, „да мимо течети суетных болезней болезни...” — читаете вы на развернутых хартиях в руках подвижников. В нерешительности вы останавливаетесь. Ведь здесь, за этой дверью, живут люди, ушедшие от мира, по силе подражающие этим преподобным отцам. Чувство собственного ничтожества и греховности наполняет вашу душу. Вы медлите несколько мгновений. Наконец, нерешительно стучите. Дверь широко распахивается и привратник, с ласковой улыб-

кой на старческом лице, низко кланяется вам. Вы делаете шаг вперед и в изумлении останавливаетесь. После сумрака леса и испытующих взоров подвижников вы очутились в царстве света. Перед вашими взорами — сад, среди зелени деревьев и кустов белеют маленькие кельи, расположенные одна от другой „на вержение камня”. Прямо перед вами — деревянный, самой простой архитектуры, окрашенный в темнокрасную краску храм во имя покровителя Скита св. Иоанна Предтечи и Крестителя Господня. И — масса цветов...

Какая тишина!.. Ни звука кругом. Только пение птиц, да шелест листьев на деревьях нарушают эту священную тишину. Тишина, покой, безмятежность... Как счастливы люди, которых Господь сподобил жить в этом земном раю, вдали от суетного и многомятежного мира, полного соблазнов и искушений.

+

Однажды зимой в Скит вошли двое юношей-братьев, приехавших из Москвы. Они пришли за благословением к скитона начальнику игумену Варсонофию, имея желание и намерение посвятить свою жизнь Господу в иноческом чине.

Один из них, веселый и жизнерадостный, своей девственно-чистой душой, горящей стремлением к духовному совершенству, сразу привлек к себе внимание скитона начальника. Старец как бы провидел своими духовными очами, что в этом юноше он найдет достойного преемника себе, ревностного последователя старческих заветов.

Действительно, вскоре юноша стал ближайшим, любимым учеником и сотаинником старца. А впоследствии, достигнув меры возраста совершенства,

невзирая на сравнительную молодость свою, и сам он стал старцем, последним оптинским старцем, учителем истинной монашеской жизни. Юношу звали — Николай Беляев, а в монашестве — иеромонах Никон. О нем и будет идти дальнейшее повествование, если Господь благословит.

1

В конце XIX и в начале XX столетий жила в Москве купеческая семья Беляевых.

Глава семьи, Митрофан Николаевич Беляев, по происхождению был крестьянином Воронежской губернии Землянского уезда. Отец его был крепостным. Обремененный большой семьей (у него было 14 человек детей), он после освободительной реформы испытывал большую нужду, так как выделенный ему участок земли был мал, а других средств к существованию у него не было. По этой причине три его сына, в том числе и младший Митрофан, которому было уже около 30-ти лет, покинули родину и отправились пешком "искать счастья" в Москву. Митрофану удалось устроиться "молодцом", т. е. рабочим, в самый лучший в то время магазин "Мюр и Мерилиз", ныне 1-й универмаг, находящийся на углу Петровки и Театральной площади.

Парень он был от природы умный, энергичный и обладал исключительной трудоспособностью. Благодаря этим качествам, он быстро продвинулся вперед и стал вскоре приказчиком, а затем и заведующим мануфактурным отделом. Зарабатывал он хорошо и имел большие связи в мануфактурном мире, так как пользовался полным доверием хозяина и имел от него большие полномочия. Успех, бо-

гатство и известность превысили его мнение о своих способностях и это, в основном, послужило причиной тому, что у него произошла размолвка с „всесильным” Мюром, и он порвал с ним, решив открыть самостоятельную торговлю. Первое время дела его шли очень хорошо, но затем его постигла неудача, — Митрофан Николаевич разорился так основательно, что уже до конца жизни своей не мог подняться на прежнюю высоту и работал коммивояжером в крупных торговых фирмах.

Был он очень крепкого здоровья и обладал неутомимой энергией. По его словам, за всю свою жизнь он никогда не болел, не считая предсмертной своей болезни. Один только раз он несколько месяцев пролежал в больнице с ожогами, которые получил при пожаре, спасая ребенка. На пожарах он вообще проявлял большое мужество и активность, спасая людей и их имущество. А во время половодья не отходил от Москва-реки, спасая утопающих. За такого рода проявления мужества, отваги и самопожертвования он был награжден орденами и медалями.

Еще в первые годы своей жизни в Москве Митрофан Николаевич женился на вдове с двумя дочерьми. Жена вскоре умерла от туберкулеза. Впоследствии и обе его падчерицы скончались от той же болезни. После смерти первой жены он женился вторично на дочери московского купца Швецова, Вере Лаврентьевне. Отец ее, Лаврентий Иванович Швецов, в раннем детстве был брошенным ребенком, круглой сиротой. Его подобрал кто-то на улице и, сжалившись, пристроил к одинокому старику-купцу в его железную лавку на Балчуге. Мальчик оказался послушным, религиозным и исключитель-

но добросовестным. Старик купец очень полюбил его и, умирая, завещал ему свою торговлю железом. Торговые дела у Лаврентия Ивановича Швецова шли так хорошо, что к концу жизни у него были три богатых железных лавки.

Вера Лаврентьевна Швецова вышла замуж за Митрофана Николаевича Беляева тридцати одного года и была на десять лет моложе его. Она была красивая девушка и имела для того времени хорошее образование, знала французский и немецкий языки. В ранней юности она очень увлекалась музыкой и театром и была хорошо знакома со многими выдающимися артистами и музыкантами...

Первые годы после свадьбы супруги Беляевы жили на Донской улице в хорошем, ныне уже не существующем доме, с большим, прекрасным садом при нем. Когда торговые дела Митрофана Николаевича пошатнулись, он начал испытывать большие затруднения в материальном отношении. К тому времени у него было уже семь человек детей. В свое время он много помогал Лаврентию Ивановичу в его комерческих делах, и последний, движимый чувством благодарности, уговорил зятя переселиться в свой дом на Большой Ордынке, в приходе церкви Божией Матери „Всех скорбящих Радосте”. Дом был очень большой и хороший, так что вся семья Беляевых разместилась в нем с большим удобством.

Все члены семьи Беляевых и Швецовых были очень религиозны. Они свято чтит праздники и посты, часто посещали храм Божий. Нередко и в дом свой приглашали священнослужителей для совершения молебнов. При этом иногда привозились из храма чудотворные иконы и другие святыни.

Часто служились на дому всенощные бдения, ибо бабушка, Мария Степановна, в конце своей жизни по болезни не могла посещать храм.

Несколько раз у них в доме бывал почитаемый всей православной Россией протоиерей о. Иоанн Кронштадтский, служил молебны, пил чай, беседовал.

Особенным благочестием отличался дедушка, Лаврентий Иванович. В течении 30-ти лет до самой смерти он состоял церковным старостой в храме свв. равноапостольных Константина и Елены в Кремле, под горой. Это была небогатая, но вполне благоустроенная церковочка. Во время нашествия Наполеона она сильно пострадала от пожара. Лаврентий Иванович много потрудился над ее благоустройством, продолжая дело своих предшественников.

Между прочим, в этом храме находилась дивная икона Божией Матери „Нечаянная радость”, которую Лаврентий Иванович и вся семья Беляевых почитали особенно.

В своих торговых делах Лаврентий Иванович был безупречен: не было такого случая в его жизни, чтобы он сознательно кого-либо обманул или обидел опровергая этим сложившуюся в торговом мире поговорку: „Не обманешь — не продашь”. „Я вот, — говорил он, — за всю свою жизнь ни разу никого не обманул, а дело мое шло лучше, чем у других...”

За свою благочестивую жизнь он пользовался большим уважением как среди своих собратьев по ремеслу, купцов, так и со стороны духовных лиц, с которыми всегда поддерживал близкие, дружественные отношения. Даже такой высоконравственный муж, как всем известный и всеми почитае-

мый, протоиерей о. Валентин Амфитеатров относился к нему с большим уважением и был частым гостем в их доме, не только когда был настоятелем храма св. Константина и Елены, но и после, когда его перевели на ту же должность в Архангельский собор.

Проболев раком желудка около шести месяцев, Лаврентий Иванович мирно почил о Господе 14 января 1902 г. Кончина его была истинно христианской. Как раз в день его смерти к ним в дом привезли св. икону. Служивший молебен иеромонах, заметив тяжелое состояние Лаврентия Ивановича, предложил приобщить его Св. Таин, что и было исполнено. Это было днем, часов в 12, а вечером этого же дня он отошел от мира сего. Пришедший на другой день доктор сказал с удивлением: „Нельзя было ожидать так скоро его смерти. Я полагал, что он еще около месяца проживет”.

После его смерти, в конторке, за которой он всегда сидел в лавке, нашли несколько экземпляров Псалтири, зачитанные до полной непригодности. Внуков своих Лаврентий Иванович очень любил, был добр с ними, но в то же время — в меру строг.

Митрофан Николаевич тоже был религиозным человеком, но религиозность его была внешней. Он не вникал в глубину христианского вероучения. Исправно ходил по праздникам в храм Божий. Особенно любил благолепие церковное — хорошее пение, чтение и служение. Славившиеся в то время по красоте голоса и слезения протодиакон Успенского собора Андрей Шеховцев и Николай Росляков были его друзьями и сотрапезниками.

Вера Лаврентьевна была религиозна не менее отца и мужа и при том обладала прекрасным — ров-

ным, спокойным и правдивым характером. Много лет спустя Оптинский старец Варсонофий сказал ее сыну Николаю такие слова: „Благодарите Бога, что у вас такая мать... „Се воистину израильтянин, в нем же лъсти нет...”

2

*„Не вы Меня избрасте,
но Аз избрах вы...”*

26 сентября 1888 г. у супругов Беляевых родился мальчик, которого во святом крещении наименовали Николаем, в честь и славу святителя Христова Николая, Мирликийского чудотворца. К тому времени у них уже было трое детей — Любовь, Надежда и Владимир. Николай родился четвертым.

В жизни каждого человека, в особенности христианина, бывают события, необъяснимые по своей таинственности, недоступные для человеческого разума. Чаще всего они забываются, задавленные житейской суетой, и вспоминаются иногда только под старость. Тогда таинственное и непонятное становится вдруг понятным, простым. И приходит мысль: как мог человек пройти мимо этих указаний Промысла Божия, не осознать их и забыть!.. У каждого есть такие знаменательные события. Люди, не верующие в Промысл Божий, обычно называют их случайностями. Христианин же, убежденный в том, что вся его жизнь ”в руце Божией”, видит в этих ”случайностях” глубокий смысл и значение.

У Николая Беляева со дней его младенчества вся жизнь была глубоко промыслительна. Даже такой, незамеченный никем, кроме, может быть матери, случай имел глубокое значение и отчасти, гадатель-

но, предзнаменовал будущую жизнь ребенка. Высокочтимый протоиерей о. Иоанн Кронштадский, один из праведников XX столетия, однажды посетил дом Беляевых. Отслужив молебен, он благословил молодую мать и подарил ей свою фотографию с собственноручной подписью и датой — год 1888 — год рождения сына Николая.

Еще более знаменательный случай произошел с ним, когда ему было около 5-ти лет. Маленький Коля тяжело заболел какой-то горловой болезнью (возможно, дифтерит). Болезнь приняла катастрофический характер. Постоянный врач Беляевых, Салтыков, дал понять родителям о безнадежном состоянии ребенка. Действительно, к ночи Коле стало настолько плохо, что смертельный исход болезни был уже вне сомнения. Ребенок лежал в бессознательном состоянии. Его маленькое тельце похолодело, посинело. Дыхания не было. У постельки умирающего сына оставались одни родители. Бедная Вера Лаврентьевна не переставая растирала похолодевшее тельце и, проливая горячие слезы, усердно молила святителя Николая о ниспослании помощи свыше. Отец уговаривал ее оставить „покойника” и не мучить себя и его. Не слушая мужа, она продолжала растирать, обливая слезами и призывая на помощь угодника Божия, помогающего там, где человеческая помощь бессильна. И, — совершилось чудо!.. Ребенок вздохнул... Ободренные слабым проблеском надежды, они уже вдвоем начали растирать еще усерднее. Молитва матери, вознесенная от полноты любящего сердца, не осталась неуслышанной. Господь по молитвам святителя Николая даровал ребенку жизнь. Всеведущий Господь, провидящий всю жизнь каждого человека со дня

рождения и до смерти, совершившимся чудом дал понять, что жизнь младенца Николая Беляева предопределена на служение Ему, Творцу, Промыслителю и Богу нашему... Впоследствии Оптинский старец Варсонофий особенно подчеркивал таинственное значение этого случая...

Да и в течение дальнейшей его жизни много было случаев явного проявления Промысла Божьего над ним. Господь невидимую рукою вел Своего избранника к пути, намеченному Им, охраняя и спасая.

Коля рос веселым, резвым ребенком. Несмотря на некоторую неповоротливость, был очень ловок, предприимчив и изобретателен в разных детских играх и забавах. Одной из любимых его игр, требующих силы и ловкости, была игра в бабки. Однажды во время этой игры он по неосторожности стал у стены, по направлению которой „били”. И вот один мальчик, обладающий исключительной физической силой, ударил „биткой”, т. е. бабкой, налитой свинцом, так сильно, что, сбив несколько бабок, она отлетела и ударила в стенку на три-четыре сантиметра от головы Коли...

Таких случаев, когда жизнь его подвергалась опасности, было много. Но они быстро забывались или просто проходили незамеченными. Можно отметить еще два случая, происшедших в то время, когда Коля уже был юношей. В них также видна рука Божия, явно охраняющая его. В 1905 г., когда Коле было 17 лет, он гостил у своих знакомых на даче. Коля пошел погулять в лесу. Охотиться не пришлось, никакой дичи не попадалось, начали собирать грибы. Вдруг молодой охотник взвел курок своего ружья: ему показалось, что в кусте сидит рябчик. Под другим кустом он увидел гриб

и сказал Коле, чтобы он его взял, а сам стал спускать курок. Если бы произошел выстрел, пуля непременно попала бы в Колю, нагнувшегося над грибом, так как дуло ружья было направлено в его сторону на расстоянии 2-3 шагов. Но выстрела, по неизвестной причине, не было.

Другой случай был такой. Однажды Коля ехал на велосипеде по одной из окраинных улиц Москвы. Улица была пустынная. Спокойно и беспечно ехал он, поглядывая по сторонам, но вдруг как будто его что-то толкнуло. Он повернул голову и увидел бесшумно мчавшегося прямо на него рысака на шинах. Если бы он повернулся на несколько мгновений позднее, — рысак сбил бы его и, возможно, задавил на смерть или, в лучшем случае, покалечил. Ангел, хранитель его, невидимо указал опасность.

Впоследствии, вспоминая эти происшествия своей жизни, он писал в своем дневнике: „Господь меня хранил всегда...” И старец Варсонофий, его наставник, неоднократно говорил ему, что жизнь его „вся промыслительна”.

Всех детей у супругов Беляевых было восемь человек. Старшими были девочки — Любовь и Надежда. Затем шли мальчики — Владимир, Николай, Сергей, Иван, Митрофан и Алексей. Все они были „погодками”, рождались через год один после другого, кроме последних, Митрофана и Алексея. Всех их, кроме Алеши, крестили в церкви „Риз положения” — „положения ризы Господней”, на Донской улице, так как они родились до переезда к дедушке.

Во вполне обеспеченной семье Беляевых детям жилось хорошо. Они не только никогда не испытывали материальной нужды, но можно сказать, жили почти в роскоши. У детей были свои комнаты.

Чтобы дети во время своих игр не валялись на полу, расстилался большой войлок, обшитый ситцем, и такие же, набитые ватой, подушки. На праздник Рождества Христова всегда устраивалась большая елка, которую украшали с помощью раздвижной лестницы. Приготовления к елке начинались задолго до праздника. Под руководством матери и няни все дети принимали участие в приготовлении украшений для елки. Клеили из золоченой и цветной бумаги цепи, звезды, хлопушки. Золотили сусальным золотом грецкие орехи. На елку приглашались не только дети родных и знакомых, но и дети прислуги из знакомых домов...

Коле жилось особенно хорошо. Он пользовался исключительной любовью дедушки и бабушки. От природы он был наделен характером веселым, бойким, энергичным. Этими качествами он выделялся из среды своих братьев. Его жизнерадостность заражала и остальных. Таким он оставался и до конца дней своих, с той только разницей, что бездумную детскую веселость сменила тихая радость, плод высокой духовной культуры.

Судя по воспоминаниям его брата Ивана, отличительной чертой характера Коли, еще в детстве, было терпение и очень большая сдержанность. По словам матери его, он был исключительно терпеливым ребенком еще с пеленок.

Однажды был такой случай. Будучи на даче, детям вздумалось уничтожить осиное гнездо в чулане, высоко под потолком. Достать его взялся Коля. Было ему тогда лет двенадцать. Хватаясь за перекладыны, он полез вверх, по стене и, пытаясь дотянуться до гнезда, сорвался. Падая, он распорол себе ладонь большим ржавым

гвоздем. От неожиданности он только вскрикнул, но ни стонов, ни слез не было. Когда мать, заливаясь слезами, смазывала йодом и забинтовывала глубокую, кровоточащую рану, а братья с ужасом смотрели на эту процедуру, Коля не издал ни звука. Только крепко закушенная губа и бледность показывали, как ему было больно! Эта черта — изумительное терпение и выдержка сохранились в его характере на всю жизнь.

Коле было 14 лет, умер дедушка, Лаврентий Иванович. Это была первая смерть, первая скорбь после счастливой и беззаботной детской жизни. Через полгода после смерти дедушки, 30 июля 1902 г. умерла бабушка, Мария Степановна. Одновременно тяжело заболел отец, Митрофан Николаевич, и промучившись года полтора, умер от рака пищевода в ночь со 2 на 3-е января 1903 г. шестидесяти лет от роду. Умер он тихо, со всеми христианскими напутствиями, хорошо сознавая, что умирает. За два дня до смерти, в ночь под Новый год, всех детей привели к нему проститься. Все стояли у постели умирающего с бокалами шампанского в руках. Когда оно было выпито, отец благословил каждого сына и дочь последним благословением.

Эти три смерти близких людей, одна за другой в течение года, глубоко поразили впечатлительную душу Коли. В эти скорбные для всей семьи годы в душе Коли начал совершаться перелом. С особенной остротой переживал он первую смерть — смерть дедушки. Две последующие смерти бабушки и отца, он перенес более легко. С этого времени в нем более заметна стала сдержанность в проявлении своих чувств, отличительная черта его мужественной и терпеливой души. Так, во время последней панихи-

ды перед выносом в церковь, когда вся многочисленная семья Беляевых окружила гроб с телом Митрофана Николаевича и рыдания сотрясали воздух, Коля не издал ни звука. Он стоял у гроба отца как изваяние. Только свеча дрожала в его руке и крупные светлые слезы падали из его глаз на пол.

Как это ни странно для религиозно настроенной семьи Беляевых, но детей, когда они были маленькими, в храм водили редко, в особенности в холодное время года, боясь простуды. Детей любили, ласкали, но вольности не позволяли и уходить из дома, не спросив на это разрешения, они не смели. Дома же их с малых лет приучали молиться Богу и утром и вечером. Для них было составлено маленькое правило, состоявшее из молитв: „Царю Небесный...” „Отче наш...”, „Богородице Дево, радуйся...”, „Заступнице усердная...” и других. Затем шло краткое обращение к своему святому и святителю Николаю Чудотворцу. Заканчивалось правило молитвой о здравии всех поименно, начиная с бабушки и кончая младшим братом. После смерти бабушки, бабушки и отца прибавились еще молитвы об их упокоении. Молитвы читались наизусть, вслух, по очереди. Не считая светских книг, которые давались детям с большим выбором, им часто читали вслух или предлагали самим почитать Евангелие и жития святых.

Восприимчивую душу Коли чрезвычайно интересовали истины, открывающиеся ему из чистых житий святых и других книг духовного содержания. Часто задумывался он над вопросами социальной разницы между людьми, совершенно одинаковыми по природе. Сердце его болезненно сжималось от жалости к детям, которые (он хорошо это знал из рассказов взрослых и своих товарищей) полураз-

дети и голодные живут в сырых подвалах, или скитаются по улицам Москвы, выпрашивая у прохожих подавание.

Обливаясь слезами, засыпал он иногда в своей кровати, размышляя о Боге, Его вездесущии и всемогуществе. Особенно волновали его мысли о смерти, аде, о вечных муках, ожидающих грешников...

Иногда, в особенности в дни больших праздников, когда ничем нельзя было заняться, ему делалось скучно. В такие минуты даже любимые игры и развлечения не привлекали его. Душа голодала, лишенная духовной пищи, томилась, бессознательно стремясь к чему-то неведомому еще, неизреченно прекрасному...

Вера Лаврентьевна передала свои музыкальные способности и некоторым из своих детей. Володя, Люба и Надя хорошо играли на рояле. У Коли был приятный, чистый голос и верный слух. Поэтому редок был день, когда в доме не устраивались концерты. Коля пел, он любил петь, а кто-либо из умеющих играть, чаще других сестра Люба, аккомпанировал ему на рояле...

В описываемое нами время настоятелем церкви „Всех скорбящих Радосте” был о. Симеон Ляпидевский. Однажды на исповеди он сказал Коле, уже учившемуся в гимназии, что по праздникам непременно надо ходить в церковь. — „Это наш долг перед Богом...” — С этого времени Коля стал чаще посещать храм, иногда даже в будние дни.

Отец Симеон был частым гостем в семье Беляевых. (Вера Лаврентьевна была крестной матерью его младшего сына.) Услышав однажды пение Коли, он уговорил Веру Лаврентьевну разрешить Коле помогать петь и читать на клиросе. Вера Лаврентьев-

на согласилась, а Коля с радостью отозвался на это приглашение. До сих пор из всех детей Беляевых, уже учившихся в гимназии, только двое — Люба и Иванушка часто ходили в храм. Теперь к ним присоединился и Коля.

Иванушка, как обычно называли в семье брата Коли — Ивана, был на два года моложе Коли, но стремление к Богу и церкви у него возникло раньше, чем у Коли.

Братья отличались не только характерами, но и внешним обликом. Коля был энергичный, подвижной мальчик, и имел весьма привлекательную наружность. Его овальное, белое, с нежным румянцем лицо, ясные голубые глаза и густые светло-русые волосы нравились всем, он всех привлекал к себе. Иванушка же был полной противоположностью брата: он был смугл, круглолиц, темноволос, с карими глазами. Это была страстная, легко увлекающаяся натура, с пылким сердцем и пытливым умом. Коля же, напротив, несмотря на присущую ему веселость, с отроческих лет отличался спокойным, ровным, сдержанным характером. Иванушке еще с детства была присуща некая пессимистическая настроенность. Отчасти причиной этой черты его характера была близорукость, о которой он не подозревал до 14-летнего возраста. Плохое зрение мешало ему активно участвовать в детских играх. Отсюда — сознание своей неполноценности и стремление к уединению.

Итак, дети уже втроем начали посещать теперь церковь почти ежедневно. Главным их учителем по церковному пению и чтению был старший псаломщик Иван Иванович Светинский. Кроме пения и чтения на клиросе, мальчики прислуживали в алтаре, —

читали поминания, подавали кадило и вообще выполняли разные мелкие поручения.

В церкви „Всех скорбящих Радосте” служили не торопясь, но и не затягивая службу. После обедни всегда служился молебен Божией Матери, иногда с чтением акафиста и всегда с пением канона „Скорбных наведения обуревают мою душу...” По воскресеньям, после вечерни, устраивались беседы на религиозно-нравственные темы. Иванушка, Люба и Коля ходили на эти беседы и любили их слушать. Непостижимым образом, капля за каплей, благодатные слова пробивали окаменение их сердец и снимали завесу с их душевных очей. Очи ума их были до времени закрыты для познания глубины веры христианской, но — „капля камень точит...”

Революция 1905 года захватила Колю и Иванушку, когда они учились в старших классах гимназии. Многие молодые люди остро переживали происходящие события, резко поколебавшие привычную, размеренно-спокойную жизнь. В старших классах той гимназии, где учились братья Беляевы, так же, как и во многих других учебных заведениях Москвы, устраивались сходки и демонстрации. Был даже избран свой революционный комитет. Коля и Сергей Беляевы принимали участие во всех выступлениях своих революционно-настроенных товарищей. Вскоре за активную демонстрацию весь класс, в котором учились Коля и Сергей, был исключен из гимназии. Им было только предоставлено право сдавать выпускные экзамены экстерном...

Неудачно закончившаяся революция и последующие за ней репрессии, не миновавшие и некоторых товарищей Коли, оставили глубокий след в его

сознании. Можно предположить, что именно с этого момента в душе Коли произошел окончательный переворот, решивший всю его дальнейшую судьбу. Социальные идеи, которыми он увлекался некоторое время, отошли на задний план и утратили всю свою ценность. Он не мог их совместить с верою в Бога, а в Бога он верил искренно. Веры он не терял никогда, хотя и был во время увлечения революционными идеями равнодушен к религиозным вопросам.

Переворот в его душе и сознании произошел не вдруг, не сразу. Постепенно, капля за каплей, благодать Божия очищала все уголки его души. Основной причиной переворота было частое посещение храма и тесное общение с Иванушкой. Они до такой степени сблизились, что все мысли, желания, чувствования у них были общими. Часто меж ними завязывались продолжительные беседы на богословские, моральные и социальные темы...

Наконец, они пришли к убеждению, что для истинно христианской жизни недостаточно частое посещение храма и даже чтение и пение на клиросе. Сознание своего несовершенства при сопоставлении своей жизни с законом Евангельским породило горячее стремление к исправлению своих недостатков. И в поисках пути к этому — желание молитвы, молитвы о помощи Свыше. Хождение на клирос их стало тяготить, и они начали посещать другие храмы, где ничто не могло помешать их молитве, где можно было спокойно стоять и легче было сосредоточить свое внимание. Причем, как это ни странно, неразлучные Иванушка и Коля молиться ходили преимущественно в разные храмы. Даже будучи на молитве в одном храме, они становились

почти всегда врозь. Тогда это было непонятно, необъяснимо... Многие в жизни людей становятся понятным спустя много, много времени...

„Вся жизнь есть дивная тайна, известная только одному Богу. Нет в жизни случайных сцеплений обстоятельств, — все промыслительно. Мы не понимаем значения того или другого обстоятельства. Перед нами множество шкатулок, а ключей нет... Замечайте события вашей жизни. Во всем есть глубокий смысл. Сейчас вам не понятны они, а впоследствии многое откроется...” — так говорил старец Варсонофий послушнику Николаю 11 ноября 1907 года.

Чаще всего братья ходили в храм Василия Блаженного, в Казанский собор, иногда — в Благовещенский собор, в церковь великомученицы Варвары на Варварке, и наконец, в Чудов монастырь, — он стал их излюбленным местом для молитв. В описываемое время Коля, успешно сдав выпускные экзамены в гимназии, поступил в университет. Иванушка же продолжал еще учиться в гимназии.

При поступлении в университет Коля долгое время не мог выбрать себе специальность, не знал, на какой факультет ему поступить. Ни одна из отраслей науки его не привлекала, не затрагивала ума и сердца, как у многих его товарищей или его брата Сергея, с гимназических лет увлекавшегося химией и без раздумий поступившего на факультет, где преимущественно изучалась его любимая наука. Коля тоже поступил на физико-математический факультет, не отдавая себе отчета в выборе, возможно, по совету брата Сергея. Сердце его было занято другим — „единым на потребу”. И мысль послушно следовала велениям сердца.

С середины 1906 г. Коля и Иванушка как бы оторвались, ушли от всего окружающего их. Занятия в университете и гимназии перестали их интересовать и они почти не посещали их. Утром уходили из дома в храм на молитву, не говоря никому об этом из домашних. Даже мать долгое время не подозревала, где они проводят время по утрам. Посещение церковных богослужений сделалось для них насущной потребностью. Читали они в это время только Евангелие и Апостольские послания, а также сочинение епископа Феофана Затворника „Путь ко спасению”. Открывающиеся им истины поражали их мысли и долго не умолкали в их сердцах слова: „Ныне к вам спасение ближе, нежели когда вы уверовали...” „Ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших...” „Темже да изыдем к Нему вне стана, поношение Его носяще...” „Оставьте мертвые погребсти своя мертвецы...” „Возьми крест свой и по Мне гряди...” — Слова эти огненными буквами были написаны в их сердцах. Оба чувствовали неодолимую потребность бросить греховную мирскую жизнь и исправиться, стать истинными христианами. Отсюда, как и следовало по закону духовной жизни, появилось желание принести покаяние пред Богом и начать новую жизнь. Для исполнения этого намерения они избрали Чудов монастырь. Исповедал их перед причащением иеромонах Серафим, внимательно, тепло и сердечно отнесшийся к ним. Это была первая в их юной жизни сознательная, действенная исповедь, сознательное желание очиститься от греховной нечистоты и соединиться со Христом. Приобщались они Св. Христовых Таин на праздник Сретения Господня, и в этот день на всю жизнь остался в их памяти, как одно из самых дорогих и

светлых воспоминаний, „ибо в Чудовом монастыре совершилось чудо милосердия Божия над нами...”

После исповеди и причащения Св. Христовых Таин связь с миром у них фактически порвалась окончательно. Восторженно настроенный Иванушка весь горел одним желанием, одним стремлением — посвятить всю свою жизнь Богу. У него раньше, чем у Коли, зародилась мысль бросить все, оставить мир с его греховной суетой и уйти в монастырь. Он даже совсем перестал ходить в гимназию и написал товарищам своим резкое письмо, развивая в нем мысль о никчемности мирских знаний и о „едином на потребу”. Коля был гораздо спокойнее, сдержаннее. Он как бы выжидал чего-то...

Преподавателем Закона Божия в их гимназии был священник о. Петр Сахаров, настоятель церкви Иоанна Предтечи на Пятницкой улице. Пытливый и стремительный Иванушка однажды обратился к нему с вопросом о происхождении зла. Благоволивший к нему законоучитель предложил за разъяснением этого вопроса придти к нему на дом. Оба брата пошли вместе. И тут Иванушка, совершенно неожиданно для Коли, задал о. Петру давно уже интересовавший их вопрос: посоветует ли он поступить в монастырь и, если посоветует, то в какой... Отец Петр, не имевший никаких наклонностей к монашеской жизни и имевший смутное понятие о монастырях, отказался дать им совет и направил их к своему бывшему товарищу по Духовной Академии, епископу Трифону*.

Иванушка, незадолго до посещения о. Петра в старых дедушкиных книгах нашел справочник под

* Епископ Трифон (Туркестанов).

Н. М. Бѣляевъ (Февраль 1907 г.)

заглавием: „Вся Россия”. Между разного рода справочными материалами там было напечатано перечисление всех русских монастырей. Иванушка изрезал на полоски перечень монастырей и, перемешав их, предложил Коле вытянуть одну полоску, сказав: „Какой монастырь будет написан, туда мы и пойдём...” Помолившись Богу, вытянули жребий. На полоске бумаги было напечатано: „Козельская Введенская Оптина Пустынь”. До этого момента они не имели ни малейшего представления о существовании монастыря „Оптина Пустынь”.

Отцу Петру они, между прочим, задали вопрос: не знает ли он что-либо об этом монастыре? Возможно, что название монастыря напомнило о. Петру имя епископа Трифона, бывшего постриженника Оптиной пустыни. Случай этот поистине знаменательный! В нем ясно видна рука Промысла Божия.

Изумлению Веры Лаврентьевны не было границ, когда, когда в один поистине прекрасный день, 11 февраля 1907 г., пред ней предстали Иванушка и Коля, объявили ей о своем решении поступить в монастырь и просили благословения на этот путь. От Иванушки она еще могла этого ожидать, но Коля, веселый, общительный Коля ее поразил. А все его родные и знакомые даже поверить не хотели серьезности его намерения, так оно не вязалось с их представлением о Коле. „Коля Беляев — монах?!” — в их понятиях это звучало дико. Да и сам он, впоследствии, говорил, что это было чудо и милость Божия.

Препятствовать благому намерению своих детей. Вера Лаврентьевна не смела и не могла, хотя сердце ее болезненно сжималось при мысли, что они, выросшие почти в роскоши, лишают себя самых

простых удобств жизни... Но как истинная христианка долг пред Богом она ставила выше всего. Со слезами на глазах благословила она крестами коленапоклоненных и приникших лицом к полу своих сыновей на монашескую жизнь. Незадолго для этой именно цели они заказали большие медные четырехконечные кресты размером 6—8 сантиметров. Ими и благословила их мать. Коля особенно дорожил этим материнским благословением, до самой смерти не снимал с себя креста...

Как верная дочь Православной Церкви Вера Лаврентьевна решать этот важный вопрос самостоятельно, без благословения и одобрения духовных лиц, не хотела. Поэтому на другой же день она, вместе с сыновьями, поехала к о. Валентину Амфитеатрову, бывшему настоятелю церкви свв. равноапостольных Константина и Елены, который был в хороших отношениях с ее отцом, часто бывал у них и знал ее. По старости и постигшей его потере зрения о. Валентин уже нигде не служил, но продолжал пользоваться большой известностью. Его уважала и почитала вся православная Москва, и многие обращались к нему за советом в затруднительных случаях жизни. Отец Валентин, выслушав Веру Лаврентьевну, сказал, что он не может давать совет в таком деле: „Я никогда не был монахом. Как я буду советовать?..” Когда Коля уже при прощании произнес: „Батюшка, благословите меня...”, мысленно добавив: „на монашество”, — о. Валентин медленно, широко осенил его крестным знаменем со словами: „Во имя Отца и Сына и Святого Духа” и с любовью поцеловал его в лоб. Чувствовалось, что это было благословением на монашескую жизнь.

Через несколько дней о. Петр отвел Колю и Ива-

нушку к епископу Трифону. Горячо приветствовавший их намерение Владыка в то же время осторожно сказал: „Я вас направлю в Оптину, да, может быть, сделаю этим семейный раздор?” Братья ответили, что имеют благословение от матери, но о. Петр убоился того, о чем говорил епископ Трифон, и сообщил об этом о. Симеону. Успокоились они после личной беседы с Верой Лаврентьевной.

Епископ Трифон, узнав, что со стороны матери препятствий к поступлению в монастырь ее детей Николая и Ивана нет, пожелал познакомиться с ней, лично поговорить и предложил им придти в Богоявленский монастырь, где он был наместником, к вечерне. После воскресной вечерни епископ Трифон прочитал акафист мученику Трифону и произнес слово о блудном сыне. (Шла Неделя о блудном Сыне перед Великим Постом.) А затем Вера Лаврентьевна, о. Петр, Коля и Иванушка были приняты Владыкой в его покоях. Епископ Трифон в ответ на выраженную Верой Лаврентьевной скорбь, вполне естественную для матери, сказал: „Не беспокойтесь... В Оптиной они увидят только хорошее, вынесут оттуда только хорошие впечатления, которые останутся у них на всю жизнь”.

Между прочим, когда они вошли в зал к епископу, одновременно с ними, из другой двери, вошел о. Гавриил, монах Оптиной пустыни, постриженник Владыки. Указывая на него, епископ Трифон сказал, улыбаясь: „Архангел Гавриил всегда является провозвестником... А к вам послан о. Гавриил. Вот с ним и поезжайте в Оптину пустынь...”

Когда впоследствии послушник Николай рассказал об этом своему старцу Варсонофию, тот произнес такие слова: „Вы тогда уже стали мона-

хами... Владыка, как человек веселого характера, может быть, сказал это шутя, но слова архиерея имеют великую силу... Великое дело — архипастырское благословение. Сам епископ может быть и грешным, как все люди, но его благословение и молитвы имеют великую силу...”

Итак, поездка в Оптину пустынь была окончательно решена.

Отец Гавриил, по благословию епископа Трифона, взял на себя обязанность сопровождать братьев. Однажды он пришел к ним в дом, чтобы договориться о дне выезда и, сидя за чаем, сказал, обращаясь к Иванушке и Коле: „В Оптиной вам первым делом дадут читать „Авву Дорофея...” — „Авву Дорофея?” — подумал я, впервые слыша это название, и мне представилось, что это такая дрянь, что ее только и можно в печку бросить...” — так писал Николай в своем дневнике впоследствии, вспоминая этот день, и добавлял: „Все мои познания, вся формулировка в нечто определенное моих убеждений и понятий произошла здесь, в Скиту...”

Книгу под заглавием „Авва Дорофей” он оценил по достоинству уже будучи монахом, и каждый раз при повторном чтении открывал в ней все новые и новые жемчужины духовной мудрости.

Перед самым отъездом о. Симеон Ляпидевский сказал братьям, пришедшим к нему проститься: „Если вы выдержите Великий Пост в Оптиной пустыни, то это и будет знаком того, что вам надо быть в Оптиной, что на это есть воля Божия...”

А епископ Трифон, благословляя их и вручая иконочки Божией Матери Казанской, предупредил их: „Вашим руководителем будет о. Варсонофий...”

Но знайте, что есть в Оптиной пустыни партия недовольных им, идущих против него. Если такие будут вам говорить что-либо, осуждающее старца, не слушайте их и по возможности избегайте...”

23 февраля 1907 г. Коля и Иванушка в сопровождении о. Гавриила выехали из Москвы в Оптину пустынь, „не имея о ней ни малейшего представления”.

Оптину пустынь они увидели впервые 24 февраля, часа в четыре дня. „В день обретения главы св. Иоанна Предтечи обрели Оптину, как ... тихое пристанище от житейских бурь и зол, — записал впоследствии в своем дневнике послушник Николай Беляев. — Не смею думать, что это произошло без Промысла Божия. После бесцельного блуждания по жизненной пустыне, я нашел здесь воистину богатое сокровище, утаенное от премудрых и разумных и открытое, доступное младенцам, простецам и не лукавым сердцем. И для меня оно было сокрыто, и я едва ли нашел его сам. Я был сюда приведен не зная, почему, как и для чего...”

Отец Гавриил поместил их в гостиницу около святых ворот. Когда они немного отдохнули, он повел их по лестнице чрез св. врата под колокольной к могилкам старцев, как это было в обычае не только у монахов Оптиной пустыни, но и у всех богомольцев, посещающих монастырь. Помолившись у их надгробий и испросив благословения, они отправились к казначею Оптиной пустыни, любвеобильнейшему, простейшему и в то же время мудрому о. Иннокентию, у которого о. Гавриил был келейником. Подкрепившись у него чаем и отдохнув в номере своей гостиницы, вечером братья впервые были за всенощным бдением в Казанском

теплом соборе. Была суббота перед масленицей. Изумительное по своей стройности пение мужского хора, необычность древних, почти повсеместно вышедших из употребления напевов поразило их. Здесь они впервые услышали неподражаемые, неповторимые по своей первобытной, несколько „ди-кой” красоте, дивные Оптиные напевы стихир „на подобны”.

На другой день после Литургии о. Гавриил представил их архимандриту Оптиной пустыни о. Ксенофонту. Он приветливо встретил их, особенно Ивана, но окончательного согласия на прием их в число послушников не дал, а предложил погостить в Оптиной, помолиться, потрудиться и не спеша присмотреться ко всему.

Впрочем, Ивана он почти благословил на поступление сразу, без длинных разговоров. С Николаем же, наоборот, он долго беседовал и в приеме отказал. Вышел Николай от о. Архимандрита очень огорченным и раздосадованным. Только впоследствии выяснилось, что после революции 1905 г. всем монастырям было сделано предписание весьма осторожно принимать в число братии молодых людей, более или менее активно принимавших участие в революционном движении.

От о. Архимандрита о. Гавриил провел их в Скит. Уединенность окруженного вековым лесом Скита, простота, тишина и безмолвие поразили их души, привыкшие к сутолоке и роскоши столичной жизни, и пленили навсегда. Монастырь не так привлек их внимание. Он мало чем отличался от московских монастырей по внешнему виду. В особенности смущало их многолюдство, толпы богомольцев обоего пола. А Скит был как бы огражден от мира стеной

векового леса. И вход женщинам туда не разрешался. Наши юные подвижники нашли здесь то, о чем мечтали.

Скитоначальник о. Варсонофий, весь белый, светлый, с лучезарной улыбкой по-отечески тепло принял их. „Зачем вы приехали сюда?“ — спросил он, между прочим, Николая. — „Искать истину в Боге...“ — ответил он. Когда они выходили из Скита, их остановил привратник брат Алексей. Простого неграмотного старца заинтересовали юноши, одетые „по-благородному“. Иван, между прочим, спросил его: „А что, соловьи здесь есть?“ Старец оказался человеком добродушно-веселого нрава и немало удивил и развеселил их своим ответом: „Не слышал... А вот волков много. Поют, как по нотам...“ Видя в его руке кривую палку, кто-то из них сказал, что надо бы сделать хороший посошок. Ответ последовал такой же необычный, как и первый: „Была бы хромоть, а палок в лесу пропасть!“

Через несколько дней из гостиницы, согласно правилам Оптиной пустыни, братья переселились в „странноприимную“, то есть в помещение для странников и людей простого звания, приезжающих в монастырь на более продолжительное время и по силам трудившихся для обители. Первоначально и Николаю и Ивану было дано пробное послушание — помогать на скотном дворе. Так как они ничего не умели делать, им поручили рубить хвою для подстилки скоту.

Шел уже Великий пост. Продолжительные уставные богослужения с непривычки утомляли их. Скучная пища, в особенности на первой неделе поста, давала о себе знать. Но стремление к монашеской жизни не угасало и не поколебалось в них.

Они твердо решили весь Великий пост прожить в Оптиной. Пылкий Иванушка весь горел стремлением к подвигу. Он даже создал себе сугубый пост, вопреки правилам монастыря и не посоветовавшись ни с кем, некоторое время питался одним хлебом, почти не употребляя жидкостей. Кончилось это тем, что он едва не умер от воспаления желудка и заворота кишок, попал в монастырскую больницу, где и провел весь пост.

Николай продолжал трудиться на скотном дворе, неопустительно выстаивая продолжительные богослужения, по возможности часто посещая скит о. Варсонофия. Седовласый старец и 19-летний, еще не оформившийся в своем духовном развитии юноша после первых же бесед почувствовали какую-то необъяснимую связь друг с другом. Они, столь различные по возрасту и развитию, понимали друг друга сразу, иногда с полуслова. Незримые нити притягивали их друг к другу. Старец Варсофоний ясно видел это с первых же дней знакомства. Недаром впоследствии он сказал Николаю: „Наши сердца настроены на один лад...”

Между прочим, с Николаем, когда он жил в гостинице, произошел такой случай. Однажды он вышел открыть дверь одному запоздавшему постояльцу. Было уже поздно и наружная дверь была заперта. Стояла темная, предвесенняя ночь. Когда он открыл дверь, то вдруг увидел, что из тьмы отделяется тьма, движется к нему и входит на лестницу в виде черной собаки. В страхе он захлопнул дверь, и все исчезло. Когда он рассказал об этом старцу, тот сказал: „Господи помилуй! Всегда закрывайте дверь, когда к вам будет приходиться

эта собака. А она будет приходить... Она не оставит вас... Еще много раз она придет к вам..."

+

На Светлой неделе братья, пробыв весь Великий пост в Оптиной пустыни, возвратились в Москву. При прощании старец Варсонофий преподал им общие правила молитвы и жизни, а Николаю, благословляя его, сказал: „Благословляю вас, Николай Митрофанович, на радость родных и знакомых и на пользу душе вашей..." И дал ему иконочку Божией Матери „Споручницы грешных”.

В Москве родные и знакомые встретили их с радостью. Вернулись они из поездки в Оптину совсем не такими, какими уезжали. Благодатное воздействие поста, молитвы и общения с духовными лицами наложило свой осязаемый отпечаток не только на их внешний вид, но и на все их поведение в словах и делах. Все это чувствовали и понимали. Все видели, что они не жильцы уже среди них. Но никто не позволял себе насмешек или глумлений над ними. Если и отпускались кем-либо шуточки по их адресу, то они были вполне безобидны. Одна знакомая Николаю молодая женщина, жившая по соседству, встретившись с ним однажды во дворе, сказала: „Я слышала, вы поступаете в монастырь! Какой вы счастливый!" Эта женщина жила хорошо, ни в чем не нуждалась и муж у нее был хороший. Почему же она назвала Николая счастливым?..

По приезде в Москву, в родную семью, братья дружно зажили в одной комнате. По-прежнему они ежедневно посещали все церковные богослужения. Чаще всего ходили в Чудов монастырь и в цер-

ковь св. великомученицы Варвары. Эту святую Николай особенно почитал. Не менее часто бывали они и в Богоявленском монастыре. Епископ Трифон, к которому они не замедлили прийти, особенно благоволивший к ним, благословил их обращаться как к духовному отцу, руководителю и советнику — к игумену Ионе, своему заместителю по управлению монастырем.

По совету и благословию старца Варсонофия съездили они в Ростов Великий Ярославской губ., помолились перед мощами святых угодников Ростовских и насладились чудным звоном ростовских колоколов, единственным по своей красоте в России того времени.

За этот период своей жизни в Москве братья не один раз посетили Оптину пустынь. В один из приездов старец Варсонофий сказал Николаю: „У вас, Николай Митрофанович, произволение тверже, и я чувствую, что мне с вами еще придется встретиться на монашеском пути. А мы можем вместе идти, дополняя один другого...” В другой раз, Петровским постом, о. Варсонофий, сидя в саду и беседуя с ними о монашестве, сказал: „Монах — это битые черепки... Его все бьют, и бесы, и мирские люди. От всех он постоянно терпит унижения и унижения. Бьют его и остаются от него одни битые черепки... А Господь возьмет его да и склеит. Только это происходит не здесь, а там... — и он указал рукой на небо. — Вот что такое монах...”

Между тем, желание уйти из мира у Ивана усиливалось с каждым днем. Он весь горел стремлением поступить в монастырь. Жизнь в миру становилась для него невыносимой. Под конец он даже в уныние пришел, видя невозможность исполнить

свое желание немедленно. Игумен Иона, прекрасной души старец, исключительно чуткий и отзывчивый, как никто другой понимал его состояние.

Видя, что тяжелое душевное состояние Ивана все усиливается, о. Иона посоветовал ему, наконец, порвать с миром. Епископ Трифон благословил их съездить еще раз в Оптину и вновь попросить о. Архимандрита принять их в число послушников.

И вот в первых числах декабря 1907 года, прожив в миру около восьми месяцев, братья отправились снова в Оптину пустынь. Ехали они с одинаковым намерением, но с разными настроениями. Николай, в противоположность Ивану, был спокоен. Он вообще не так тяготился мирской суетой, как брат. Несмотря на то, что зов Божий для них был в одинаковой степени ясен, Николай не был уверен в том, нужно ли ему уходить в монастырь именно теперь или стоит повременить. Возможно, что причиной его нерешительности был отказ архимандрита Ксенофонта принять его и совет старца Варсонофия подождать, когда „придет время“... С присущей ему осторожностью и спокойствием он выжидал „когда придет время“.

/.../ Впоследствии, вспоминая это время своей жизни, он писал в дневнике: „Думаю, что меня перетянули сюда молитвы батюшки Варсонофия и епископа Трифона. Кроме того, за нас молились и в миру, и здесь — в Скиту и в монастыре... Сам собою я не мог прийти в Скит“.

До поступления в монастырь Николай, имея весьма смутное понятие о монастырской жизни, не верил в идеалы монашества, даже осуждал монахов. Поэтому поступление его в Скит Оптиной пустыни является, действительно, „чудом милосер-

дия Божия”, знаком явного призвания и Божественного руководительства, знаком особого воздействия благодати Божией. Удивительно то, что он, доселе не желавший ни в чем подчинить свою волю и свое разумение кому бы то ни было, в деле поступления в монастырь, как бы не имел своей воли. Все делалось по указанию и благословению духовных лиц, которым он, сам не зная почему, беспрекословно следовал.

7 декабря 1907 г. в пятницу, когда Св. Церковь празднует память святителя Амвросия, епископа Медиоланского, братья уже стояли в скитском храме за Божественной Литургией, которая совершалась по случаю памяти (дня именин) великого Оптинского старца Амвросия. Апостол, Евангелие и запричастное пение псалма — все говорило об отречении от мира.

Скитоначальник о. Варсонофий, беседуя с ними в этот день, между прочим, спросил их, не оставили ли они свое намерение поступить в Скит. Иван с присущей ему горячностью заявил о неизменности своего решения. Николай же на заданный ему вопрос сдержанно ответил: „Я, батюшка, вижу, что еще не имею никаких добродетелей и никакого твердого решения у меня нет. Не знаю, что делать... Поэтому я думаю делать все за послушание, как вы благословите. Против вашей воли и благословения я не пойду...” Старец, выслушав его, сказал: „Вы правильно рассуждаете...”

9 декабря, в воскресенье, братья опять стояли за Литургией в Скитском храме. „Понравилось ли вам чтение ныне Евангелия и Апостола?” — спросил их старец, когда они подошли к нему (Евангелие читали от Луки гл. 12, ст. 16—22, а Апостол — посла-

ние к Ефес. гл. 5, 9–19). Услышав утвердительный ответ, он, неожиданно для них, сказал: „Еще в пятницу за Литургией, в день памяти старца Амвросия, слушая чтение Апостола и Евангелия, я подумал: про вас это говорится... И я тогда же решил принять вас в Скит, уверенный в том, что старец Амвросий в день своего Ангела благословляет вас на этот путь”.

Услышав эти слова, Иван просиял от радости, видя неожиданное исполнение своего желания. „А как вы, Николай Митрофанович?” – обратился к Николаю старец. – „Я не знаю, батюшка... Как вы скажете, есть ли смысл поступать мне в Скит теперь или подождать, как вы прежде говорили, что придет время, время покажет, когда можно будет поступать...” – „Конечно, есть! Поступайте!..” – „Хорошо...”

Во время предыдущего приезда братьев в Оптину старец, вероятно, испытывал Николая, указывал ему на трудности, скорби и искушения, ожидающие всякого, вступившего на монашеский путь. Николай откровенно, не скрывая своих сомнений, спросил у него, сможет ли он перенести все это, хватит ли у него сил? Старец ответил, что скорби и испытания попускаются Господом сообразно силам человека, и этими словами вполне успокоил его.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что старец еще 8-го числа договорился с о. Архимандритом о принятии братьев в Скит...

9 декабря Св. Церковь совершает празднование в честь Божией Матери, иконы Ея „Нечаянная радость”. И воистину нечаянная, неожиданная радость посетила в этот знаменательный день обоих братьев. Впоследствии старец Варсонофий спросил у

матери их, Веры Лаврентьевны, неоднократно приезжавшей в Оптину пустынь: „Не было ли у вас в семействе кого-либо особенно благочестивого или были, может быть, какие-либо добрые дела?” Когда Вера Лаврентьевна ответила, что отец ее, Лаврентий Иванович, был очень благочестив и рассказала о нем, о его трудах во славу Божию в церкви, где особо чтился образ Божией Матери „Нечаянная радость”, старец сказал: „Вот, значит, дедушка за них и хлопочет там...” А Николаю, когда уже он был послушником и жил в Скиту, во время одной беседы, сказал: „Вы поступили в Скит в день празднования иконы Божией Матери „Нечаянная радость”... Как глубоко таинственны события нашей жизни! Какая тогда открылась глубина! — И, помедлив, пророчески добавил: — И будет вам эта радость... И при кончине будет... Та радость будет уже началом вечной радости... Вся суть в том, чтобы выдержать курс лечения”. При этих словах старец слегка ударил Николая по груди в области сердца: „Если бросите лечение, то еще хуже может быть. То же самое и в монашеской жизни... Если выдержите до конца, то можно иметь надежду...”

В другой раз старец сказал ему: „Вы поступили в Скит чрез посредство епископа Трифона. Это — великое дело. Возможно, что в лице его действовал своими молитвами мученик Трифон, которому дана благодать охранять от злых духов. Почему ходатайствовал за вас мученик Трифон, нам не дано знать. Быть может, вы — его отдаленный потомок, а святые зорко следят за своим потомством... Молитесь ему всегда...”

Этот завет старца Николай до самой своей кончины свято исполнял, как и все другие заветы его и

наставления. Он никогда не забывал в своих молитвах помянуть и благодетелей своих, так или иначе помогавших ему поступить в благословенное пристанище.

10 декабря, окрыленные радостью, братья помчались в Москву. 11-го они уже были в столице и прямо с Брянского вокзала, не заезжая домой, поспешили к епископу Трифону, своему благодетелю и молитвеннику, с радостной вестью. Время в сборах и хлопотах, связанных с оформлением необходимых для их переселения дел, летело быстро. Когда все приготовления были закончены, они простились со всеми, навсегда покидая родной дом, мать, братьев, сестер и всех знакомых и родных, оставляя мир с его суетой и тревожностями, — с единственным стремлением посвятить всю свою жизнь Господу, призвавшему их для служения Ему в иноческом чине.

Епископ Трифон благословил их на прощание крестиками. „Вы восходите на крест, поэтому я и даю вам в благословение кресты. Помогай вам Бог!”

Отец Симеон Ляпидевский, их приходский священник, сказал Николаю: „Да, там ты увидишь и испытаешь на деле, собственным опытом существование и козни врага — дьявола, о чем доселе читал только в книгах...”*

А настоятель церкви свв. Константина и Елены, где так много потрудился их дедушка, и к которому они тоже зашли проститься, дал им в благословение маленькие иконочки Божией Матери „Не-

* Душа человеческая потому не видит других духов и себя самой, что все внимание ее обращено к внешнему миру.

чаянная радость”. Мать же на прощание благословила их иконами Покрова Божией Матери, вручая дорогих своих сыновей „теплой заступнице мира холодного”...

3

*„Се удалихся бегая
и водворихся в пустыню...”*

Напутствуемые молитвами, благословениями и благопожеланиями, 22 декабря 1907 года братья навсегда покинули Москву и направились в Оптину пустынь. 22 декабря, в день памяти великомученицы Анастасии Узорешительницы, они, как бы разрешаясь от уз мира, прибыли в обитель. А 24 декабря, в навечерие Рождества Христова, переселились из гостиницы в Скит, тихий, укромный, уютный Скит, для того, чтобы возродиться и начать новую жизнь.

„Вся наша жизнь есть дивная тайна, известная одному Богу...”, — сказал впоследствии старец Варсонофий, при воспоминании этого, решившего их жизнь события.

Келии нашим юным подвижникам были отведены в так называемом „Золотухинском” корпусе, в юго-восточном углу Скита. Небольшой, оштукатуренный и побеленный домик, как и все дома в Скиту, состоял из 4-х келий, разделенных коридором. В двух из них и поместились Николай и Иван Беляевы. Убранство келий был самое простое: стол, два табурета, деревянная кровать, покрытая вдвое сложенным войлоком, угольный шкафчик в переднем углу. Николай повесил над ним иконы,

привезенные из Москвы: Спасителя, Казанской Божией Матери, святителя Николая Чудотворца и другие. Когда все было приведено в порядок, отслужили молебен и келии окропили св. водой. Братья Николай и Иван вступили в новую жизнь. Николаю в описываемое время было девятнадцать лет, Ивану — семнадцать.

Здесь уместно будет упомянуть еще раз о таинственных, удивительных для человеческого разума, совпадениях имен и событий, невольно заставляющих воскликнуть словами церковного песнопения: „Услышах, Господи, смотрения Твоего таинство, разумех дела Твоя и прославих Твое Божество”. Николай Беляев, невидимо руководимый Промыслом Божиим к предначертанной ему цели, поступил в Скит, покровителем которого был пророк, Предтеча и Креститель Господень Иоанн. Самый первый толчок на этом пути был дан ему братом его, названным Иоанном в честь Крестителя Господня Иоанна. К Епископу Трифону, направившему его в Скит, он был отведен о. Петром, настоятелем церкви Св. Иоанна Предтечи. Оптину пустынь и Скит он увидел впервые в день обретения главы Иоанна Крестителя. Рука величайшего среди рожденных женами во всем этом очевидна. Нам же остается только смиренно склониться пред неисповедимыми судьбами Божиими, направляющими нашу жизнь по непонятному для нас, премудро начертанному плану.

+

На внутренней стороне св. врат Скита изображен образ Божией Матери „Знамение”, а под ним полу-

кругом надпись: „Коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил!”

„Как вы должны благодарить Бога, что Он привел вас сюда, в Скит. Ни на минуту не подумайте, что вы сами пришли. „Никто не может прийти ко Мне, аще Отец Мой Небесный не привлечет его”. От Бога дана вам свобода и с вашей же стороны было лишь свободное произволение. Вы только не противились, когда Он, взяв вас за руку, повел сюда. Господь спасает нас, а не мы спасаемся. Он, Милосердный, спасает нас при нашем на то желании. Благодарите Бога, что привел вас сюда, в монастырь, в наш тихий уютный скит... Да... только при помощи Божией можно легко проходить этот тесный, скорбный путь... Поживите здесь два-три года, если Господь сподобит вас такой милости, и увидите, какое блаженство иноческое житие...”, — так говорил в одной из своих бесед старец Варсонофий только что поступившему в скит послушнику Николаю...

+

Иоанно-Предтеченский скит при Оптиной пустыни расположен в лесу, на восток от монастыря, приблизительно в полкилометре (170 сажен) от него. Старый монастырский лес, окружающий скит, поражал каждого своей величественной красотой, тем более, что такие первобытные, нетронутые рукой человека леса в средней полосе России были уже редкостью. Лес был смешанный. Столетние деревья — сосны, ели, дубы и липы стояли сплошной стеной. Стволы некоторых из них были не в обхват и двум человекам. Высоко вздымались они свои могучие кроны к небу. В лесу даже летом царили ти-

шина и полумрак. Птицы не любят таких дремучих лесов. Косые лучи солнца едва пробивались сквозь гущу деревьев и светлыми пятнами скользили по усыпанной песком широкой дорожке, ведущей от монастыря в скит.

Розовая колоколенка скита мелькает при поворотах дорожки. После сумрачного леса тем более разительный контраст представляет внутренность скита, огражденного от мира деревянной стеной. Даже стена колокольни, обращенная к лесу, была глухая, то есть без проемов. Внутри скита все было — свет, чистота и простота. „В этой простоте, в этом глухом затишьи, столь приличном месту молитвы, есть нечто такое, что делает вполне понятным восклицание Пророка: „Господи! Возлюбих благолепие дому Твоего и место селения славы Твоея!”

Скит был основан в 1825 году по благословению и особому желанию Филарета, Митрополита Киевского, в бытность его епископом Калужским. Обозревая монастыри своей епархии, преосвященный Филарет столь пленился уединенной красотой Оптинского леса, что решил устроить здесь скит для любителей безмолвного жития. Для этой цели были приглашены им отшельники из Рославльских лесов Смоленской губернии. Их руками была расчищена от вековых деревьев небольшая площадка, выстроена деревянная церковь во имя Предтечи и Крестителя Господня Иоанна и келии. Первоначально число насельников скита было немногочисленно — 6—8 человек. Но после того, как в скит переселился из Площанской пустыни старец иеромонах Леонид со своими учениками, число братии с каждым годом увеличивалось. В соответствии с увеличением братства расширялась и площадь скита.

В описываемое время в скиту было два храма. Старый, деревянный, в честь св. Иоанна Предтечи с приделом преп. Макария Египетского, и новый, каменный, двухэтажный, построенный на средства благодетелей, во имя святителя Льва, епископа Катанского, и преп. Иоанна Рыльского.

К юго-востоку от Предтеченского храма находилось кладбище — несколько рядов могил, покрытых каменными и чугунными плитами с соответствующими надписями. Крест стоял только один, большой чугунный, с литым изображением Распятого Господа Иисуса Христа. Пред ним — неугасимая лампада в фонаре. На восток от Иоанно-Предтеченского храма разрослась небольшая кедровая рощица, посаженная еще при старце Леониде, под сенью которой в погожие летние дни, по праздникам, братии скита предлагался сладкий чай. В северо-восточной части был небольшой пруд — „самалка”, а за ним уединенная, защищенная от взоров деревьями и кустами, аллея. Излюбленное место прогулок и молитвенных созерцаний для любителей безмолвия. Северная часть скита граничила с монастырской пасекой, отделенной от него невысокой стеной с маленькой калиткой. Вся западная сторона была занята строениями. В центре — св. врата под колокольной. Справа от нее — келия начальника скита и трапезная, с прилегающими к ней хозяйственными помещениями. Слева — келия старца.

Весь скит был засажен фруктовыми деревьями, ягодным кустарником и цветами. Особенно хорош он был весной, в пору цветения, когда все деревья, как пеной кружевной, были покрыты бело-розовым цветом. Не менее прекрасен он был и зимой, в ясные морозные дни и лунные ночи, весь белый, ти-

хий, прозрачно-чистый. Поистине тут был земной рай. Лучшего места для ищущих уединения трудно было найти. Но это — с внешней стороны. С внутренней же, духовной, скит обладал драгоценной и очень редкой особенностью, отличавшей его от других обитателей России того времени. Это отличие заключалось в том, что в нем сохранилось и процветало „старчество”.

Старчество в основном состояло в том, что ученики старца всецело отвергали свою волю и все делали только по его благословению. Старец был не только духовный отец, но и советник, наставник, руководитель на пути ко спасению. Пред старцем ежедневно открывались грехи, не только делом и словом содеянные, но и мысленные. Производилось так называемое „откровение помыслов”. Это приучало ученика к внимательной жизни, приучало следить за мыслями и воздерживаться от дурных, могущих привести ко греху словом и делом. А внимание к себе, к своему уму и сердцу, приводило к необходимости непрестанной молитвы, „молитвы Иисусовой”. Благодетельность старческого окормления испытали на себе многие из жаждущих вечного блаженства. Для более успешного восхождения по лестнице духовного совершенства не было и нет лучшего способа, как „старческое окормление”. Ученик старца, если он искренно и всецело отвергался своей воли и своего мудрования, сам в сравнительно короткий срок преисполнялся духовной мудрости.

Первым старцем в скиту Оптиной пустыни был иеромонах Леонид (Лев). Затем, преемственно, — его ученик, иеросхимонах Макарий, которого сменил личный его письмоводитель и ученик иеросхи-

монах Амвросий. Слава о святости, духовной мудрости и прозорливости великого старца Амвросия широко распространена была не только в России, но и за пределами ее. Время его жизни было временем расцвета старчества в Оптиной пустыни.

В описываемое время старцем в скиту был иеромонах Иосиф, в течение 30-ти лет бывший келейником старца Амвросия и в меру своих сил восприявший от него достаточно познаний, чтобы в свою очередь стать старцем. Отличительными чертами его характера, помимо других монашеских добродетелей, были исключительное смирение и кротость. Он всегда старался оставаться незамеченным, быть в тени.

Численность братии монастыря и скита постепенно увеличивалась. В последнее время в монастыре было около 250 монахов и послушников, а в скиту — 50. Удовлетворить духовные потребности такого количества братий один, убеленный сединами старец, естественно, не мог. Кроме того, к старцу „относились” и монахи устроенной иеросхимонахом Амвросием Шамординской Казанской женской пустыни, иночествующие из других монастырей и множество мирян обоего пола, стремящихся к нему за советом и наставлениями. Поэтому, в основном, в конце жизни старца Амвросия, одновременно с ним старчествовал и начальник скита иеромонах Анатолий (Зерцалов), его ученик. Старчествовал он и при иеросхимонахе Иосифе. После смерти иеросхимонаха Анатолия начальником скита и одновременно старцем был избран скитский иеромонах Варсонофий с возведением его в сан игумена. Под непосредственное руководство его и попали братья Беляевы.

Существование одновременно двух, а в последнее время трех старцев (третьим был иеросхимонах Анатолий, так называемый „Маленький”, переведенный из скита в монастырь на должность братского духовника), породило среди иночествующих обоего пола раздражение. Враг рода человеческого — дьявол, как это всегда бывает, воспользовался этим и начал сеять среди них семена неприязни, давшие впоследствии горькие и ядовитые плоды. И это было началом отцветания и упадка старчества в Оптиной пустыни. „Догорает старчество... Нигде в монастырях уже нет старчества. У нас, в Оптиной, догорают огарочки... Враг ни на что так не восстает, как на старческое окормление — им разрушаются все его сети. Везде он старается его погасить — и погасил!.. Есть монахи, исправно живущие, но об откровении помыслов, о старчестве они ничего не знают. Поэтому без старчества во многих монастырях осталась только одна форма монашеского жития, одна внешность...”, — так говорил старец Варсонофий послушнику Николаю.

Правда, старческое окормление, при многочисленности братий, не могло стоять на должной высоте. В древнее время старец имел одного-двух учеников или немного более, которые жили при нем постоянно и во всякое время имели возможность открывать ему свои помыслы. В последнее время в Оптиной пустыни большинство монахов уже не имело этой возможности. Поэтому помыслы открывались только самые важные, особенно беспокоящие совесть. Имеющие же, по милости Божией, возможность открывать изо дня в день свои помыслы, поистине были блаженны, ибо обретали великую пользу и сами в сравнительно короткий срок, вос-

ходя от силы в силу, достигали духовного совершенства.

+

Чин церковных служб и весь порядок жизни насельников скита проводился строго по уставу Коневской обители (на озере Коневец Олонецкой губ.), взятого в образец при основании скита. В два часа ночи начиналась утренняя. Брат — будильщик, чаще всего он же и пономарь, за полчаса до начала утрени будил братию. Эта ночная молитва, в предутренние часы, когда сон особенно сладок и крепок, была одним из самых трудных установлений скитской жизни. По словам древних отцов, утренняя для монаха важнее обедни, в том смысле, что он за утреней сам себя приносит в жертву Богу, понуждая себя. Утренняя продолжалась два-три часа. По окончании ее братия расходилась по келиям и предавалась непродолжительному сну, ибо с 6 утра начинались „часы”. Вычитывались 1-й, 3-ий, 6-й час и „последование изобразительных”. После утренней трапезы, в 10 часов, все, кроме престарелых и больных, отправлялись на выполнение „послушаний”. В 6 час. вечера вся братия скита сходилась в особую келию „на правиле”, где вычитывалось монашеское молитвенное правило. Начиналось оно чтением 9-го часа. Затем читалось великое или малое повечерие с канонами и акафистом и вечерня. Заканчивалось правило последованием „двенадцати псалмов” и продолжалось 3—4 часа. После вечернего правила все сходились на „общее благословение” к старцу. Затем шли к вечерней трапезе, а после нее расходились по своим келиям.

Кроме общей молитвы, каждый скитянин совершал у себя в келии келейное молитвенное правило, состоящее из чтения 2-х кафизм с тропарями и помянником, 2-х глав Апостольских посланий и 1-й главы из Евангелия. Вечером же, в 9 часов, каждый монах и послушник выполнял еще одно келейное правило, так наз. „пятисотницу”. Оно состояло из 500 коротких молитв с поклонами и совершалось по четкам. Из них 300 молитв Господу Иисусу Христу, 100 — Божией Матери. 50 — Ангелу-Хранителю и 50 — всем святым. Конечно, многие из братий, связанные работой по послушаниям, не всегда могли принимать участие в общих молитвах и совершать полностью келейное правило. Справлять же пятисотницу ежедневно и неопустительно строго предписывалось всем. Пятисотница приучала инока к непрестанному произношению имени Иисусова, к непрестанной, по завету Апостола, молитве. Внимательное и неспешное совершение „пятисотницы” занимало немного более часа времени. Часов в 11 вечера, перед отходом ко сну, читались вечерние молитвы — „на сон грядущим”, и этим заканчивался круг молитвенных деланий.

Литургия в скиту совершалась только два раза в неделю, в субботу и воскресенье. Кроме того — в престольные праздники скита и некоторые другие дни. В двенадцатые праздники, престольные праздники монастыря, первые дни Пасхи и Рождества Христова, Богослужение в скиту не совершалось. Вся скитская братия ко всеобщему бдению и Литургии ходили в монастырь. Вместо ежедневных церковных служб, в Предтеченском храме производилось круглосуточное, не прерывающееся в течение дня и ночи, чтение псалтири, с поминовением

живых и умерших братьев и благодетелей. На чтение псалтири назначалась преимущественно младшая братия, послушники.

Чтецы сменялись каждые два часа.

Свободное от молитвы время все, способные к труду, занимались работой, „послушанием”, которое назначалось всегда в соответствии с силами и способностями каждого брата. Послушания в основном состояли в выполнении различных, необходимых для жизни дел — в поварне, хлебопекарне, грапезной, в церкви, в саду и т. п. Все вновь поступившие послушники, независимо от их культурного развития и положения в миру, в первую очередь назначались на эти „низкие” послушания, с целью — изгладить самую мысль о каком-либо различии между братьями. Монахи, не имеющие возможности принимать участие в общих трудах по болезни или старости, занимались у себя в келии „рукоделием”, преимущественно переплетным и токарным ремеслом. Излюбленным рукоделием в скиту было токарное. С большим мастерством вытачивались из дерева ручным способом ложки, ковшики, солонки, миски, шкатулочки и другие вещи. Особенно хороши были липовые ложки, тонкие, легкие, изящной формы, украшенные своеобразным рисунком и иногда с надписями, взятыми, главным образом, из святоотеческих изречений. Все изделия раздавались в благословение многочисленным посетителям скита или же сдавались в монастырскую лавку для продажи на пользу обители.

Для любителей чтения в скиту имелась довольно обширная библиотека. Порядок чтения книг всецело зависел от старца. Самочинное без разбора чтение не разрешалось.

Кроме молитвенных правил и служб, совершавшихся всегда полностью по уставу, без сокращений, пропусков и изменений, другим трудным установлением скитской жизни был пост. Особенно труден был Великий пост, в связи с продолжительностью церковных служб и скудной трапезой. В первую седмицу Великого поста, кроме субботы, полагалась пища без масла и один раз в день. Причем в понедельник, вторник и четверг совсем не предлагалась вареная пища. Подавались капуста кислая, яблоки моченые, хлеб и вода, вместо знаменитого монастырского кваса. Вечером же кипяток с хлебом и медом. Это „безмаслие” очень отражалось на состоянии здоровья монахов. Многие ослабевали к концу поста и только благодать Господня подкрепляла их силы. В остальное время Великого поста до Страстной седмицы пища предлагалась с маслом в дни, когда совершалась Литургия, в остальные — без масла.

Молочная пища и яйца разрешались по субботам и воскресеньям (кроме постов, конечно), в праздники, в так называемую „сплошную” неделю перед Великим постом и на масленицу. Всего в течение года — шесть недель. Употребление вина совсем не допускалось.

Для любителей безмолвия скит, как с внешней, так и с внутренней стороны, имел большое преимущество, по сравнению с монастырем. Монастырь имел большое, прекрасно поставленное хозяйство. Обширные огороды и сады, обеспечивающие своими плодами братию монастыря и скита, скотный двор, насчитывающий около 50 коров, крупной симментальской породы, конный двор, мельницы, несколько гостиниц, кирпичный и черепичный заводы, ква-

соварня, хлебопекарня, портняжная, сапожная, столлярная, слесарная и др. мастерские требовали рабочих рук, поэтому братия монастыря все были "завалены послушаниями". Кроме того, многолюдство, в особенности в летнее время, когда приток богомольцев увеличивался, нарушало тишину. Все это мало способствовало собранности, необходимой для духовного совершенствования.

Однако и в скиту не всякий мог жить. Продолжительность молитвы, строгость устава, уединенность и отрешенность от всего внешнего не всякий мог выдержать. В скит стремились люди, имеющие определенные аскетические наклонности. Таких было немного.

Для избравших отрешенное житие в скиту все было премудро предусмотрено и построено по одному плану, все, вплоть до мелочей, служило одной цели, единственно важной для человека на земле...

Братья Беляевы, оставив мир, принесли свои жизни в жертву Богу... Чтобы новоначальные послушники имели возможность осмотреться и привыкнуть к новой обстановке, к новому укладу жизни, первое время их не назначили на послушания. Старец Варсонофий часто беседовал с Николаем и Иваном Беляевыми, знакомил их с внешней жизнью скита. Назначая Николая на общие послушания, наряду с другими братьями, он одновременно привлекал его и к работе по письмоводству. Николай переписывал ведомости, писал деловые письма, помогая письмоводителю старца, брату Кириллу Зленко.

Убедившись в его способностях, ему скоро поручили более сложную работу, — составление

краткого содержания писем (в виде оглавления) старца Амвросия.

Оптина пустынь издавала довольно много книг и брошюр духовно-нравственного содержания. Начало этому благому делу, в основном, было положено приснопамятным старцем Макарием. При нем были изданы переведенные Молдавским старцем Пасием Величковским с древнеславянского на русский язык некоторые наиболее ценные для иночествующих творения свв. отцов, преимущественно избранные из Добротолюбия. Дело, начатое при старце Макарии, успешно продолжалось. Наибольшего расцвета оно достигло при старце Амвросии. Над переводом и изданием книг много потрудились его письмоводитель иеромонах Климент Зедергольм, высоко просвещенный и образованный инок, скончавшийся еще в молодые годы...

/.../ В конце февраля 1908 г. Николая назначили помощником библиотекаря в связи с переносом библиотеки в новое помещение (на верхний этаж храма св. Льва Катанского). Одновременно его назначили петь и читать. У него был мягкий, бархатистый бас. Однако горло было слабое, и он не мог долго петь. Поэтому Николай никогда не напрашивался петь на клиросе, но и не отказывался, если его назначали...

Впоследствии, став иеромонахом, он своим духовным детям внушал правило, преподанное ему старцем Варсонофием: не напрашиваться самому на какое-либо дело, во избежание самонадеянных и тщеславных помыслов, но и не отказываться, если назначат или попросят, под предлогом мнимой болезни, ибо опытными духовными людьми замечено, что инок, отказывающийся от нежелательного для

него дела под предлогом болезни, впоследствии действительно заболел.

В скиту скоро оценили и его прекрасное чтение, начало которому он положил еще отроком в церкви "Всех скорбящих Радосте" в Москве. Неспешное, ровное чтение без интонаций и "выразительности", навязывающих свои личные чувства и переживания, нравилось всем.

Порядок чтения "на правиле" и в церкви был такой: шестопсалмие за утреней и каноны читались старшими, манатейными монахами. Акафист и акафистный канон читали иеромонахи. Средняя братия, рясофорная, читала Апостольские послания за обедней, пролог за утреней, паремии за вечерней, часы, повечерие и кафизмы в непраздничные дни.

Николая, вопреки правилам, назначили читать то, что не положено было читать новоначальным. Так, будучи еще послушником, он уже в марте 1908 г. читал в церкви повечерие с канонем Ангелу Хранителю. А в ноябре того же года ему поручили читать Апостола за литургией. В первые же месяцы 1909 г. он уже читал кафизмы, канон Божией Матери за повечерием и паремии во время бдения. Одновременно ему поручили читать за трапезой. Первое, что он читал, было житие Григория Омиритского. По поводу этого он писал в дневнике своем: „Это чудное житие! Какая мудрость в словах этого святителя!" В ноябре этого же года он впервые читал за трапезой поучение в день празднования св. Иоанна Златоуста, несмотря на то, что во время трапезы обычно полагалось читать жития святых — средней братии, а поучения — манатейным монахам.

В 1910 г., незадолго до пострига в рясофор, ему впервые поручили читать шестопсалмие. Когда он

подошел под благословение к старцу Варсонофию, тот сказал: "Вы читали шестопсалмие... Под благословение... Поздравляю!"

Когда Николай закончил составлять оглавление к письмам старца Амвросия, ему дали другое послушание: совместно с иеромонахом Кукшей, вернее, под его руководством, составить чин служб церковных, отличающихся от обыкновенных, например: "Вынос Креста", "Службы Страстной Седмицы" и др. В библиотеке было очень много работы. Николай, не покладая рук, ревностно трудился, помогал библиотекарю о. Иоанну Полевому (впоследствии — иеромонах Иосиф). Когда библиотека была перенесена и размещена в новом здании, о. Иоанн подарил Николаю за усердие книгу: "Царский путь Креста Господня".

С присущей ему жизнерадостностью Николай охотно выполнял все, возлагаемое на него. С одинаково радостным лицом он работал в трапезной — разметал снег, носил дрова, топил печь, мыл посуду, подметал пол. Ездил с работниками в лес за дровами. Некоторое время трудился в церкви — был помощником пономаря. С наступлением весны работал в саду: носил на себе навоз для удобрения, копал, сажал. Летом, в покос, вместе со всеми братьями, косил траву и убирал сено на лугах под Козельском. Приходилось быть на ногах и работать с раннего утра и до позднего вечера. Но он, избалованный и непривычный к физическому труду, не тяготился ничем. Его светлая душа не знала ни уныния, ни недовольства, ни ропота...

"Новоначалие всегда радует, если приходят в монастырь от всего сердца, с искренним чувством..." — сказал старец Варсонофий, когда од-

нажды Николай поделился с ним своим душевным состоянием.

В октябре 1908 г., когда брата Кирилла призвали в армию, Николай был назначен на его место — письмоводителем начальника скита, старца Варсонофия. От всех остальных послушаний, кроме пения на клиросе и чтения, он был освобожден. Это послушание было основным в продолжение всей его жизни в скиту.

Приблизительно в то же время, по благословению и особому желанию старца, ему было поручено вместе с о. Иоанном Полевым и некоторыми другими братьями составить описание скита, а также описание скитского кладбища с краткими биографиями всех погребенных на нем. Старцу хотелось, чтобы вновь поступающие в скит имели возможность, читая эти описания, познакомиться с жизнью и правилами скита. Этот сложный и незнакомый труд вначале страшил Николая. Но старец успокоил его, сказав, что "Господь умудрит", и благословил начинать. Основным материалом для этого сочинения была рукописная скитская летопись, ведшаяся с начала основания скита и хранящаяся в библиотеке.

Жил Николай по-прежнему в одном корпусе с братом своим Иваном, но почти все свободное от молитвы время проводил у старца. Кроме официальной, деловой, старец вел большую переписку со своими духовными чадами и почитателями. Поэтому весь день послушника Николая был занят с утра и до позднего вечера. В келью свою он заходил только на короткое время. Он и чай пил вместе со старцем. Нередко и трапезовал с ним. Работа по переписке и деловые разговоры чередовались с душевными беседами.

Старец Варсонофий, как никто другой, обладал способностью понимать человека, видеть его душу, его "сокровенная". Расположенный к Николаю с первых же дней, он сразу увидел, а вскоре и убедился в том, что в этом юноше он найдет не только примерного ученика и примерного монаха, но и достойного последователя своих заветов и наставлений.

Еще до того, как Николай стал его письмоводителем, он все чаще и чаще оставлял его после "общего благословения" братии и подолгу беседовал с ним. Весь свой опыт и все свои знания он решил передать Николаю, как достойному принять и сохранить этот дар. Он делился с ним своими воспоминаниями, поверял ему свои скорби и радости, учил, наставлял, предостерегал. Он вел его все выше и выше по лестнице духовного восхождения, любовно охраняя и оберегая. "С первых же дней я почувствовал расположение к вам и верую, что сохранится это расположение на все время, которое мне осталось жить... Душа душу чувствует... Ничто не может быть прочнее этой любви, любви о Христе... За то я вас люблю, что вы меня понимаете", — говорил он. Это расположение крепло с каждым днем и под конец их совместной жизни перешло в чистую и прочную привязанность, духовную любовь.

Николай чувствовал к старцу не только любовь, безграничное уважение и преданность, — он преклонялся пред ним. Он всецело предал себя в волю старца. В дневнике своем, который он начал вести еще в Москве и продолжал в скиту, он записал: "Я в первый раз вижу такого человека. Никогда я не слышал таких бесед. Батюшка очень утешает беседами... Какая у него милая, добрая, детская улыбка!.. Батюшка — великий старец! Я все более убеждаюсь

в этом... Без старца очень трудно жить... ”Не избегай рук того, кто привел тебя к Господу, ибо во всю жизнь твою ни перед кем не должен ты иметь такого почтительного благоговения” (“Лествица”, сл. 4 с. 72).

+

29 января 1908 г., день памяти священномученика Игнатия Богоносца, был одним из самых замечательных дней в жизни Николая. Обоих братьев, Николая и Ивана, одели в послушническую одежду. Старец, принимая от них деньги, 600 рублей, как взнос на монастырь и скит, сказал им, что деньги эти они дали не ему, а св. Иоанну Крестителю и что каждая копейка зачтется им тогда, когда все вещественное потеряет цену... Когда они, одетые в подряски, пришли к старцу и, положив земной поклон перед иконами, упали к ногам его, он начал молиться:

”Благодарю Тя, Господи, что утаил еси сие от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем... Благодарю Тя, Господи, что Ты привел сюда сих, Николая и Иоанна”. Далее он молился, чтобы Господь сподобил их успешно проходить путь иноческой жизни и достигнуть цели. Затем старец дал им четки и сказал: ”Вот вам оружие... Нещадно бейте им невидимых врагов...” (Старец имел в виду Иисусову молитву, совершаемую по четкам.) ”Имейте всегда страх Божий. Без страха Божия вы ничего не достигнете. Теперь для вас начинается новая жизнь...” Поздравил их и подарил им по балахону, банку варенья и три книжки (одна из них была — ”О внешем благоприличии и поведении новоначальных послушников” Игнатия Брянчанинова) — со словами: ”Вот вам обоим, ибо вы должны быть

едино”. Николаю же он после сказал: ”Я ее, вашу матушку, всей душой люблю... Как же — принесла в жертву Богу две души, благословляя вас. Поблагодарите и за жертву денежную на скит и монастырь. Напишите ей, что я преисполнен к ней самых хороших чувств. Желал бы ее видеть. Может быть, она приедет к нам сюда, летом еще жив буду. Спаси ее, Господи!..”

До и после трапезы вся братия скита поздравляла их. А о. Нектарий, скитский иеромонах, поздравляя, сказал Николаю: ”Желаю вам проходить этот путь со смирением, терпением и благодарением... Вы проживите только в монастыре! Как начнут смирять! Недостатка в смиряющих не будет!..” — и убежал.

”Мне нравится о. Нектарий. Только он больно чудной!” — писал в дневнике Николай, вспоминая этот день. Большое значение он придавал и тому, что одяние его в одежду послушника было в день памяти священномученика Игнатия Богоносца, названного ”Богоносцем” за то, что до самой своей мученической кончины он ”носил Бога” в сердце своем, то есть имел великий дар непрестанной умносердечной молитвы. Подражать этому святому он считал поэтому своим долгом.

После того, как Николая ”одели”, его благословили читать, как положено в Оптиной, ”Авву Дорофея”, книгу, о которой он когда-то в миру так неодобрительно подумал. Прочитав ”Авву Дорофея”, он начал читать творения преп. Петра Дамаскина. Эта серьезная, глубокая по содержанию книга очень ему понравилась. И старец сказал, что эта книга глубже ”Аввы Дорофея”.

”Авва Дорофей” — это азбука монашеской жизни. Ее следует перечитывать через каждые три года”.

И привел в пример старца Макария, который перечитывая "Авву Дорофея" и "Лествицу", находил в этих книгах каждый раз новое, рос духовно... "Если читать внимательно, то при перечитывании открывается все новое и новое... Для каждого эти книги являются сообразными его духовному состоянию". Относительно книги еп. Феофана "Путь ко спасению" старец сказал Николаю, что она должна быть его настольной книгой, так как она была первой книгой духовного содержания, которую он читал в миру перед поступлением в монастырь.

Прочитав "Лествицу" преп. Иоанна Лествичника, он написал: "Это — дивная, глубокая книга!" Затем последовательно прочитал он творения преп. Феодора Студита, преп. Варсонофия и Иоанна, преп. Марка Подвижника и др. Одновременно с чтением этих книг старец благословил его постоянно читать жития святых. Кончив все 12 книг, начинать опять сначала.

Особенно сильное впечатление произвели на Николая сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Начал он их читать с 3-го тома. Старец, вручая ему 2-й том, сказал: "Вы немного познакомились с монашеской жизнью, с ее внешним строем, а тут вы увидите внутренний смысл монашеской жизни..." Говоря так, старец имел в виду учение о внутреннем монашеском делании, умно-сердечной Иисусовой молитве, изложенной епископом Игнатием в исключительно доступной форме. Для Николая это учение было откровением, он был поражен открывающейся ему глубиной таинственного сего учения:

"Я очень утешаюсь сочинениями еп. Игнатия. Не знаю как благодарить Господа и батюшку, что имею такое сокровище... Удивляюсь ангельскому уму

еп. Игнатия, его дивно-глубокому разумению священного Писания... Я чувствую особое расположение к его сочинениям. Они просвещают мое сердце, мой разум истинно Евангельским светом”.

Не менее сильное впечатление произвела на него статья того же автора ”Слово о смерти”: ”Многое выяснилось для меня, чего я раньше не понимал. Эта книга незаменима в своем роде”, —писал он.

Сочинения еп. Игнатия он высоко ценил до конца своей жизни. Возможно, что склад ума и весь духовный строй у них были до некоторой степени общими. ”Пользуйтесь этим временем, пока можно вам читать. Не слушайте врага, внушающего вам, что впереди то время, когда вы по-настоящему займетесь чтением. Для вас теперь-то и идет самое учение... Читайте, обогащайте свой ум познаниями и нисходите во глубину смирения, считая себя хуже всех... Придет время, когда уже не будет у вас возможности читать книги. Попомните мое слово...” — сказал старец однажды Николаю. — ”Почему вы, батюшка, говорите, что нельзя будет читать?” — ”Да... Лет через пять или шесть... Когда вам надо будет читать книгу жизни...”

Непонятными и таинственными показались Николаю эти слова, но спрашивать он не посмел... Только часто, часто вспоминал он впоследствии эти пророческие слова старца...

”Познал омрачение мирского нестроения. Уразумел рассеяние мыслей, вводимое в ум заботами житейскими. Увидел суетность кружения, в которое неизбежно ввергает человека многомятежная жизнь. Уязвился стрелой любви к безмолвию. Взыскал мира помыслов, вняв слову Пророка: взыщи мира и пожени и. Возжелал рождающегося отсюда покоя душевного, по слову того же Пророка: ”обратися, душе моя, в покой твой...”

(Св. Феопемт Филадельф.)

Николай очень быстро привык к жизни в скиту и полюбил ее, с каждым днем все прочнее и крепче вращаясь корнями в новую почву, входя в одну колею со всем братством. И — чудное дело! Веселый и жизнерадостный от природы, любящий общество людей, любящий развлечения и забавы, свойственные молодым людям в миру, здесь он как бы переродился. Он до такой степени полюбил уединенную жизнь, что даже кратковременные выходы за ограду скита были ему в тягость, и по возможности он избегал их. Ежедневно он выходил только за водой к Амвросиеву колодцу, находящемся в нескольких шагах от скита. Причем он так же, как и вся братия скита, старался ходить за водою в те часы, когда не было богомольцев. (В скиту вода была плохая, непригодная для питья.) В монастырь он не любил ходить. Его смущало и рассеивало многолюдство, богомольцы, шум и суета. Ходил он туда в силу крайней необходимости — в ”рухольную” или в лавочку монастырскую, или же по какому-либо поручению за послушание.

Каждый год в августе в Оптину пустынь и Козельск привозили из Калуги чудотворную икону Божией Матери Калужской. Принимая участие в крестном ходе вокруг монастыря, Николай старался держаться поближе к своим скитским братьям и радовался, когда опять попадал в свой родной скит, в свою тихую келью.

Однажды старец, как бы испытывая его, сказал: "После Пасхи я дам вам лошадку, съездите в Козельск, купите себе, что нужно". — "Что вы, батюшка, да я из скита в монастырь с таким трудом выхожу!" — "Значит, из вас выйдет хороший монах", — заключил старец и приложил руку к его лбу.

По большим праздникам все скитяне ходили ко всенощному бдению и литургии в монастырь. Вместе со всеми ходил и Николай. Но не любил он ходить туда, не лежала душа. Не только многолюдство, присутствие мирских людей тяготили его — даже самая служба монастырская не удовлетворяла. В особенности не нравилось ему пение. Он не любил нотного пения. По словам старца Варсонофия, нотное пение отвлекает мысль и внимание молящегося от слов песнопения, и поэтому не может способствовать молитве. В этом отношении нотное пение не полезно и для самих поющих. Если удастся хорошо пропеть, возникает тщеславие, а если неудачно — то следуют досада и огорчение. "Ноты связывают певца по рукам и ногам. Нет свободного творчества, нет чувства и душа молчит. Одни красивые звуки без содержания. А слова ускользают от внимания, и молитвы нет..."

Даже трапеза монастырская не нравилась Николаю. Во время покоса, когда вся трудоспособная братия монастыря и скита ходила на луга между Оп-

тиной и Козельском, скитяне трапезовали в монастыре. Там пища была несколько грубее, так как готовилась в большем количестве, чем в скиту. Работа на чистом воздухе, напоенном ароматом трав и цветов, сама по себе не отягощала его. Он быстро научился косить, косил с удовольствием. И все же рад был, когда кончался покос и можно было не выходить из скита, наслаждаясь его животворной тишиной.

В мае 1908 г. в Оптину пустынь приезжала навеситить своих сыновей мать Николая и Ивана, вместе с сестрой своей и племянником. Николай любил и уважал свою мать, рад был ее видеть, но ежедневное хождение в монастырь "на гостиницу" тяготило его. Он уже привык к порядку скитской жизни, и отступление от этого порядка выбивало его из колеи. Огорчало его и то, что не мог он удержаться от празднословия и смеха по прежней мирской привычке. Но старец благословил его непременно ходить во исполнение сыновнего долга, а от празднословия и смеха воздерживаться. Вера Лаврентьевна прогостила около недели. Ей очень понравилась Оптина пустынь, монастырская служба и старец Варсонофий, у которого она исповедалась перед причащением Св. Таин. Она беспокоилась о своих детях и рада была видеть их здоровыми и благодушствующими. В одной из бесед со старцем Варнософием она спросила его: "Долго ли они пробудут в монастыре? Хватит ли у них сил?" Она боялась, что монастырская жизнь им будет не по силам или наскучит. Старец на это ответил: "Пробудут... Если Бога не забудут..."

Вере Лаврентьевне так понравилась Оптина пустынь, что в августе она приехала вторично, внесла полный взнос за сыновей и, кроме этого, деньги на

поминование своих родителей. И в последующие годы она приезжала в Оптину погостить и повидаться с детьми.

+

Вот как описывал Николай свое душевное состояние в первое время своей новой жизни: "Мне здесь все начинает нравиться более и более. Как понравилась мне вчера всенощная, особенно первая ее часть, вечерня. Как хорошо я слушал стихиры на "Господи воззвах!" Как приятно было мне стоять за шестопсалмием в этом мирном полумраке. После молитвы на душе — мир и тишина, как и во всем здесь. И эта чудная ночь — луна, чистое небо и чистые звезды... Тишина... Кругом — вековые сосны, снег блестит. Хорошо!.. Слава Богу, что Он, Милосердый, вселил меня, грешного, сюда под покров Божией Матери и Пророка Своего Крестителя Иоанна. Здесь мне везде хорошо, а в келии моей, когда я один, лучше всего. Из келии я никуда не выхожу без дела. Выхожу только в церковь, на послушание, в трапезную — больше никуда... Вообще утешает меня Господь, и не в тягость мне моя теперешняя жизнь скитского послушника. Я ничего лучшего не желаю. Мне здесь очень хорошо.

...Первый день Св. Великого Поста. Хорошо здесь встречают и проводят это святое время! Великое утешение — великопостная служба! Поют далеко не артистически, но все-таки — хорошо!.. Теперь я начинаю понимать смысл поста — и телу, и душе легко, хорошо... Вот как Господь подкрепляет меня, недостойного, — совершенно не тягочусь постом и лучшей пищи не желаю. Бывают помыслы о преж-

нем, но мимолетные, не беспокоят. Иное дело — вообще мирские воспоминания и картины, особенно за службой... Прежде я осуждал монахов, а теперь сам вижу, как трудно быть истинным монахом. Вот я и в скиту живу, а не стал сразу ангелом, как я требовал раньше от всякого монаха...

...Пасха! Хорошо здесь! Нет сильного подъема чувств, как бывало в миру, а ровно и тихо на душе. Я за это время как бы забыл, что есть мир со своими мнимыми радостями и наслаждениями. Я даже забыл о родных, хотя молюсь о них каждый день. Я вполне удовлетворен здешней жизнью, ее порядками...

...Наступает весна! Днем бывает тепло. Все оживает. Я заметил, что с прошлого года я стал больше любить природу, чувствовать ее красоту... Сiju я все время у себя в келии и ничего, ничего мне не надо! Пишу и читаю, и мне хорошо...

...Очень хорошо в Скиту. Все деревья цветут, аромат! Травка зеленеет. То, что я получаю от природы, раньше мне было неизвестно. Этим может наслаждаться человек, живущий среди природы. У нас в Скиту — рай земной, который мне еще дороже, потому что я здесь приобрел рай небесный. Утешает нас Господь, живущих среди природы, убежавших от мнимых удобств жизни городской... У нас на вратах, обращенных к Скиту, к церкви, написано: "Коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил!" И это — воистину так...

...Мир, тишина кругом... Лампады теплятся перед иконами... Бдение еще не началось. Тихо и чинно входят братья молятся и молча садятся на свои места в ожидании службы. Какая мирная картина! Как хорошо здесь! А там, за оградой, — суета пус-

тая. Все куда-то спешат, о чем-то заботятся. Какое забвение Бога, существования души и загробной жизни! Прежде и я находился в этом круговороте. И жил и мог жить такой жизнью. А теперь я здесь, в тихом Скиту. Воистину дивно, как Господь оторвал от этого страшного чудовища — мира!

Не только духовная жизнь мне нравится, но куда бы ни обратил взор, все — словно родное. Однажды, когда я помогал пономарю о. Ивану, о. Кукша сказал в разговоре: "Как вспомнишь о старом, так даже заплачешь..." Это говорит о том, как хорошо здесь было прежде! Для меня же старое — мир, а настоящее — Скит. И я благодарю Бога...

Мне здесь, действительно, очень хорошо, покойно, скорбей никаких нет. Если и бывают иногда соблазны от братии, то они быстро проходят и не тревожат меня особенно. Я иной раз даже думаю, уж не равнодушные ли это ко всему?.. Я думаю, что это Господь меня утешает, желая показать сладости иноческой жизни. Все ищут покоя духа, ясности, светлости. А меня ничто не смущает, и лучшего я не желаю...

...Духов день.. За обедней слышно было, как на яблоне пел соловей. Сколько простоты, красоты и самой чистой поэзии!..

...Хорошо у нас в Скиту! Начинаю понимать слова батюшки: "Как нам благодарить Тебя, Господи, что Ты отторгнул нас от мира и привел сюда!" Теперь я едино прошу у Господа, — "еже жити мне все дни живота моего в дому Твоем!.."

Так зародилась у Николая любовь к безмолвию. Но уединенная сосредоточенная жизнь его продолжалась недолго, около года. Когда его назначили быть письмоводителем старца Варсонофия, порядок жизни его, естественно, изменился. Работы по переписке было много. Кроме того, ему нередко приходилось заменять келейников старца. В келию свою он приходил только на короткое время днем и ночевать. Он не всегда даже успевал выполнять свое келейное молитвенное правило. Но близкое общение со старцем заменяло все: в старце он нашел сокровищницу духовную, и по мере своих сил и своего разума черпал из нее драгоценные познания.

Мирно и безмятежно текла его жизнь под руководством старца. Беспокоила его только мысль о предстоящей военной службе. Если короткие отлучки из Скита так тяготили его, то чего можно было ждать от службы в армии? Она казалась ему чем-то страшным. Когда Николай спросил у старца, можно ли молиться о том, чтобы Господь избавил его от военной службы, старец ответил, что н е л ь з я, что военная служба — это наш долг перед государством, что это — законно. Молиться об этом равносильно тому, чтобы молиться об избавлении от нежелательного послушания. "Это всецело надо предоставить воле Божией". "Многие планы строил я относительно вас, но — как Богу угодно! Быть может, когда вы возвратитесь из армии, я уже буду лежать в земле сырой... Тогда уж как хочешь, мой преемник!.."

Перед призывом, по благословиению старца, Николай вместе с братом своим Иоанном ездил в Москву повидаться с родными. Грустно было у него

на душе, когда он прощался со старцем и со скитом. Ожидание предстоящей ему долгой разлуки усиливало эту грусть. Перед самым отъездом он прошелся по скиту, посидел на скамейке... "Тишина в Скиту! Тишина и в лесу. Слышно даже, как падают листья с деревьев. Вся природа замирает в ожидании зимы. Листья пожелтели. Многие деревья стоят совсем голые. И из этой тишины я собираюсь ехать в суету и шум московской городской жизни. Тихая грусть, разлитая в природе, так соответствует грустному чувству в моей душе, чувству разлуки с тем, что я так полюбил!.." — писал он.

В Москве они пробыли около трех недель. Николаю запомнились слова еп. Трифона, когда он поведал ему о своем непрерывающемся благодушии: "Благодушное настроение у вас должно скоро пройти. Оно заменится тяжелой борьбой..."

17 октября они возвратились в скит. И вот снова увидел Николай все дорогое, родное и милое сердцу — лес, скит, старый храм, братию и старца, все, что полюбил и с чем сроднился навеки.

Четыре дня ходил он в Козельск, в Воинское Присутствие, вместе с братом Федором, келейником о. Архимандрита.

3 ноября 1909 г., день памяти великомученика Георгия Победоносца, был днем, решившим его дальнейшую жизнь. Он проходил медицинский осмотр. И к великой его радости был освобожден от военной службы с зачислением в ополчение 3-го разряда. Врачи нашли у него сильное расширение вен на левой ноге. Когда он, окрыленный радостью, пришел в монастырь, то встретил там старца своего, возвращающегося из больницы. Старец ходил осматривать новое строящееся здание больницы. Он так

обрадовался, когда Николай сообщил ему радостную весть, что, благословляя его, обнял и поцеловал. Затем, обратившись на восток, начал молиться. Потом сказал: "Велика милость Твоя, Господи!.. Должно быть, епископ Трифон молился за вас..."

Старцу очень не хотелось, чтобы Николай был призван в армию, не хотелось разлучаться с ним. Николай не знал, как благодарить Бога за Его великую милость, что избавился так неожиданно от двухлетнего тяжелого испытания на военной службе. Даже за эти четыре дня, проведенные вне скита, среди призывающихся парней, ему пришлось перенести немало оскорблений, насмешек и других неприятностей. Только один из них сказал ему доброе слово, когда он вышел из комнаты, где происходил осмотр: "Дай тебе Бог спастись! Я уж помолился, чтобы тебя не взяли... Меня-то взяли..."

Поездка в Москву, четырехдневное хождение в Козельск, ожидание и тревога за будущее — все осталось позади. Но пережитое неблагоприятно отразилось на его душевном состоянии, нарушило равновесие, внесло рассеяние.

5

"Ты же пребывай в нихже научен еси, и яже вверена суть тебе, ведый, от кого научился еси".

(Тим. 3, 10-14)

Зимний вечер. Мягкие голубоватые сумерки спустились на землю. Кругом — все белое. Задумчиво стоят вековые красавицы-сосны, как бы охраняя скит. В уютной келии старца Варсонофия — по-

лумрак. Горит только лампада перед образом Матери Божией, освещая Ее божественный лик. Тишина. Тикает маятник стенных часов, отмеряя секунды. Седовласый, в белом балахоне, с четками в руках сидит под портретами старцев Оптинских старец Варсонофий. В двух шагах от него стоит юный послушник Николай и слушает, слушает, о чем вещает ему Господь устами старца.

Старец Варсонофий обладал редким даром духовного ведения и рассуждения. Он понимал таинственный, скрытый от поверхностного чтения смысл Священного Писания и творений свв. отцов. Николай, слушая эти слова мудрости духовной, слагал их в своем уме и сердце. Беседы на духовно-нравственные темы сменялись воспоминаниями прошедшего, а иногда — простым задушевным разговором. Много поведал ему старец из своей многотрудной, богатой житейским опытом жизни.

”Смотрите, какая картина!” — указывая на занавешенное окно, сказал старец. Полная луна вошла за деревьями. Загадочный свет ее лучей мягко скользил по ветвям деревьев, покрытых инеем, по белому искрящемуся снегу, слабо освещая Предтеченский храм и св. врата. — ”Какая задумчивость, аскетическая красота — наш скит! Это осталось нам в утешение. Недаром сказал пророк Давид: ”Возвеселил мя еси в творении Твоем”. Возвеселил мя! Хотя это — только намек на ту дивную, недомыслимую красоту, которая была создана первоначально...”

Все, что в беседах старца особенно останавливало внимание Николая и было доступно его уму, еще не вполне созревшему, он, по благословиению старца, записывал в своем дневнике.

НАСТАВЛЕНИЯ СТАРЦА ВАРСОНОФИЯ

О наружном поведении

”Делайте все сами, что сможете сделать. Старайтесь не пользоваться чужими услугами. В келии своей ничего съестного не держите. Всегда аккуратно ходите к трапезе. Чай пейте у себя в келии и не больше трех чашек. Так положено старцами. К другим в келии чай пить не ходите, даже в тех случаях, когда будут приглашать. За трапезой кушайте досыта, но не до пресыщения. Пост и воздержание, необходимые впоследствии, для вас необязательны. Спите шесть часов и три из них должны быть непрерывного сна. Так нужно для монаха. Сон и чрево связаны между собою. При переполненном желудке монах много спит и спит более положенного”.

”В церковь и на ”правило” ходите неопустительно и старайтесь приходить всегда до начала. Первым старайтесь придти. Утренняя у нас в Скиту имеет большое значение. На ней держится вся скитская жизнь. Но она включает в себе и немалую трудность. А для нас, привыкших в миру поздно вставать, утренняя — одно из самых трудных постановлений скитской жизни. Поэтому не надо давать себе поблажки с первых же дней. Просьпание утрени и другие немощи происходят от недостатка решимости. Надо решить сделать дело во что бы то ни стало. Тогда за такую решимость Господь помогает. Вот, например, вы — решили оставить мир и — Господь вам помог, вы его оставили. И так всегда и во всяком деле”.

”Если зовут на послушание какое-либо срочное, а вы в это время совершаете правило свое мо-

литвенное, идите без смущения. Это хорошо, что зовут, ибо "послушание паче поста и молитвы".

"Больше молчите. А если что спросят, даже в церкви, ответьте без всякой раздражительности, не показывая угрюмого вида".

"Никогда никого в свою келию не впускайте без молитвы: "Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас". Когда встретите кого-либо из братии, всегда кланяйтесь первым, не взирая на возраст, а у иеромонаха берите благословение".

"Теперь читайте книги. Потом некогда будет читать. Будет желание почитать, да не будет на то времени. Жалеть будете, что мало читали, когда была возможность. От чтения книг окрепнет ваше произволение".

О молитве

"Держитесь за пятисотницу, т. е. аккуратно и исправно выполняйте ее. Держитесь за нее, как за спасительное вервие и не заблудитесь. Она имеет великую таинственную силу..."

"Молитву Иисусову надо произносить всю целиком, без сокращений. Так заповедали нам старцы. А ударение надо делать на последнем слове "грешного". Цель молитвы Иисусовой — всегда иметь память о Боге".

"Первым вашим делом, как только проснетесь, пусть будет крестное знамение, а первыми вашими словами — слова молитвы Иисусовой. Когда это возможно, творите молитву Иисусову по четкам, а когда заняты делом, то без четок".

”Когда у вас бывают какие-либо мечтания, вы им не противоречьте сами, а бросайте в них камнем. Камень же есть имя Христово, Иисусова молитва... Помыслы отогнать не в вашей силе, а не принять их — в вашей. Имя Иисусово отгонит их”.

”Если молитва иногда бывает невнимательная, рассеянная, — унывать не надо. Во время молитвы и уста наши освящаются именем Господа Иисуса Христа”.

”Постоянно имейте при себе Иисусову молитву — ”Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного”. И открывайте помыслы. Все св. отцы говорят, что проходить Иисусову молитву без проверки нельзя. Имя Иисусово разрушает все дьявольские приращения. Они не могут противиться силе имени Христова. Все козни дьявольские разлетаются в прах. Почему это так и как это происходит, мы не знаем. Знаем только, что это действительно так. Проверка при прохождении Иисусовой молитвы должна состоять, в основном, в откровении помыслов. Главнее же всего и прежде всего — смиряйтесь, смиряйтесь”.

”Молитва бывает устная, внешняя. Бывает внутренняя — умно-сердечная. Но есть еще высший род молитвы. Это — молитва духовная. Имеющие ее начинают познавать тайны природы, ее внутренний смысл и содержание. Они смотрят на все видимое с внутренней, духовной стороны. Они постоянно бывают охвачены высоким духовным восторгом, и глаза их часто источают слезы. Их восторг нам не понятен. Доступный нам восторг великих художников в области поэзии, музыки, живописи в сравнении с восторгом этих людей — есть ничто, ибо он душевен. А преп. Исаак Сирийский говорит еще о четвертом виде

молитвы, выходящей за пределы нашего сознания. Что это за молитва — я не знаю. Быть может, ее имел только преп. Исаак”.

”...Преп. Серафим Саровский говорит, что, кто в монастыре не творит молитвы Иисусовой, тот не монах. И страшно подумать, что добавляет: ”тот — обгорелая головешка...” Да. Необходимо иметь какую-либо молитву, хотя бы самую маленькую...”

”Главное в молитвенном подвиге — это терпение. Враг всячески старается оторвать подвижника от молитвы Иисусовой. Успех в молитве достигается терпеливым пребыванием в молитвенном подвиге”.

”Сочинения еп. Игнатия Брянчанинова — незаменимы. Они, если можно так сказать, — азбука, слоги. Сочинения еп. Феофана Затворника суть уже грамматика. Они глубже. Их даже преуспевшие читают с некоторыми затруднениями... Познать молитву Иисусову из одного чтения о ней невозможно. Познается она только личным опытом. Молитва Иисусова — безбрежное море. Исчерпать его невозможно. И невозможно все описать. в книгах... Многие начинают, но не многие кончают. Поэтому имеющих внутреннюю молитву очень мало. Это великое делание почти совсем забыто. Никто о нем даже не говорит...”

”Имеющему внутреннюю молитву — молитва так же свойственна и естественна, как и дыхание. Что бы он ни делал, молитва у него идет самодвижно, внутренне. Имеющий такую молитву, стоя в храме, внимает тому, что читают и поют, а в то же время и внутренне молится, как написано: ”Молитва прилепится к дыханию твоему”. Даже во время сна молитвенное делание не прекращается у него в серд-

це: "Аз сплю, а сердце мое бдит". Но мы этого не имеем. Мы просыпаемся — и даже имени Иисуса Христа нет на устах наших".

"Одно прилично новонаначальному, другое — уже преуспевшему в молитвенном делании. Внимать словам читаемого и поемого легче, нежели охранять себя от рассеяния мыслей во время молитвы Иисусовой. Поэтому и следуйте этому правилу. Иногда бывает, что человеку полезнее творить молитву Иисусову, нежели слушать, что читают и поют... Здесь надо иметь рассуждение".

"Псаломские слова, троекратное повторение слов: "Обышедше обыдоша мя и именем Господним противляхся им" (Пс. 117, 10-12) вполне понимают все делатели молитвы Иисусовой, без толкований. Они понимают, что эти слова говорят о молитве Иисусовой, коих очень много в псалтири".

"Можно ли потерять молитву Иисусову тому, кто достиг уже внутренней молитвы? — Да, я думаю, что можно. От нерадения, от окружающей суеты. А бывает, что Господь, по неведомым судьбам своим, отнимает молитву; как было, например, с схимонахом Клеопою. Он два года чувствовал потерю сердечной молитвы, после чего она опять возвратилась к нему. Может быть, Господь послал ему это для испытания его веры. В таких случаях не надо отчаиваться".

"Томительное, часто безотрадное состояние, предвещающее получение молитвы Иисусовой внутренней, не бывает обязательно с каждым. Ибо Царь может сразу обогатить нищего. Но общий порядок стяжания молитвы Иисусовой такой: достигают ее многими трудами и скорбями, в числе которых имеет место и томительное состояние духа".

”Господь дает молитву молящемуся, дает внутреннюю молитву. Иногда только перед смертью или после смерти...”

”Первый от Господа дар в молитве — внимание, то есть когда ум держится в словах молитвы, не отвлекаясь. Но при такой внимательной, неразвлекательной молитве сердце еще молчит. В том-то и дело, что у нас чувства и мысли разъединены, нет в них согласия. Вторая молитва — когда ум и сердце соединены, согласно направлены к Богу. Третий дар есть молитва духовная. Про эту молитву я ничего не могу сказать. Человек, имеющий молитву духовную, хотя и живет на земле, но умом и сердцем, всей душой своей он — в Боге. Достигшие такой молитвы смотрят на все очами духа, имеют ведение и видение... Молиться о даровании внимательной молитвы можно, но просить у Бога высоких молитвенных дарований погрешительно. Это надо всецело предоставить Богу”.

”О. Иоанн Кронштадтский был великий светильник земли русской. Это был светильник ”горяй и светяй”. Он имел дар высокой внутренней молитвы. Его пастырская деятельность была так велика, что можно только удивляться, как могло выносить эти труды его слабое тело. И вспоминаются мне слова Апостола: ”сила Божия в немощи совершается”. Замечено, что люди высокой духовной жизни обычно отходят в иной мир в день памяти такого святого, который в свое время подвизался подобным, сродным подвигом, или имел одинаковый с ним дар. О. Иоанн скончался в день памяти священномученика Игнатия Богоносца, который был родоначальником внутренней Иисусовой молитвы”.

”Да, я занимался молитвой Иисусовой. Дело шло — молитва начинала у меня разгораться... Но настоятельство отняло ее у меня... Молитва чуть дышит. Вот я часто задаю себе вопрос: выигрываю ли я на этом своем посту или проигрываю?..”

”Некоторые считали меня находящимся в прелести, когда я жил внимательно, занимался Иисусовой молитвой... Теперь решают так: ”Молись, не молись — все равно не достигнешь молитвы. Прошли те времена”. Это, конечно, мысль, внушенная дьяволом. Иисусова молитва необходима для входа в Царство Небесное”.

”Я долго не мог понять, что такое — соединение ума и сердца. В сущности, это — соединение всех сил души воедино, когда все они устремляются к Богу, что при разъединении невозможно. Какую красоту имеет нота или звук, взятые в отдельности или в беспорядке? Можно сказать, никакой. Но эти же самые звуки в произведениях гениальных композиторов имеют великую силу и красоту. Иисусова молитва не имеет пределов. Это — такой узел, что, сколько его ни развязывай, он все будет узлом. Ум, когда упражняется в чтении Священного Писания и в молитве, просвещается. Когда же он погружен только в земное, то одевается и становится неспособным к пониманию духовного... Необходимо упражняться в чтении духовном и стараться побеждать страсти. Страсти легко побеждать, когда они — в помыслах. Но когда они перейдут в слова и дела, укоренятся, то победить их очень трудно, почти невозможно... Вся жизнь инока есть борьба с помыслами. Для этого-то и нужна молитва Иисусова. ”Если кто не соединится с Господом Иисусом здесь, то и никогда не соединится с Ним”, — гово-

рит Симеон Новый Богослов. Это — страшные слова. Когда я прочел их, будучи еще послушником, я начал искать подтверждения сему, ибо это говорит только один преп. Симеон. И вспомнил текст Евангелия: "Блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят". Если переставить слова, выходит так: "Бога узрят чистые сердцем". А внутренняя молитва Иисусова, соединение ума и сердца для устремления их к Богу и есть чистое сердце..."

"Молитва своими словами допустима только вне церкви. За службой церковной и во время совершения правила молиться своими словами не советуется. Надо внимать читаемому. Молитву Иисусову во время служб церковных можно производить во время перерывов и в тех случаях, когда не слышно, что читают или поют..."

"Духа держитесь. Дух животворит, буква убивает..."

"Какого святого память сегодня? Преподобного Максима Исповедника? — Да. — Обратили вы внимание на кондак этому святому? — Нет. — Дайте сюда псалтирь. Читайте. — "Свет трисиянный, всельшийся в душу твою, сосуд избран показа тя, всеблаженне..." Здесь говорится про молитву Иисусову. Теперь дальше: "Являюща божественная концем неудобопостижимых разумений ты сказуай, блаженне, и Троицу всем, Максиме, воспроповедуй, ясно пресущную, безначальную". Теперь мне понятно, почему старец Амвросий всегда имел под рукой творения преп. Максима Исповедника. Его творения очень глубоки и таинственны..."

"Поминать молитвенно подвижников, известных своей святой жизнью, — великое дело. Не столько они нуждаются в наших молитвах, сколько мы в

их молитвах. Если мы молитвенно вспоминаем их, они внимают нашему голосу и молятся за нас...”

”Вы, вероятно, заметили, что я поминаю в конце вечерних молитв многих святых. Не думайте, что это просто так, без всякой причины. С именем каждого святого, поминаемого мною, связано какое-либо событие в моей жизни, случившееся в день его памяти. Их имена запоминаются мне. Я замечал, что в дни их памяти я избавлялся от неприятности или опасности”.

”Псалом ”Живый в помощи Вышняго” надо знать наизусть и ежедневно читать. Он имеет великую силу и избавляет от опасностей...”

”Дьявол не даст вам сделать ни одного шага в деле духовного преуспевания без борьбы. За каждый шаг надо бороться. Для борьбы с ним у нас одно оружие — Иисусова молитва. Сказано: бей этим мечом невидимых ратников, ибо нет более сильного оружия ни на небе, ни на земле. Если вдуматься в эти слова, страшно подумать, что нет более сильного оружия даже на небе...” ”О имене Иисусове всяко колени поклонится небесных и преисподних и всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос...” Какие страшные времена придут!”

О монашестве

”Постепенно надо проходить иноческое житие. Это — наука из наук. Как всякую науку необходимо изучать под руководством опытного человека, так и здесь необходимо держаться своего старца. Но — ”единого достоит вопрошати”, ибо может произойти духовное разделение...”

”Есть два вида монашества — внешнее и внутреннее. Внешнее, так наз. ”клобуковое”, монашество приобретает легко, как преп. Иоанн Лествичник пишет: сделать внешнего монаха легко, но трудно сделаться внутренним монахом. Это внутреннее монашество может быть даже в миру, хотя именно только ”может”. Об этом-то внутреннем монашестве теперь так редко говорят. Почти не имеют понятия... Внешнее монашество — это упражнение во внешних подвигах: пост, бдение. Сюда же относится исправное по внешности посещение церковных служб, трезвенность. Миновать внешнее монашество нельзя, но и удовлетворяться им одним тоже нельзя. Одно внешнее монашество без внутреннего приносит даже вред. Внешнее монашество можно уподобить вскапыванию земли. Сколько ни копай, ничего не вырастет, если не посеешь. Внутреннее монашество и есть сеяние. А пшеница — молитва Иисусова. Молитва Иисусова освящает всю внутреннюю жизнь монаха, дает ему силы в борьбе... Внутреннее монашество — это очищение сердца от страстей, борьба с помыслами. В особенности Иисусова молитва необходима при перенесенных скорбях и искушениях. Сначала надо приобрести внешнее монашество, т. е. монашеское учтивство, но не останавливаться на этом, а идти дальше. Монашество не заключается только в подряснике, постных щах и каше. Правда, нужно и носить монашеские одежды, и поститься, но это не все. Одно внешнее не приносит пользы. Необходим внутренний огонь. ”Монашество есть сокровенный сердца человек”, как говорил старец Анатолий. Если видеть в монашестве одну форму, то жить в монастыре тяжело... Обыкновенных иноков много. А есть такие, и их немного, которые

горят особенной любовью к Богу, поклоняются ему духом и истиною. Это — чистейшие идеалисты. Таких и ищет Господь, зовет к Себе...”

”Только тому хорошо в монастыре, кто благодарит Бога за Его милосердие, за то, что Он отторг его от мира и вселил в монастырь. А кто ропщет на свою жизнь, тому в монастыре очень тяжело жить... Вся жизнь монаха внутри его, ибо делание монашеское — внутреннее делание. Внешнее — воздержание и подвиг есть только пособие... Если всякий человек будет следить за своей жизнью, в особенности монахах, то он увидит, что его жизнь есть сплошное чудо... Вникая во внутренний смысл, можно увидеть дивную премудрость и глубину во всем... Преп. Иоанн Лествичник говорит: ”Ангелы — свет монахам, а монахи — свет мирским людям”. Не забывайте, что мы должны быть светом для мира... Наше назначение в будущей жизни быть царями и священниками...”

”Мантия и схима имеют то великое значение, что принимающему их дается благодать жить по-монашески, исполнять монашеские обеты... Средина монашеского пути очень трудна. Она есть самая трудная часть монашеского пути. В начале пути помогает и утешает благодать Божия, а середина — это самый зной...”

”Вы пришли сюда искать Бога. И все ищут Бога. Найти Бога — это цель монашеской жизни. Можно и в монастыре жить, но ничего не постигнуть, не быть монахом... Все ищут Бога. Вот и художники, в области поэзии, живописи, в особенности музыки, ищут Бога. Да не так ищут... Как искать Бога? — Соблюдением заповедей Бога... У Пушкина в его стихотворении ”Пророк” есть слова: ”и горний ангелов

полет, и гад морских подводный ход". Эти два течения идут в нас параллельно. Но должно стараться только "горняя мудрствовать". Это не сразу достигается, а постепенно. "Ход гад морских" будет все тише и можно достигнуть того, что будет только одно "горнее стремление"..."

"Что у монахов есть немощи, это нисколько не удивительно. Монахи — люди. Когда человек приходит в монастырь, то он не сразу становится бесстрастным. Все его страсти и немощи остаются при нем. Только в миру он не борется с ними, а здесь, хотя и побеждается, но все время пребывает в борьбе... Оставайтесь здесь монахом до конца своей жизни... У монаха вся радость должна состоять в смирении, смирении и... простоте..."

"У старца Амвросия спросили: "Что такое монашество?" — "Блаженство", — отвечал старец. Действительно, это — такое блаженство, более которого невозможно представить себе на земле. Но монашество не так легко, как некоторые думают, и не так трудно и безотраднo, как думают другие..."

"Будучи еще мирским, я написал однажды стихотворение, посвященное старцу Амвросию: "Блажен, кто путь свершая тесный...", и, отпечатав его в Казани, послал старцу. Потом, когда я приехал в Оптину, пришел к старцу и напомнил ему о стихотворении, старец спросил меня: "А оно при вас?" и указал пальцем мне на грудь. Я машинально ощупал карман в мундире на груди и говорю: "Нет". — "Гм... Нет... Как же так?" Я ничего не понял. А когда мне сказали, что о. Амвросий ничего не говорит понапрасну, даже в шутку, я спросил об этом келейников старца о. Илариона и о. Иону, каждого порознь. Оба дали мне одинаковое разъяснение: "При

Вас, значит, — у вас в сердце”. То есть исполняете ли вы то, о чем написали в стихотворении, соответствует ли ваше духовное устройство написанному?” — Тогда я понял, в чем дело. Понял, что стихотворения действительно при мне не было. А при старце Амвросии оно, конечно, было...”

”Если бы желающие поступить в монастырь знали, какие скорби ожидают их, то никто бы не пошел в монастырь. Господь скрывает эти скорби. А если бы люди знали, какое блаженство ожидает иноков, то весь мир бы побежал в монастырь... Сущность нашего монашеского жития — борьба со страстями... Путь иноческой жизни нельзя проходить самочинно... Монах должен быть подобен ангелу. Что такое монах? Монах есть исполнитель всех заповедей Божиих...”

Монах, терпящий все благодушно, имеет мученический венец. Смирение и любовь — самые высокие добродетели. Они должны быть отличительными чертами монаха...”

”Не думайте, что можно сразу на небо взлететь... Нет. Нужно претерпеть всякие скорби, унижения и озлобления и внутри себя, от диавола, и совне — от неразумных братий. Сначала надо пройти весь искуc. Нужно испытать борьбу со страстями, стяжать смиренное о себе мнение и потом уже... Иногда будете чувствовать даже отвращение и ненависть к монашеской жизни... Все это надо претерпеть...”

”Современные монахи стремятся во всем исполнять свою волю. Авва Дорофей говорит: ”Я не знаю для монаха иного падения, как последование своей воле...” Монашество уклонилось от своего пути. Однако диаволу монашество и наших дней не нравится, если он так восстает на него. Монашеством

держится весь мир. Когда монашества не будет, тогда настанет Страшный Суд...”

О послушании

”Путь послушания самый верный и самый скорый... Для исполнения послушания, превосходящего естественные силы человека, Господь и силу дает, если послушник берется за дело именно за послушание, принимая его как от руки Господней, как проявление воли Божией. Указать смиренно на неудобноисполнимость послушания можно, когда оно, действительно, таково. Но настаивать на своем разумении нельзя. Следует взять на себя возлагаемое послушание с упованием на помощь Божию...”

О смирении

”Краеугольный камень иноческого жития есть смирение. Смирение и послушание помогают приобрести другие добродетели. Но если есть гордость, все пропало. Человек, обладающий великими добродетелями, но гордый, подобен кораблю, нагруженному драгоценностями, но не входящему в пристань, а гибнущему среди моря... ”На кого воззрю? Токмо на кроткого и смиренного, трепещущего словес Моих”, говорит Господь... А иночество есть великое и безбрежное море. Исчерпать и переплыть его невозможно. Это непонятно человеку, не вступившему на этот путь... Этот тесный, скорбный путь можно проходить только при помощи Божией... ”Иго Мое благо и бремя Мое легко есть”. На первый

Взгляд кажется, что есть в этих словах какое-то противоречие. С одной стороны, этот путь — легкий и благой, а с другой, — он тесный и прискорбный. Тесен и прискорбен он только для тех, кто вступает на него или с принуждением, без внутреннего расположения, или из-за каких-либо иных целей, кроме спасения души. Для таких он тяжел. А для тех, кто становится в ряд иноков с чистым желанием и намерением служить Господу Богу в Духе и истине, — для тех он легок...”

”И о. Макарий, и о. Амвросий, и все наши старцы всегда говорили: ”Смиряться! Смиряться надо!” Подобно тому, как Иоанн Богослов под конец своей жизни только и говорил: ”Чадца! Любите друг друга!” Так и наши старцы твердили: ”Смиряться!” Эти две добродетели, любовь и смирение, как бы обуславливают одна другую, равно как теплота и свет...”

”Не гордитесь и не тщеславьтесь ни сами себе, ни перед людьми. Считайте себя хуже всех и свыкайтесь с мыслью, что вы приговорены к адским мучениям и что избавиться от них можете только по милости Божией. Это — нелегко. Только святые достигали того — считали себя достойными адских мучений, считали себя хуже всех...”

”Чем больше живешь в монастыре, тем более убеждаешься, что Господь смотрит только на кроткого и смиренного и только таким внимает. Гордость есть дьявольская черта...”

”Есть смирение — все есть. Нет смирения — ничего нет, хотя бы человек и чудеса мог совершать. Смиряться! ”Блаженни чистии сердцем”. Смиренный не может не быть чистым сердцем. Да, они — ”Бога узрят!”...”

”Авва Дорофей поучает нас внимать себе, следить за своей жизнью, насколько мы преуспели. Это внимание к себе необходимо. Преуспеяние в основном заключается в смирении. Монах не может быть в одном состоянии. Он идет вперед или назад. Ни одной минуты он не стоит на одном месте, он все время находится в движении...”

”Пророк Давид сказал: ”Оскуде преподобный”. Почему он оскудел? Потому что ”умалишеся истины, суетная глаголаша кийждо”, потому, что не говорят о душеполезном, а празднословят, говорят о пустяках. Пророк Давид сказал еще: ”Смирися и спасе мя Господь”. Для спасения достаточно одного смирения. И опять сказано в другом псалме: ”Виждь смирение мое и труд мой и остави вся грехи моя”. Так сказал пророк Давид потому, что истинное смирение никогда не бывает без труда... Путь смирения, терпение унижений — тяжел. Многие брались за него, решались идти им и не выдерживали... Хотел этим путем идти епископ Игнатий Брянчанинов и не выдержал. Ведь он жил в Оптиной пустыни. У нас сохранилось предание, что старец Лев сказал про него: ”Если бы он не пошел иным путем, то был бы вторым Арсением Великим”. Хотя он и считается наставником современного монашества, ибо желающий понять сущность монашества в настоящее время без его сочинений сделать этого не сможет, а все-таки он — не Арсений Великий. Правда, свят он, а все-таки — не Арсений...”

”Смиряться и терпите все. Научитесь смирению и терпению, а в душе имейте мир. Поверьте — у кого в душе мир, тому и на каторге рай... Макарий Великий говорит, что у каждого человека, даже у человека святого есть что-то гордое. Вот как

глубока в нас эта зараза! Не горды только ангелы, они чисты, да еще те, которые переходят отсюда туда, на небо...”

”Самоукорение есть невидимое восхождение”, — говорит Иоанн Лествичник. Надо укорять себя за немощи и смиряться, а не впадать в уныние и расслабление. Что бы ни случилось, унывать никогда не надо. В борьбе со страстями, если и побеждаемся ими, но укоряем себя, каемся, смиряемся и продолжаем бороться, мы непременно идем вперед. Нам остается одно — смирение. Время суровых подвигов прошло, по-видимому, безвозвратно...”

”Укоряйте себя... Как укорять? Очень просто. Совесть сразу заговорит, будет обличать, если будете внимать себе. Вам остается только согласиться с голосом вашей совести, если что плохо сделали или помыслили, смиренно обратиться к Богу с молитвой о прощении... Были святые отцы, у которых вся жизнь была — самоукорение. Прямая черта, без всяких перерывов. Но нам до этого далеко. Когда мы укоряем себя, мы исполняем силы, духовной, конечно. Почему так, мы не знаем. Это — закон духовной жизни... Что такое самоукорение? Это и есть смирение. Считать себя виноватым, грешным, это и значит смирять себя. А что такое смирение? Это — риза Божества, по слову Лествичника. Мы идем и касаемся этой Ризы, когда укоряем себя. Помните Евангельскую кровоточивую жену? Она смиренно шла через толпу, чтобы прикоснуться к краю одежды Христа, и, прикоснувшись, исцелилась... Это и было все, как написано в Евангелии, было на самом деле. Но есть другой, духовный смысл этого события... Анализа самоукорения я не встречал ни у одного св. отца, насколько помню...”

”За гордостью, как по пятам, всегда идет блуд...”

”Это хорошо, когда укоряем себя и смиряемся. Многие на небо лезут, подвиги накладывают на себя, а смиряться не хотят. Не хотят смиряться. Это — язва, язва современного монашества... Смиряться!..”

”Не принимать тщеславные помыслы, это значит не обращать на них внимания. У монаха все время идет брань в помыслах. Тщеславие, усилившись, переходит в гордость. Тщеславие делает то, что безголосый начинает петь, ленивый становится ретивым, сонливый — бодрым и т. д. Преп. Иоанн Кассиан Римлянин, замечая это, удивляется лукавству, хитрости и злобе этого беса. И как все святые избегали тщеславия, как осторожно они к нему относились! Старец Амвросий имел всегда палочку около себя, и когда кто-либо начинал говорить могущее возбудить тщеславие, он брал палочку и начинал ею помахивать. Его однажды кто-то спросил: ”Зачем вы, батюшка, палочкой-то махаете?” — ”Да вот, я думаю, что скоро она по твоей спине прогуляется. Да, да, оставим лучше этот разговор”... Старец Амвросий при жизни своей часто являлся в чувственном образе, не во сне, во сне это понятно, — давал советы, избавлял от опасности. Когда его спросили об этом, как он, не выходя из келии, является некоторым наяву, он ответил: ”Это не я, это — мой ангел...”

”Слава не полезна даже святым, непрославленным, как, например, старцу Амвросию, ибо человек удобопреклонен ко злу, и сердце человека даже святой жизни может немного склониться к славе. Старец Анатолий даже захворал, когда услышал о бывшем о. Иоанну Кронштадтскому видении, что вместе с о. Анатолием служили два Ангела во время Ли-

тургии... Постился, молился, чтобы Господь изгладил мысль из его ума об этом. Почему? — Боялся самомнения. Боялся мысли: "Я-де вот какой!" Конечно, тогда бы все пропало..."

"Тщеславные мечты и помыслы о том, что вы будете старцем и игуменом, надо отгонять. Желать этого не следует... А конечно, все это может быть. Поставит вас Господь на это место. А может быть, и укроет вас там где-либо в келии. Но простите меня Господа ради, я считаю последнее выше".

Об осуждении и подозрительности

"Если плохо живешь, то тебя никто и не трогает, а когда начинаешь жить хорошо, сразу — скорби и искушения. Монахи, вообще вся наша братия, тоже — люди. А если люди, то каждый из них страдает какой-либо страстью. Все они пришли сюда, в монастырь, как в больницу, лечиться и вылечиваются при помощи Божией. Я это говорю потому, что, если вы увидите недостатки в братиях, надо стараться не осуждать их. Все люди немощны, у всех есть страсти. Мы должны прощать..."

"Раздражительность и осуждение это такие страсти, с которыми приходится бороться всю жизнь... Когда я поступил сюда, при о. Анатолии, я говорил ему, что хотелось бы мне пожить поуединеннее. — "В затворе?" — "Да", — говорю. — "Что же, и в баню ходить не будете?" — "Конечно". — "Да вот, я про то и говорю, что в баню ходить не будете..." — "Вы, батюшка, под баней разумеете что-то другое?" — "Да... Пустыня, затвор не очищают нас. Я в пустыне со своими страстями могу жить и, по-видимому, не

грешить. Там нельзя познать свою немощь, свои пороки... А здесь нас "чистят"... Как начнут "шпиговать", только держись! Здесь без вашей просьбы начнут вас "чистить". Вот мы и познаем свои немощи — раздражительность, досаду, осуждение, злобу, желание мщения и т. д. и будем смиряться..."

"Никогда нельзя осуждать кого-либо, особенно по наружному виду и поведению. Удивительная эта страсть и трудно с ней бороться".

"Бойтесь подозрительности. Дьявол, возобладав человеком, доверяющим его внушениям к подозрительности, может показать ему то, чего и не было. Когда вам дьявол указывает на чужие недостатки и немощи и побуждает вас к осуждению, вы говорите себе: "Я хуже всех. Я достоин вечных мук. Господи, помилуй мя!" Если даже будете говорить так без чувства, все-таки нужно так говорить..."

Николай сказал однажды старцу, что приходят помыслы, осуждающие старца за слова и рассказы, по-видимому, совершенно не относящиеся к монашеству. Старец ответил:

"Когда приходят помыслы, осуждающие старца или ропшущие на него, вы отвечайте на это помыслу, что: "Это не мое дело, за это старец отвечает, а не я..." Старец о. Лев на такой же вопрос сказал: "Чадо, мы часто не понимаем, что говорят простые люди, с какой целью и намерением. Тем более мы не можем понимать и того, что говорят старцы. Кроме того, из житий святых мы видим, что шуточки допускали и святые отцы. Например, преп. Пахомий, преп. Антоний Великий и др. Конечно, содержание этих шуточек они брали не из Священного Писания и творений свв. отцов, а просто что-нибудь рассказывали". Так и я. Рассказываю что-ли-

бо, а в это время, может быть, бес хотел уныние на вас навести, а мой рассказ отгнал его...”

”Сомнения так же, как блудные и хульные помыслы, надо презирать, не обращать внимания на них. Презирайте их, и враг — диавол не выдержит, уйдет от вас. Он не вынесет презрения, ибо он горд. А если будете входить с этими помыслами в разговор, ибо все такие помыслы не ваши, а внушенные врагом, то он закидает вас, завалит и убьет. Верующий человек, любящий Бога, не может хулить, а в то же время замечает в себе две нити — и любит и хулит. Из этого очевидно, что есть какая-то злая сила, навевающая сомнения, блудные и хульные помыслы. Поэтому презирайте эти помыслы, они тогда вам не повредят, особенно если будете открывать их старцу. Но, открывая их, нельзя вдаваться в подробности, иначе можно навредить и себе и старцу. В особенности блудные помыслы нельзя открывать в подробном изложении. Надо поскорее засыпать, закрыть эту смердящую яму, а не копать в ней... Блудные помыслы вам в грех не поставятся, если вы не услаждались ими. Прогонять помыслы, противиться им могут только святые, а нам от них надо бегством спасаться. Если у вас своих сил нет бороться с помыслами, то призывайте Господа Иисуса, и имя Его будет прогонять их... Неисповеданный грех разрушающе действует на человека и приводит душу к смерти...”

”Ложный путь — если мы будем стараться постигнуть все одним умом, пытаюсь сразу уяснить разные сомнения и недоуменные вопросы. Враг тогда совсем запутает, забудет... Чем более живет монах в монастыре, тем более узнает, тем большему научается. Это происходит постепенно. Толь-

ко Господь может просветить разум человека к познанию истины... Одно дело — ум, другое — рассуждение. Духовное рассуждение есть дар Божий. И ум у человека — дар Божий, но рассуждение есть высший дар и дается не сразу. Человек может быть очень умным, но в то же время не будет иметь дара рассуждения... Есть люди плотские, которые живут только для чрева, для блуда. Есть люди душевные, они выше плотских. И есть люди духовные. Разница между душевными и духовными людьми громадная. Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, почитает это безумием. Он может познать всю человеческую мудрость, но духовного рассуждения не будет иметь. "Слово крестное погибающим убо юродство есть, а нам, спасаемым, — сила Божия и Божия премудрость". Для них это — юродство, а для нас, спасаемых, — сила Божия... Да. И заметьте, сказано: "спасаемым", а не спасенным, и "погибающим", а не погибшим. Иной и не заметит сразу этой разницы. Все мы спасаемся, но неизвестно — спасемся ли? "Погибающим", но не погибшим, они могут обратиться, хотя и стоят на наклонной плоскости, скользя вниз..."

"Когда читаете книги, не входите в тонкости, не вдавайтесь в анализ, а молитесь Богу, да просветит ваш ум. Мне так сказал старец Анатолий, а на мой вопрос: "Почему так?" — ответил: "Запутался..." В книгах Священного Писания и святоотеческих попадаются места, наводящие сомнение и недоумение, например: "мытарства", "престол на небе", "чины Ангельские" и другие. Все такое надо понимать духовно. Это только намек на самую действительность, нам неведомую и недоступную человеческому языку. Некоторые же

соблазняются, не понимая, что все такие слова надо понимать не в буквальном смысле, а в высшем, духовном...”

”Проверяйте себя каждый день вечером и кайтесь в согрешениях своих. Проверка своей жизни приводит к познанию своей немощности и покаянию, а покаяние приводит к постоянной мысли о Боге и смерти... Я замечаю в вас начатки внимательной жизни... Кто пустословит, тот не может внимательно жить, постоянно рассеиваясь. От молчания рождается безмолвие, а от безмолвия — молитва. Как может молиться тот, кто находится в рассеянии? Внимайте себе. Внимательная жизнь способствует молитве и приближает к Богу... Сказано: ”Внемли себе”. Молчание — это есть подвиг. Кто решается на этот подвиг, тот должен приготовиться к скорбям. Да и само молчание не скоро и нелегко дается. Оно потому так высоко и необходимо для спасения души, что ”молчание есть тайна будущего века”. Кто молчит, тот готовится к будущей жизни. Старец Макарий это часто говорил...”

”Боязнь мира, мирской жизни, это — спасительный страх. Вы ушли от этого ужасного чудовища — мира и, Бог даст, совсем отойдете от него... Бояться надо только греха. В Священном Писании сказано, что боязливых не любит Господь. Монах не должен быть боязливым, трусливым. Он должен возлагать надежду на Бога. Почему Бог не любит боязливых? Потому что они близки к унынию, к отчаянию. А отчаяние — смертный грех. Истинный монах должен быть чуждым такого устройства...”

”Мы не должны сердиться на людей, причиняющих нам скорбь, ибо они лучшие наши благодетели,

указывающие нам наши немощи, которые мы, может быть, и не предполагали в себе. Мы должны с такими обойтись кротко и помолиться за них. Кроткое обращение совершает чудеса... Что спасло мытаря? Только сознание своей греховности... "Боже, милостив буди мне, грешному!" Эта молитва прошла уже почти два тысячелетия. Но смотрите — мытарь сознает себя грешным, а в то же время надеется на милость Божию. Без надежды нельзя спастись. Господь сказал: "Я пришел спасти не праведных, а грешных". Кто здесь разумеется под праведными? Конечно, это относится и к грешным человекам, не сознающим своей греховности, но кроме того, это сказано и про бесов. Ту гордыню, в которой они стоят перед Богом, мы себе и представить не можем. Мы не можем понять, какая у них ненависть к Богу. "Бог гордым противится, смиренным же дает благодать". Почему не сказано, что Бог противится блудникам, или другим каким-либо грешникам, а именно гордым? Потому что бесовское это свойство. Гордый становится как бы сродни бесу. Один человек говорит: "Читал я, читал Псалтирь, да ничего не понимаю. Так я полагаю, что мне гораздо лучше положить эту книгу на полку". А старец ему говорит: "Нет, не надо". — "Почему же? Я ничего не понимаю!" — "Ты не понимаешь, так бесы понимают, что там про них говорится, не могут вынести и бегут..."

"Есть грехи смертные и есть — не смертные. Смертный грех — это такой грех, в котором человек не кается. Смертным он называется потому, что от него душа умирает и после смерти телесной идет в ад. Ожить душа может только при покаянии. Смертный грех убивает душу, делает ее неспособ-

ной к духовному блаженству. Если слепого человека поставить на место, откуда бы открывался чудный вид, и спросить его: "Неправда ли, какая красота?" — слепой ответил бы, конечно, что он не видит ничего, что он слеп. То же самое можно сказать о неспособности души, убитой грехом, узреть вечное блаженство..."

"Есть музыка — искусство. И есть музыка души. Это — покой душевный. Тот самый покой, о котором говорится в Евангелии: "Возмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим, ибо иго Мое благо и бремя Мое легко есть". Вот этот самый покой... Изучали математику? Знаете, что такое знак равенства? Так вот: покой души (блаженство (музыка, гармония всех душевных сил..."

"Все в Евангелии, кроме первого, более ясного смысла, имеет еще другой смысл, скрытый, таинственный..."

"Может быть, вы впоследствии будете духовником. Так вот, я говорю вам — опасайтесь женского пола. С ними надо быть чрезвычайно осторожным. Вы не знаете, какая сложная женская душа! И хорошо, что вы не женились... Так вот, я предупреждаю вас, будьте с ними осторожнее... Так сплетут, так сплетут... И смысла-то никакого нет. С ними, то есть с послушницами и монахинями, надо быть очень осторожным. Мне они жалуются на о. Иосифа, а о. Иосифу — на меня. Однажды мне келейник о. Иосифа сказал: "Вы, батюшка, пожалуйста, им не верьте. Все врут..." Так же они и у себя в монастыре шатаются по келиям да занимаются сплетнями. И это — постоянно. Но при этом я должен сделать оговорку, что такое шатание продолжается до

той поры, пока она, монахиня, не встанет на монашеский путь. Все это кончается, как только она получит монашеское устройство. Некоторые получают такое устройство через год, через два, иные — через пять или десять лет, а иные — через 20 лет. У кого есть задаток монашеского устройства, тот быстро вступает на этот путь. А другие — никак не попадут на рельсы. Подбежит к ним, посмотрит и — перебежит... Но есть монахини очень высокого духовного устройства...”

”Женщина без веры жить не может. Она, после временного неверия, опять возвращается к Богу. В противном случае она начинает быстро разлагаться. Другое дело — мужчина. Он может быть без веры. Окаменеет совершенно, станет соляным столбом. Таким окаменелым и живет...”

”Евангелие и вообще Священное Писание все тайнами повито. Там — глубина. Там — смысл неисчерпаемый. Всего уразуметь нельзя. Подобно тому, как с луковицы снимают сначала одну чешуйку, потом другую, затем третью и т. д., так же и при чтении Святого Писания. Уразумел человек один смысл, за ним идет другой, более глубокий... Этот смысл, скрытый, таинственный, открывается по мере очищения ума человека. Одному он, положим, открывается на 1/100 сантиметра, другому — на 1000 верст. Одному — много, другому — мало. Но и малой доли достаточно для жизни. Вот так Господь и просвещает разум Своих подвижников...”

”Наука не только не препятствует, а даже способствует духовному росту...”

”Пророк Давид говорит: ”Крепость моя и пение мое Господь”. ”Пою и воспою Господеви”. ”Пою Богу моему дондеже есмь”. Это пение не-

изглаголанно. Чтобы получить его, и идут в монастырь и — получают. Но один получает через пять лет, а другой — через сорок. Бог даст, и вы получите этот дар. По крайней мере, вы на пути к нему... В Священном Писании встречается слово "острова". "И острова будут уповать на Бога". Как острова могут уповать? Под "островами" разумеются монастыри. А означает весь текст то, что к пришествию антихриста разве только в монастыре сохранится вера..."

"В человеке три части: тело, душа и дух. Это видно и из слов Богоматери, сказанных Ею на приветствие прав. Елизаветы: "Величит душа моя Господа и возрадовася дух мой о Бозе, Спасе моем"..."

"Старец Макарий однажды сказал о. Анатолию, впоследствии тоже старцу, что в храм непременно надо ходить до начала службы. "Почему?" — "После скажу..." И через несколько лет сказал: "Потому что в это время Божия Матерь входит в храм..."

"Проникать во внутренний смысл событий своею силою мы не можем. Это дар свыше. Если вы будете идти этим путем, то есть вникать в смысл событий, при занятии молитвой Иисусовой, то и больше сих узрите, как сказал Господь Нафанаилу. Когда человек начинает видеть то, чего прежде не замечал, чего и другие не замечают, то это есть начало очищения ума..."

"Неизглаголаннные муки ждут грешников во аде. Точно так же и неизглаголанное блаженство ожидает праведников. Слова Апостола "еже ухо не слышит и око не виде" одинаково можно отнести как к блаженству, так и к мукам... Мы слишком отвлеченно думаем об адских муках, поэтому и забываем о них. В миру совсем не признают их. Дьявол всем

внушает, что ни дьявола, ни адских мук не существует. А свв. отцы учат, что обручение геенне, так же, как и блаженство, начинается на земле. Грешники еще здесь начинают испытывать адские муки, а праведники — блаженство. Только с той разницей, что в будущей жизни и то и другое будет несравненно сильнее. Адские муки, несомненно, существуют, и эти муки будут вещественны. Души праведников и грешников имеют даже одежду. Только будет не это грубое тело, а более тонкое, газообразное... Но все это будет до Страшного Суда. А после него что будет, того никто не знает, даже ангелы. Это — тайна... Все, о чем учит Св. Церковь — истина. И загробные муки существуют... Страшный Суд, по согласному мнению свв. отцов, будет в полночь. Внезапно найдет на "вся живущая на земле час тот..."

"Вход в рай, в вечное блаженство можно получить не нашими трудами и добрыми делами, а заслугами и искупительной жертвой Спасителя Христа, Бога нашего. Наши добрые дела, т. е. совершенные Евангельских заповедей, нужно только как доказательство нашей любви ко Господу. Без любви ко Господу невозможно блаженство и недоступен рай..."

"Долго я не понимал слов псалма: "Глас Господа, пресецающего пламень огня..." Я подумал так. На земле пламень огня имеет и жар и свет. Но между раем и адом огонь разделяется так: свет находится в раю и веселит праведников, а жар без света жжет грешников в аду. Ибо написано, что бездна адского пламени находится во тьме и грешники не видят друг друга... Господи, спаси и помилуй! Чем хочешь накажи, Господи, только помилуй там!..."

”Я, конечно, никому не говорю и не показываю вида, что ужас адских мук всегда стоит у меня в голове. Я им пользуюсь для своего смирения. А как это чувство ужаса смиряет!.. Современные ученые отвергают существование адских мук... Встанемте, помолимся, да избавит нас Господь от адских мук. Будем всегда благодарить Господа, что мы — здесь. Пусть вся наша жизнь будет благодарением за то, что Господь привел нас сюда. Правда, само место не спасает, но по крайней мере будем думать, что мы в лодке...”

”Новейшие изобретения, имеющие целью принести пользу, в конце концов оказываются более вредными, чем полезными... До страшных времен доживем мы, но благодать Божия покроет нас...”

”Теперь повсюду ненавидят христианство. Оно — ярмо для них, мешающее жить вольно, свободно творить грехи... Разлагается, тлеет, вырождается новейшее поколение. Хотят без Бога жить. Ну что же! Плоды такой жизни очевидны...”

”Весь мир находится под влиянием какой-то силы, которая овладевает умом, волей и всеми душевными силами человека. Это сила посторонняя, злая сила. Источник ее — дьявол, а люди злые являются только орудием, посредством которых он действует. Это — антихрист идет в мир. Это — его предтечи. Про это Апостол говорит: ”Послет им духа заблуждения, духа лстча... Зане любве истинны не прияща...” Что-то мрачное, ужасное грядет в мир... Человек остается как бы беззащитным. Настолько им овладевает эта злая сила, что он не сознает, что делает”.

”В Церкви у нас нет теперь живых источников — пророчеств, но знамения есть. Они и даны нам

для познания времен. Ясно видны они людям, имеющим духовный разум... Антихрист явно идет в мир. Но этого в мире не признают... Отсюда, из монастыря, виднее сети дьявола. Здесь раскроются глаза, а там, в миру, ничего не понимают... Возблагодарите Создателя, что мы отошли от мира..."

"Примечательно, что неверующие люди, материалисты, далее видимой материи не идут, отвергая существование ангелов, бесов, даже Самого Бога. Но когда говорят им о вечных муках, они никак не хотят допустить здесь что-либо вещественное, чувственное. Это противоречие замечали в них многие великие люди..."

"Знаете, на местах, где теперь стоят храмы, монастыри и вообще святыни, прежде стояли идольские капища, идола. Нередко читал я в житиях святых: "Идеже бе капище, создав храм..." Значит, так угодно было Богу для посрамления гордыни дьявола... А в последние времена храмы будут разрушены, а на их местах будут устроены идольские капища и проч. Монастыри будут в великом гонении и притеснении. Истинные христиане будут ютиться в маленьких церковках... Не дай, Господи, дожить до этого времени! А вы доживете... Будете в монастыре, которые вообще будут в гонении, а потому и в лишении. Я уже буду лежать в земле сырой... И придет моя деточка на мою могилку и скажет мне: "Милый батюшка Варсонофий! Помоги мне, помолись за меня! Мне очень тяжело..." Так, моя деточка, так..."

"В Апокалипсисе сказано: "Блажен читающий словеса книги сея". Если это написано, значит, это действительно так, ибо слова Священного Писания — слова Духа Святого. Но в чем заклю-

чается это блаженство? Тем более, что мы ничего не понимаем в написанном, могут возразить на это. Может быть, утешение от чтения Божественных слов. Можно думать и так: то, что теперь для нас непонятно, будет понятно тогда, когда настанет описываемое время. Вот и посудите. Кто теперь читает Апокалипсис? Почти исключительно — в монастырях да в духовных академиях и семинариях, по необходимости. А в миру — редко кто читает. Отсюда ясно, что тот, кто будет читать Апокалипсис пред концом мира, будет поистине блажен, ибо будет понимать то, что совершается. А понимая, будет готовить себя. Читая, он будет видеть в событиях, описанных в Апокалипсисе, те или другие современные ему события...”

Старец взял Библию, раскрыл 3-ю Книгу Ездры и, указывая место, отмеченное синим карандашом, сказал: “Читайте”. — “Ибо век потерял свою юность и времена приближаются к старости, так как век разделен на двенадцать частей и девять частей его и половина десятой части...” (Гл. 14, 10-12). “Вообще, это — книга таинственная. Многие делали вычисления, и у всех конец падает на наше время, то есть XX столетие. И действительно, много есть признаков. Мы-то уж уйдем, а вы будете участником и современником всех этих ужасов. До ужасных времен доживете вы...”

“К чему ни прикоснешь из постановлений Церкви, везде — глубина. Вот, например, почему Троицкой седмице присвоен 7-й глас? Потому, что число 7 — число священное и имеет великое значение. В 7-й день почил Господь от творения мира. 7 таинств, 7 даров Духа Святого. И многое другое. Затем, после Троицкой идет неделя “всех святых”, и ей

присвоен 8-й глас. Почему? Потому что 8 — есть число, обозначающее бесконечность, иными словами — будущий век. А святые, отойдя от сего мира, ожидают будущего века, паки бытия. Они, достигнув святости на земле, уже не могут изменить Богу, не могут поколебаться в своей любви к Нему, они вечно совершенствуются в любви...”

”Гонения и мучения первых христиан, возможно, повторятся. Теперь все это возможно... Ад разрушен, но не уничтожен, и придет время, когда он даст о себе знать. Все монастыри будут разрушены, и имеющие власть христиане будут свергнуты... Это время — не за горами. Помните это мое слово. Вы доживете до этих времен. Тогда вы скажете: ”Да, помню, все это говорил мне батюшка Варсонофий... Сколько этому уже прошло лет!.. Придет время, когда Оптиной будет тяжело. Быть может, это и к лучшему...”

”43-е поучение преп. Феодора Студита в неделю Православия, хотя и написано полторы тысячи лет назад, но его можно вполне отнести к нашему времени. И если угодно будет Господу, пройдет еще тысяча лет и его будут читать и не утратит оно своей силы...”

”Пожалуй, вы доживете до тех времен, когда опять будут мучить христиан. — ”Да и сейчас ведь мучают, только не столь грубо”. — ”Нет, я не про такие мучения говорю. Я говорю про мучения, подобные древним...”

”Религиозность передается наследственно. От Каина идет потомство нечестивое, а от Авеля — верующих в Бога. Подобно тому, как по плоти передается наследственность, так же идет наследственность и в духовном отношении...”

”Страшные вещи рассказывали мне сейчас про одного монаха... Что будет тогда, когда Оптиная пустынь наполнится такими людьми? Я, конечно, не доживу, а вам придется бороться... Много придется вам пролить пота, крови и слез... Конечно, Господь не попустит, Оптина будет стоять...”

”Заметьте: в 1921 году исполнится 100 лет со дня основания Скита...”

”5-й том епископа Игнатия заключает в себе учение свв. отцов применительно к современному монашеству и научает, как должно читать писания святоотеческие. Очень глубоко смотрел епископ Игнатий в этом отношении, пожалуй, глубже, чем епископ Феофан (Затворник). Слово его властно действует на душу, ибо исходит из опыта... Это был великий ум!.. Вы знаете, что было, когда хоронили епископа Игнатия? Ангелы доринесли его душу и пели: ”Архиерее Божий, святителю отче Игнатие!” Вот была Ангельская песнь!..”

О старцах

”У старца Амвросия не было особенно приближенных учеников, кроме о. Анатолия, который, если можно так сказать, был действительно его сотаинником. Врагов у старца Амвросия не было. Он всех любил, даже тех, которые его не любили. Таких он даже больше любил, чем остальных. А такие были. И сейчас есть в монастыре монахи, которые слышать не могут о старце Амвросии. Воистину: ”несть пророк без чести, токмо во отечестве своем”. Преп. Серафима Саровского почитала вся Россия, а в монастыре его ненавидели...”

Да... "Несть пророк без чести, токмо во отечестве своем"..."

"Старец о. Лев по клеветам недоброжелателей подвергался гонению. И даже Калужский епископ Николай, увидев его, окруженного толпою народа, с упреком сказал ему: "Что ты делаешь?" — "Пою Богу моему, дондеже есмь". Преосвященный уразумел всю глубину этого ответа. Да, старец Лев пел Богу всем строем своей жизни..."

"Старец Амвросий говорил, что смущение нигде в числе добродетелей не упоминается и происходит оно от того, что причина, от которой рождается смущение, ложная..."

"В отношениях ученика к старцу главное — вера ученика. Если спрашивают старца с верою, то Господь по вере спрашивающего и открывает ученику Свою волю".

"Враг ненавидит, когда один относится к другому с искренним чувством и любовью о Христе. Он всегда старается посеять вражду и разъединение, как ненавистник добра. Вот я и говорю, что враг не оставит этих наших отношений, искренних и простых, как отца к сыну. Ведь он нередко разъединял и святых. Но я говорю, что если между нами будет сохраняться откровенность, простота и искренность, то он ничего не сможет сделать, ибо нашей друг к другу откровенностью будет разрушаться вся его злоба".

"Да... Вот теперь мне становится понятным, как прежде жили старец с учеником своим. Единодушно. Как старец говорил с учеником, так и я, вот только с вами и поговорю..."

О скорбях и искушениях

”Всякому человеку нужно претерпеть время искушений и борьбы. Тяжелое, болезненное состояние... Про эти муки говорится и в псалме: ”Объяша мя болезни, яко рождающую...” Всякий человек, рождаясь духовно в новую жизнь, испытывает болезнь, пока еще не вышел на широту. Тому, кто не испытал этих ”болезней рождающей” в миру, придется испытать их в монастыре. И вам это предстоит... Эти ”болезни” заключаются в борьбе со страстями. Страсти будут восставать на вас. Враг вас не оставит. Здесь нужно терпение. Нужно терпеть самого себя и не слагать оружия, зная, что это неизбежно...”

”Непрестанные скорби, посылаемые Богом человеку, есть признак особого Божия промысла о нас. Цель скорби различна. Они посылаются или для пресечения зла, или для вразумления, или для большей славы в будущей жизни, или же в наказание за прежде содеянные грехи. Все несут свой крест. И вы несете свой крестик. Хотя и одним пальчиком, а все-таки несете. Несенье креста необходимо для спасения каждому христианину, не только монаху... Да. Все несли крест и несут. Даже вочеловечившийся Бог нес крест, и его Крест был самый тяжелый, потому что содержал в себе все кресты. А человек помогает (Симон Киринейнин) тем, что берет от Него крест и сам несет его. И мы, неся свои кресты, помогаем Господу в несении креста, готовимся быть Его слугами на небе-

сах, в лице бесплотных духов. Какое высокое назначение!..”

”Не надейтесь на князи, на сыны человеческие, в нихже несть спасения”. Любил я читать Священное Писание и творения свв. отцов. В особенности Псалтирь. И какие глубины открывались мне!.. Всегда надейтесь только на Бога, но никогда на человека. Тогда всякое зло будет отпадать от вас, как отрубленная ветка...”

”Чем внимательнее, чем строже живешь по отношению к себе, тем сильнее восстает враг. В особенности к празднику старается угостить. Всего надо ожидать, ко всему быть готовым... Но Господь милостив. Да к праздникам и подарки дают... И вы что-нибудь получите... Только вы это заметите через лет сорок, может быть. Тогда вы узнаете, какой дар послал вам Господь в этот праздник”.

”Когда вы находитесь в хорошем, благодушном настроении, ждите бури. Так почти всегда бывает... ”Всякому доброму делу или предшествует или последует искушение”.

”При наплыве скорбей надо говорить себе: ”Наверно, я достоин всех этих скорбей. Значит, все они нужны, чтобы очистить меня от страстей, а наипаче от гордыни...” Мало перенести оскорбление, надо позаботиться и о том, чтобы не озлобиться на нанесшего оскорбление”.

”Скорби всегда будут. Но внутреннее состояние человека будет другое... Хотя скорби и будут, но достигший внутренней молитвы будет легко их переносить, ибо с ним будет Христос. Он будет наполнять неизреченною радостью сердце подвижника, и эту радость о Господе не сможет преодолеть никакая скорбь”.

”Когда беспокоят помыслы страха о предстоящих скорбях, то не надо входить в разговор с ними, а просто говорить: ”Да будет воля Божия!” Это очень успокаивает...”

”Я говорю на утрени мое убогое слово потому, чтобы не понести ответа на Страшном Суде за молчание...”

”Я вам, брат Николай, не раз уже говорил и еще скажу: приходит мне мысль все бросить, уйти в какую-нибудь келию. Страшно становится жить, брат Николай, страшно!.. Только боюсь сам уйти, а посоветоваться не с кем. Я начинаю понимать слова пророка Давида: ”Спаси мя, Господи!” Если взять только эту часть фразы, то само собой разумеется, что никто не хочет погибели. Все и всегда скажут: ”Спаси мя, Господи!” Но он прибавляет далее: ”Яко оскуде преподобный”. Не к кому обратиться, Господи, спаси мя! Только теперь мне становится понятным, почему свв. отцы бежали в пустыню. Именно — бежали... Хотелось бы и мне убежать в пустыню. Но одному бежать нельзя, а одному с Богом — можно. Вот епископ Феофан, Вышенский Затворник, неоднократно пытался бросить все и удалиться в затвор, но не было на то воли Божией. Прямо как бы в ответ на свое намерение он был перемещен на Епископскую кафедру во Владимир. И только несколько лет спустя удалился в свою любимую Вышу. Да... Когда же мы с вами, брат Николай, будем на ”Выше”? Рано ли, поздно ли — а надо!.. Да... Так, мой друг. А все-таки не покидает меня мысль о ”милом уединении”. Но в настоящее время для меня это крайне затруднительно... Боюсь... ”Зачем ушел с часов?” — скажет Господь. Надо терпеть. Быть может, те ду-

ши, которым Господь определил спастись через меня, не спасутся, если я уйду с поста...”

”Я замечал в своей жизни, что недоуменные вопросы и обстоятельства непонятные сами собой разъяснялись, иногда вскоре, а иногда — через несколько лет. В таких случаях я не останавливался особенно на разъяснении их, веруя, что впоследствии все будет понятно. И Господь, действительно, посылал в свое время разрешение недоумений...”

”Будьте всегда ”деточкой”. Но только по злобе, а не по уму. По уму будьте муж совершенный... Стойте твердо, не сворачивайте. Вы — на прямом пути... Вы, оставив мир с его суетой, не зарыли свой талант в землю. Это я говорю вам, чтобы укрепить вас... Уподобляются зарывающим талант те, которые отказываются от того места, на которое их поставляют, согласно воле Божией. Преп. Серафим Саровский отказался от настоятельства. А что из-за этого он перенес! Какие великие скорби и искушения! Едва не впал в отчаяние... Потребовалось ему подъять на себя великий подвиг — трехлетнее стояние на камне, чтобы побороть эти искушения. Вот что значит отказаться. О. Архимандрит мне говорит: ”А перенесете ли вы то, что может быть с вами, если откажетесь?” Вот я и стою...”

”Иногда приходят помыслы, что монашеская жизнь безотраднa. Однообразно идут день за днем. Впереди ожидать нечего...” — Ответ старца: ”Это — один из самых ядовитых помыслов. Монах все время должен быть как в муках рождения, пока не придет в меру ”возраста совершенства”. А пока жив наш ветхий человек, он и дает о себе знать всякими страстями, тоской, унынием... И что те-

перь для такого человека отяготительно, впоследствии будет для него великим утешением. Тогда все уже в нем будет исполнено света и радования о Господе. Тогда применимы будут слова псаломские: "Возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем". Когда вас будет беспокоить этот помысел, говорите себе: "Не уязвися, что будет". Господь поможет мне идти этим путем. Не думаю, что достигну верхних степеней совершенства, но надеюсь спастись здесь".

"Укрепление в духе состоит в самоотвержении. В самоотвержении ради Господа Иисуса Христа. В отвержении всего, что бы то ни было. Во вменении всего, яко уметы, ради Господа. Это очень сложная психика духовной жизни... Для преуспевания в духовной жизни, в частности, в молитве Иисусовой, необходимо терпеть разного рода скорби, оскорбления и унижения и, в особенности, напраслины. Я хотел бы закалить вас в виду ожидающих вас впереди скорбей и искушений от демонов, от человеков и от соблазнов мира, которые вы должны будете перенести, пока не выйдете на простор христианской любви и освобождения от страстей..."

"Надо подражать деятельности того святого, имя которого носите... Святитель Николай отличался высокой ревностью в вере православной и любовью ко Господу Богу и людям..."

"Исповедь — одно, а откровение помыслов — другое. Свв. отцы говорят: когда не к кому обратиться, то избери себе единокровного брата и ему открывай свои помыслы. Помыслы можно открывать даже человеку, не имеющему священного сана..."

’Ум есть сила самодвижная, но от нас зависит, какое направление ему дать. Подобно тому, как жернов вертится и от человека зависит, что подсыпать — рожь, пшеницу или каких-либо ядовитых семян. Так и ум...”

+

Старец Варсонофий до поступления своего в Скит иногда писал стихотворения на духовно-нравственные темы. Однажды, когда он разбирал и просматривал только что полученные из печати свои стихотворения, Николай попросил для себя несколько стихотворений. Они были изданы Оптиной пустынью и напечатаны отдельными листками. Старец, со словами: ”Вот вам” — дал ему четыре листка с разными стихотворениями и 28 листков со стихотворениями о молитве Иисусовой: ”Батюшка, зачем так много?” — сказал Николай. На это старец, помолчав, ответил: ”Я хочу, чтобы вы шли этим путем...”

Николай еще раньше читал не раз это стихотворение, и оно ему нравилось больше, чем другие. Оно сразу остановило его внимание глубоким содержанием и искренностью. Видно было, что старец писал его не для красоты слога и рифмы, а все написанное было выражением пережитых ощущений, высоких и святых. Вот это стихотворение:

Молитва Иисусова

Ее начало — тесный путь.
Душе тревожной негде отдохнуть.
Болезни и труды, великие страдания,
Смущенный вихрь, презренье, порицанье

Подвижника встречают. Видит он,
Как скорби восстают со всех сторон.
И он стоит, исполненный сомнений,
Тревожных, тяжких дум, недоумений,
Томлением объятый и тоской.
Неведомы ему ни радость, ни покой.
И помощи не ждет он ниоткуда,
Как только от Спасителя Христа.
А злобные враги кричат ему отвсюду:
– УА! Да снидет со креста...”
Мой друг о Господе! Дерзай!
Не прекращай великой, тяжелой битвы,
И поле бранное отнюдь не покидай, –
Не оставляй Божественной молитвы!
Пребуди в подвиге до смерти, до конца.
Победа ждет тебя, духовного борца.
Души твоей да не смятутся кости,
Да не колеблются ея твердыни и столпы,
Когда приступят к ней злокозненные гости, –
Бесовских помыслов несметные толпы.
Всемощным именем Господним их рази.
Гонимы Им, рассеются врази!

Покрывшись мудрости исполненным смиреньем,
Сей ризою нетленной Божества,
Невидимым врагам душевного спасенья
Не доставляй победы торжества.
Безропотно терпи обиды и гоненья.
Не оставляй прискорбного пути, –
Духовных благ священного залога.
Живи для вечности, для Бога,
Единой истинной и вечной Красоты.
Всю жизнь Ему всецело посвяти,
Откинув ложные надежды и мечты,
Мужайся в подвиге суровом
И – узришь жизнь во свете новом.

И час пробьет, настанет время —
Духовная твоя утихнет брань,
Страстям невольная, мучительная дань.
И с радостью поднимешь бремя
Напастей, бед, гонений и скорбей.
В душе твоей, свободной от страстей,
Исчезнут тяжкие сомненья и тревоги,
И свет духовный воссияет в ней,
Наследнице Небесного Чертога.
Мир чудный водворится — рай,
И с Господом ея свершится единенье.
Исчезнет без следа твоя печаль.
И ты увидишь, полный изумленья,
Иной страны сияющую даль...

Когда старец начинал говорить о молитве Иисусовой, Николай с воодушевлением слушал его. Слова старца: "Я хочу, чтобы вы шли этим путем" — он принял как завет. Вначале старец заповедал ему совершать молитву Иисусову во всякое время, когда есть возможность к тому, а во время церковной службы внимать чтению и пению, молитву же творить только тогда, когда не слышно, что читают, или во время пауз. Впоследствии, видя усердие и ревность Николая, он благословил, по просьбе его, творить молитву и во время богослужений.

Николай писал в своем дневнике неоднократно о благотворном действии молитвы Иисусовой при нашествии неподобающих помыслов, вражеских наветов и страхований. Церковные же службы с тех пор, как он начал творить эту молитву, уже не отягощали его, как прежде, и не было того ужасающего рассеяния мыслей и невнимательности, которые его так огорчали. Старец давал ему читать книги, в которых излагалось учение об Иисусовой

молитве. Иногда Николай читал ему вслух, причем старец пояснял ему не совсем понятные места. Так, под руководством старца, Николаем была прочитана редкая книга неизвестного автора "Откровенные рассказы странника духовному своему отцу", а также не менее редкая книга "На горах Кавказа", впоследствии запрещенная Св. Синодом.

Старец Варсонофий был прост в обращении с людьми. И не только к полюбившемуся ему Николаю, но и к келейникам своим и ко всей братии он относился с детской простотой. Эта простота, искренняя, сердечная, преисполненная нежной и чистой любви, нисколько не была оскорбительной. Она была плодом высокой духовной культуры. Эту простоту некоторые, недоброжелательно относящиеся к старцу, ставили ему в укор, говоря, что он таким простым обращением с людьми подрывает свой авторитет как начальствующего лица. Но старец поступал так, как делали и учили его старцы оптинские. По поводу этого он однажды сказал Николаю:

"В древнее время отличительной чертой в обращении аввы (отца с греческого) с учениками была простота. Авва был действительно отцом, а не господином или начальником, к которому нельзя подойти. Эта же простота была и в нашем Скиту, при наших старцах. Потом, после смерти старцев Амвросия и Анатолия, она начала исчезать. Теперь мне даже говорят, что я слишком просто обращаюсь с братией. А я иначе не могу. Если же некоторые злоупотребляют моей простотой, то не могу же я из-за некоторых встать в холодные, официальные отношения со всеми... Вот сегодня

я получил выговор за то, что слишком просто обращаюсь. Такой же выговор был сделан одному святому отцу, а он ответил на это: "Ты хочешь, чтобы я бросил эту простоту? Я добивался ее тридцать лет, а ты хочешь, чтобы я бросил ее в один день..."

С особенной любовью относился старец к скитскому иеромонаху о. Кукше. Да и нельзя было его не любить. Его все любили, и со всеми он был мирен. Любили его за кротость, детскую простоту, строгость к себе и нежность к другим. Любил старец и келейников своих: старшего, о. Никиту, незаменимого своего помощника в хозяйственных делах, брата Никиту, брата Кирилла и брата Николая. Но больше всех любил он и ценил брата Николая, ему одному поверял вся сокровенная своей души. Нередко называл он его своим "соотайником", своим "будущим преемником", "деточкой" и другими нежными ласковыми словами.

Старец был одинок духовно. Но он не хотел унести с собой в могилу то богатство духовное, которым наградил его Господь. Николая он избрал своим наследником. "Вас сам Господь послал сюда... Как будто бы вы — для Оптиной и Оптина для вас..." — сказал он однажды.

Старец Варсонофий любил и понимал природу, видя в ней отражение высшей Красоты. Когда он был в силах, излюбленным местом его прогулок была "Железинка", одно из самых живописных мест в Оптинском лесу. В неглубокой лощине, среди изумрудно-зеленых лужаек, пестреющих цветами, тихо струилась по желтому песочку лесная речка Железинка. А кругом задумчиво стоял величавый бор. С Николаем на Железинку он уже не

мог ходить — ему было трудно подниматься в гору на обратном пути. Но в прогулках по Скиту Николай был его неизменным спутником. Иногда ходили они по лесу, — преимущественно в северо-западном направлении от Скита, по дороге к селу Прыски.

Однажды старец, собираясь выходить из келии, снял с себя бархатную скуфью и, вдруг надев ее на голову Николая, улыбаясь, воскликнул: ”Матушки! Какой же вы хорошенький!..” В другой раз, когда Николай сказал, что замечает в себе рассеянность и нерадение, старец прижал его голову к своей груди и, положив на нее руку, покрыл его полу-мантией своей и, осеняя крестным знамением, прочитал псалом: ”Живый в помощи Вышнего”, заповедав всегда его читать в затруднительных случаях жизни.

Видя такую любовь к себе старца, Николай все более и более преисполнялся чувством благоговейного почитания и сыновьей любви к своему наставнику. Он никогда не злоупотреблял его доверием и любовью, хотя и сознавал, что живет слабо, что ленится иногда исполнять наставления старца, что совсем не похож на монаха по своей жизни. Такое смиренное о себе мнение надо всецело отнести к чести Николая, ибо послушание его было так велико, что заполняло весь его день и, в частности, по этой причине он не в состоянии был исполнять свое келейное правило.

В то же время его огорчало то, что здесь, в благословенном скиту, редко можно было среди монахов услышать разговор о Боге, вечности и предметах, относящихся к совершенствованию духовному. Это невольно пробуждало в нем помыс-

лы, осуждающие и порицающие. После одной из бесед на эту тему старец встал, обнял голову Николая руками и сказал: "Главнее всего и прежде всего — смиряйтесь! смиряйтесь!.."

Когда же он спросил старца, почему современное монашество так резко отличается от монахов древних времен, старец ему ответил, что "слабый мир дает и монахов слабых". И в подтверждение своих слов привел ответ преп. Серафима Саровского, которому некогда задали подобный же вопрос. Преп. Серафим говорил, что в последние времена, перед пришествием антихриста, монахи будут жить так, как теперь живут мирские люди, а мирские люди будут жить, как скоты...

...Никто в скиту, а тем более в монастыре не имел такого исключительно благоприятного положения, как Николай. Он и сам хорошо сознавал преимущество своего положения и, укоряя себя в неисправностях, говорил: "Мне много дано, но много и взыщется..." Да и старец сказал ему однажды: "Ваше положение исключительно счастливое. Вы все время находитесь при старце, всегда имея возможность сказать, что нужно, чего я в свое время не имел, в особенности после смерти старца Анатолия. Возможно, что и вам придется испытать подобное..."

Из наставлений старца и святоотеческих книг он вскоре понял, что монашество есть непрерывная борьба с миром, плотью и дьяволом. Понял и твердо усвоил мысль, что он должен готовиться к предстоящим борьбе и скорбям, что благодушное его состояние, в конце концов, по закону духовной жизни, должно смениться тяжелой борьбой и что ему должно заранее запастись терпением, что-

бы впоследствии не впасть в расслабление и уныние под бременем искушений.

6

”Христу убо пострадавши за ны плотию, и вы в ту же мысль вооружитесь, зане пострадавый плотию преста от греха...”

Когда Николай поступил в Скит, старцу Варсонофию было около 64 лет. Старец часто болел. Силы его заметно убывали. Неоднократно слышал от него Николай жалобы на усиливающуюся слабость. Иногда он так ослабевал, что по несколько дней не выходил из келии.

”Слабеть я начал... Слабость... Чувствую, что недолго мне осталось жить. Одного прошу у Бога, чтобы встали вы на ноги, окрепли. Вам надо будет идти на военную службу. Ничего! Пойдете, отслужите, еще больше узнаете, какая на этом чудище — мире — шкура. Иногда она красива, переливается разными цветами. Люди бегут, увидя его кажущуюся красоту, а зверь-мир раскрывает свою пасть и пожирает их. А вы не обманывайтесь этими красивыми переливами. Знайте, что это — только шкура. И опять возвратитесь сюда...”

”Хотелось бы мне протянуть еще свою жизнь, чтобы укрепились вы не только в духовном отношении, но и во внешнем, то есть — дать вам рясофор и этим утвердить... Желал бы я вас видеть в рясофоре и в мантии, но не знаю, буду ли я жив? Когда вы получите мантию, к вам будет приложе-

на царская печать... Тогда уж от вас будет зависеть — сохранить ее или сломать... Постарайтесь еще при моей жизни утвердиться здесь. Что будет после меня — неизвестно...”

С 1909 года он начал все чаще говорить о приближающейся смерти. У него начали отекать ноги. ”Это — предвестники более или менее близкого конца. Слабеть я начал... Иногда едва сижу. А туда с чем идти?.. Хотелось бы мне еще пожить. Страшно умирать. Боюсь, что придется мне отвечать за чад моих духовных. Я все думаю, что мало для них делаю, мало забочусь о них... Пока я живу, пока я на этом месте — вы будете ровно жить. Через 10 лет вы, конечно, встали бы на ноги, но я не надеюсь, что проживу столько. А после меня вам придется потерпеть. Вы будете предоставлены самому себе. Вы будете в моем положении, когда так же, как и на меня когда-то, после смерти старца Анатолия, на вас все обрушится... Поэтому теперь заранее запасайтесь терпением... Но вы не поколеблетесь!.. Да... А мне все что-то думается, что я скоро умру. И когда я буду уже лежать в земле сырой, придете вы на мою могилку, помолитесь о душе моей и скажете: ”Да, вот батюшка действительно любил меня!..” При этих словах старец погладил Николая по голове, прижал к себе и поцеловал.

Как-то в апреле 1909 года, когда старец с Николаем занимались делами, пришел привратник о. Алексей и подал старцу сверток, переданный ему одной монахиней. В свертке оказалась схимническая одежда. Когда о. Алексей ушел, старец сказал: ”У меня было желание перед смертью принять схиму. Кроме о. Архимандрита, я никому об этом не говорил, и вот — получаю одеяние схим-

ника. Я смотрю на это, как на предзнаменование своей скорой смерти... В настоящее время это мое желание неисполнимо, вследствие моего положения. Но надеюсь, что, может быть, исполнит Господь мое желание, а быть может, так и придется умереть на часах..."

В июле 1909 г. старец Варсонофий с о. Архимандритом уехал в Троице-Сергиеву Лавру на монашеский съезд, по созыву архиепископа Никона. Николай, расставшийся со старцем впервые, остро почувствовал всю тяжесть их разлуки.

На съезде старец пробыл около трех недель. Когда Николай вошел в хорошо знакомую и дорогую ему келию, по обыкновению последним после общего благословения братии, старец, в изнеможении сев на диван, посадил его рядом с собой, прижал к своей груди и начал говорить ему... Все, что он сказал Николаю, было преисполнено самой нежной любви и осталось тайной для всех, ибо Николай даже дневнику своему не доверил этих слов...

К концу 1909 г. старец все реже и реже выходил из келии ко всенощному бдению и утрени, даже в такие большие праздники, как монастырский главный храмовый праздник Введения во храм Пресвятыя Богородицы, Рождество Христово, Крещение Господне и другие. В таких случаях службу правили в келии старца в присутствии о. Кукши, келейников и Николая. Старец произносил возгласы, а остальные читали и пели. Старец слабел...

Николай даже представить себе не мог, как будет идти жизнь его без старца. Чувствовал только, что смерть старца будет для него тяжелой и невозградимой утратой. Не один раз хотел он поговорить со старцем на эту тему, разрешить некоторые воп-

росы, беспокоящие его. Он боялся, что скорбь при утрате старца будет столь велика, что он не выдержит ее тяжести. Однажды он все-таки решился спросить: В случае его смерти, к кому перейти под руководство и какого порядка держаться в выборе книг для чтения? Старец, помолчав, ответил: "Пока я жив, будем жить вместе, а когда я умру, я передам вас Самому Господу под руководство... На Бога оставляю вас, как древние старцы своим ученикам говорили... Что же касается чтения, здесь ничего определенного быть не может. Общее правило такое: сначала надо прочесть книги, учащие о деятельной жизни, а потом уже о созерцательной. Вас Сам Господь будет учить..."

В апреле 1910 г. Николай был пострижен в рясофор. Обычно в рясофор послушников постригали после трехлетнего испытания и официально, в силу указа от Консистории, включали в штат монастыря. Николай поступил в Скит в декабре 1907 г., и пострига он мог ожидать в конце 1910 г. Однажды, на шестой неделе Великого поста, когда он пришел в "рухольную" за сапогами, старший рухольный, о. Макарий, сказал ему: "Отец Архимандрит желает утешить вас к празднику. Примерьте-ка вот..." И подал ему рясу и клобук. Для Николая это известие было нечаянной радостью. Когда он рассказал об этом старцу, тот ответил: "Да. Получен указ от 3 апреля. Отныне вы — рясофорный".

Пострижение в рясофор Николая вместе с другими послушниками монастыря и скита происходило 16 апреля, в Великую Пятницу на Страстной неделе, в храме преп. Марии Египетской, где обычно совершались постриги. После пострига о. Архи-

мандрит произнес новопостриженным инокам краткое слово о смирении и послушании, вручая их старцам. Затем все новопостриженные, предварительно испросив благословения и св. молитв у надгробий почивших старцев, пошли в Скит за благословением, сначала к начальнику скита, старцу Варсонофию, а затем к старцу о. Иосифу. Старец Варсонофий, обращаясь к ним, между прочим, сказал:

”На вас действует теперь особая благодать. Теперь для вас начинается новая жизнь. И какое даст себе направление монах в первое время по пострижении в рясофор, то и останется у него до гроба. Вы получили рясофор. Это не есть какое-нибудь повышение по службе, как в миру. Нет. На монашеском знамени написаны слова: ”Кто хочет быть бóльшим, да будет всем слуга”. Смиряться и смиряться. Теперь вас больше будет утешать благодать Божия, но и враг будет сильнее озлоблять. Поэтому предупреждаю вас: будьте готовы к скорбям и искушениям...”

Спустя некоторое время после пострига старец Варсонофий сказал Николаю: ”Вы, может быть, заметили, что я стал к вам строже. Время пострижения в рясофор имеет большое значение для монаха...

Вы постригались в рясофор 16 апреля, в день памяти свв. мучениц Ирины, Хионии и Агапии. Что значат эти имена? Агапия — любовь. Ирина — мир, Хиония — снежная. Значит, вы должны, по слову Апостола, иметь мир и святыню со всеми. Кроме сих добродетелей, мира и любви, должно очиститься от страстей, то есть убелиться. Хиония — снежная. Вам надо очистить свою душу, чтобы она была белоснежная, как сказано в псалме ”паче

снега уберлюся”. Дальше сказано: ”Слуху моему даси радость и веселие”. Эти радость и веселие есть предвкушение блаженства, по мере очищения. А потом уже: ”возрадуются кости смиренные”. Здесь, в псалме — тонкая последовательность.

В июле 1910 г. старец внезапно, во время все-нощного бдения, почувствовал себя так плохо, что вышел из храма и, придя в келию, сразу же лег в постель. На другое утро он настолько был слаб, что не мог даже приподняться в постели без помощи келейников и Николая, который не отходил от него всю ночь. Узнав о болезни старца, пришел о. Архимандрит, монастырский духовник о. Феодосий и фельдшер о. Пантелеймон. Состояние старца было тяжелое. Вечером этого же дня, 11 июля, о. Феодосий совершил над старцем постриг в схиму, а воспреемным его отцом от Евангелия был о. Нектарий, скитский иеромонах. Когда готовились к постригу, старец подозвал к себе Николая и сказал: ”Должно быть, придется нам с вами расстаться. Что я не dokonчил, пусть совершит благодать Божия...”

Слезы подступили у Николая к горлу. Не верилось, что старец может умереть. Начался постриг. Когда на старца надели схиму, Николай взглянул на него и опять с трудом сдержал подступившие слезы. После пострига, когда все вышли, старец сказал ему: ”Теперь для меня должна начаться другая жизнь...”

На другое утро старец почувствовал себя немного лучше, а еще через день он уже был в силах принять о. Иосифа, пришедшего навестить болящего. Старец поправлялся.

Через несколько дней после пострига он говорил Николаю: "Схима — это край. Или смерть или выздоровление. Я вижу, что схима меня подняла. Мне надлежало умереть, а теперь дана отсрочка... Я чувствую, что во мне началась новая жизнь, а в чем она будет заключаться, я и сам хорошо не знаю... Чувствую усиление бурь. Я не думал, что получу успокоение, но и не ожидал, что бури усилятся. Начались страхи за будущее..."

+

Еще до призыва в армию, в 1909 году, Николай во время поездки в Москву простудился. Начало болеть горло, которое у него с детства было не особенно здоровым. По этой причине он не мог долго петь, горло быстро уставало. Почти одновременно с болезнью горла он начал чувствовать боли в левой ноге с расширенными венами. Боли и слабость в ногах усиливались во время длительного стояния на молитве. Ему пришлось обратиться за помощью в больницу. Фельдшер о. Пантелеймон посоветовал ему бинтовать больную ногу, но это, в сущности, мало облегчало болезнь. К концу 1909 г. боли и слабость в ногах были настолько сильны, что он с трудом выстаивал церковные богослужения, вынужденный садиться даже тогда, когда это не положено по уставу. С 1910 г. к болезни ног присоединилась общая слабость во всем теле и быстрая утомляемость. Он начал "побеждаться сном". Появились боли в груди, особенно чув-

ствительные во время смеха. Можно предположить, что причиной болезни, отчасти, был непривычный для него устав скитской жизни: пост, бдение, продолжительные стояния.

Усталым до крайности приходил он вечером в свою келию. Когда он поведал о своих телесных немощах старцу, в частности о болезни ног, из-за которой он с трудом выстаивал церковные службы, тот сказал, что "болезнь ног Господь послал по любви Своей к вам... Господь ведает, что творит, и каждому человеку, вступившему на путь благоугождения Ему, посылает то, что полезно этому человеку для успешного шествия по спасительному пути".

К концу 1910 г. Николай особенно плохо чувствовал себя физически. Он не видел своего лица. У него не было ни времени, ни желания рассматривать себя. А старец видел. Ясно видел резкую перемену в лице Николая. Однажды, летом 1910 г., он вдруг, без всякой связи с предыдущим разговором, посмотрев на Николая, сказал: "Как бы вам не помереть". Через несколько дней, пристально глядя на него, старец опять сказал: "Не вздумайте вы помереть... Когда я умру, тогда и вы... Хоть на другой день..." — "Батюшка, разве вы что-нибудь во мне замечаете?" — спросил Николай. — "Я замечаю... Я замечаю. После скажу".

Спустя некоторое время старец сказал снова: "Как бы мне вас не пережить. Что я буду делать?..." — "Батюшка, вы мне уже третий раз говорите это. Какая тому причина?" — На это старец ничего не ответил.

Напоминание о смерти из уст старца удивило и испугало Николая. Удивило потому, что он не по-

дозревал о том, какая резкая перемена произошла в его внешнем облике. Николай долго размышлял над загадочными словами старца и не мог понять их. Только одно понял, что старец имел в виду смерть телесную. Это побудило его чаще думать о переходе в вечную жизнь. Он не чувствовал в себе готовности к этому переходу, отчетливо видел свои недостатки в духовном отношении, что возбуждало в нем еще большее стремление к исправлению их.

Есть основание предположить, что уже тогда, в юношеские годы, в возрасте 20-24 лет, у Николая шел туберкулезный процесс в закрытой форме. Но он не знал об этом. Возможно, что никто не знал, кроме старца, зорко следившего за своим "будущим преемником".

Нет сомнения, что Господь, по святым молитвам старца, видевшего в Николае единственную утеху и радость на склоне лет своих, помог Николаю преодолеть болезнь. Он не умер. Он остался жить для прославления имени Божия на земле, среди человеков.

Болезнь свою Николай переносил мужественно, терпеливо и стойко. Не унывал и не ослабевал духовно. Он по-прежнему благодушествовал. Такому отрадному состоянию души много способствовали природная жизнерадостность его и вера в слова старца, что "Господь послал ему болезнь по любви Своей к нему". А возможно, причиной такого благодушия было отчасти и то, что он не имел представления о серьезности своей болезни...

*„Мнози бо суть звани,
мало же избранных!“*

Несравненно большую скорбь причинял Николаю его родной брат Иванушка.

Они вместе поступили в Скит Оптиной пустыни. Вместе поступили и под руководство старца Варсонофия с единой целью — проводить богоугодную, иноческую жизнь. В первое время они и жили вместе — келии их были рядом. Но по неисповедимым судьбам Божиим пути их вскоре разошлись. Вначале это расхождение было внешне не заметно. Оно таилось во внутреннем их устройении, а устройство было различное так же, как и характеры у них были разные. Николай — спокойный, миролюбивый, уравновешенный, с первых же дней в Скиту всецело, искренно и беззаветно предал свою волю, свое разумение и всю свою жизнь в руки старца. Горячий, нетерпеливый Иван, с пытливым умом, уверенный в своем умственном превосходстве, не мог так же чистосердечно и всецело отдать свою волю и свой разум в волю старца. Это его и погубило...

Старец Варсонофий видел душу его, как и душу Николая, с первых же дней. Однажды, еще в 1907 году, старец так говорил Николаю о только что бывшем у него Иване:

„Вот жалуется он, что у него много сомнений и недоумений, что он многого не понимает. Совсем забросал меня вопросами: „А это как? А это почему? А это?.. А это?..“ Я говорю: „Простите, не могу“. — „А это почему?“ — „Я-то уж

все равно, а келейники сегодня с четырех часов встали, весь день на ногах...” Он говорит: ”Другие хвалят Авву Дорофея, а я не понимаю в нем ничего”. Потому скорбит. ”Неужели ничего не понимаете? Вероятно, что-нибудь да понимаете? Вот, благодать Божия одному отпустила 10 пудов, а другому — два, а третьему, хотя бы вам — 1 золотник. И за это благодарите. И то хорошо. Старцу Макарию, когда он был послушником, казалось, что он понимает книгу Аввы Дорофея. А впоследствии, будучи уже иеромонахом, он говорил, что многого в ней не понимает. Если о. Макарий, ангельский ум, не вполне понимал эту книгу, неудивительно, что вы не понимаете. Эта книга есть основа монашеской жизни. Вот какая глубина этой книги, ибо она написана от Духа Святого. Недаром она прошла через 15 веков и все ее читают. И не только у нас, но и на Западе, в тамошних монастырях...” — ”Почему же я сегодня не утешен вами?” — ”Не знаю... Ведь это — скорбь, а за скорбь надо благодарить Бога, ибо Промысл Божий лучше знает, что нам полезнее...” Он искренно ищет спасения, да хочет все сразу понять умом. Хочет без практики, одним умом постигнуть... Приобрести голословные знания”.

Такое создалось мнение у старца об Иване после первых же бесед с ним. Последствия показали, что опытный в духовной жизни старец не ошибся...

Иван был талантливым юношей. Он хорошо учился в гимназии, лучше, чем Николай. Он отличался своими сочинениями, которые ставились в образец даже в старших классах гимназии. Если бы он пошел по другому пути, впоследствии из него мог бы выйти хороший священник-пропо-

ведник или миссионер. Но пути Господни неисповедимы для нашего слабого разума...

Первые два года своего пребывания в Скиту Иван, по его словам, "жил, как в раю, и считал себя счастливейшим из смертных". Послушание он нес преимущественно пономарское. К обоим братьям старец Варсонофий относился одинаково заботливо и внимательно. Но когда он приблизил к себе Николая и поставил его своим письмоводителем, Ивана это больно задело. Он не мог примириться с тем, что предпочтение отдано брату, которого он, в тайниках души своей, считал ниже себя в смысле умственного развития. Тайную ревность и зависть к брату он тщательно скрывал. В силу своих обязанностей Николай целые дни проводил у старца. Иван видел его только мельком. Бывали дни, когда он совсем не видел брата. Это обстоятельство, в частности, послужило далеко не на пользу Ивану. Неразлучные в миру братья, волею судеб Божиих, разъединились. Прежнего единодушия и единомыслия между ними не было. Иван явно отстранялся от брата, а Николаю и на мысль не приходило, что происходит в душе брата. Видел это старец, и однажды сказал Николаю, что "враг хочет между вами посеять плевел, то есть — разъединение, вражду, ненависть". Советовал ему поддерживать любовь и единение. Но как можно было это сделать, когда они почти не видели друг друга и когда Николай чувствовал, что Иван отстраняется от него?

Чрезмерно высокое мнение о себе заставило Ивана самочинно, без благословения старца, придумывать для себя особые подвиги, вопреки правилам Скита. Он подолгу молился ночами, сверх

положенного молитвенного правила. Во время чтения "суток", то есть круглосуточного чтения псалтири в церкви, он сам напрашивался на чтение в самые трудные ночные часы. Однажды он даже поел черного хлеба с лампадным маслом, в подражание древним подвижникам, в результате чего попал в больницу.

Иван взялся за дело спасения своей души самоchinно и слишком горячо. Он был еще почти мальчик и мальчик горячий. Но его горячность быстро остыла, однообразная жизнь насельников Скита вскоре наскучила ему. Нетерпеливое и безрассудное стремление сразу, без труда "вскочить на небо" сменилось тоской и унынием.

К концу 1909 г. он уже не мог скрывать своего тяжелого душевного состояния ни от старца, ни от брата. Николай искренно сочувствовал ему, жалел его, но облегчить его скорбь не мог. Самому Николаю никогда не приходилось испытывать подобные чувства, и поэтому он не понимал Ивана.

"Помолитесь за брата, помолитесь! Сатана сильно на него восстал...", — сказал Николаю старец.

В начале 1910 г. Иван заявил старцу и брату о своем непреклонном намерении оставить Скит и уехать на Афон. Как ни отговаривали его старец и Николай, он упорно настаивал на своем. "Будем же молиться и плакать о нем", — сказал старец. 27 января Иван, почти не простившись с Николаем, уехал в Москву. Перед отъездом он высказал брату все, что накопилось у него на душе. Много укорных и неприятных слов пришлось выслушать Николаю из уст брата...

Заручившись благословением епископа Трифона, Иван уехал на Афон. Перед отъездом он прислал

старцу Варсонофию и брату письмо, в котором просил прощения и святых молитв, прощаясь с ними навсегда. На Афоне он пробыл недолго — месяца полтора или два. Ничто ему там не понравилось. К тому же он заболел и, чувствуя, что и здесь не найдет покоя своей мятущейся душе, возвратился в Москву. Но и Москва не удовлетворяла его, хотя, по его словам, он "не отходил от Богоявленского монастыря и о. Ионы", своего духовного отца, с исключительной теплотой и вниманием относящегося к нему. В конце апреля 1910 г., по его просьбе, он вновь был принят в Скит Оптиной пустыни, как советовали ему епископ Трифон и о. Иона.

На этот раз он немало удивил Николая тем, что начал писать стихи, будто бы по благословению старца Варсонофия. Стихотворения Ивана были довольно хороши по форме, но содержание их было чуждо Николаю. В душе он не одобрял их и называл "плачевными", потому что Иван описывал в них свое горестное душевное состояние, непонятное Николаю. Одно из стихотворений Иван посвятил брату. Вот первые двенадцать строк этого стихотворения:

*КАКО ВОСПОЮ ПЕСНЬ ГОСПОДНЮ
НА ЗЕМЛЕ ЧУЖДЕЙ?!*

(переложение псалма 136)

Нет!.. В песнях моих не найти вам отрады!

Вам гимны победы нужны...

А песен моих — песен скорби — не надо.

Вам чужды рыданья мои!..

Но я, на реках Вавилонских сидящий,

Я, в плен отведенный, дерзну ль

Петь гимны свободы? В оковах гремящих

*Я только рыдать и могу!
Я к небу хочу возвести свои очи, —
Но вижу лишь своды тюрьмы!!!
И хочется встать, но подняться нет мочи,
Закован я весь в кандалы!*

Посвящается певцу песни Господней, возлюбленному моему о Христе брату, честнейшему монаху Николаю, да помолится он обо мне, непотребном, нежли сподобит и меня Господь присоединиться к лику поющих песнь Господню в священном Отечестве.

Когда Николай показал это стихотворение старцу, тот запретил Ивану писать их. Возможно, Николай не понял ничего, а старцу были понятны намеки, высказанные неволью Иваном в этом стихотворении. Намеки на "своды тюрьмы" и на то, что его страдания и рыдания "чужды и старцу Варсонофию и брату Николаю"...

Вскоре после этого эпизода Иван написал старцу письмо, которое старец назвал "страшным", и сказал Ивану, что ему лучше жить в каком-либо московском монастыре. Иван уехал. Ни в какой монастырь он в Москве не поступил. Между прочим, живя в Москве у родных, он написал очень хороший акафист свят. Парфению, епископу Лампсакийскому, в соединении со Сретенскими песнопениями, одобренный еп. Трифоном и напечатанный в 1912 г. по благословию Св. Синода. Впоследствии ходили слухи, что на Афоне Иван тайно был пострижен в мантию одним из келлиотов с именем Парфения. Насколько эти слухи достоверны, — неизвестно.

В Москве Иван прожил до осени 1910 года и в октябре вновь приехал в Оптину пустынь и снова

был принят в Скит, на прежнее свое пономарское послушание. Когда он в третий раз приехал в Оптиную пустынь и пришел к о. Архимандриту с просьбой о принятии его в Скит, о. Архимандрит, со своей обычной полуулыбкой-полуусмешкой, сказал: "Ты видел камень, что лежит у крыльца моей келии?" — "Видел". (Камень этот был такой большой, что его с трудом могли бы поднять двое или трое.) — "Так вот, пойди и отнеси его в сторону". — "Батюшка, я это сделать не в силах". — "А проситься в Скит!!" — промолвил о. Архимандрит и, приняв серьезный вид, благословил его на поступление. Так закончилось, сравнительно благополучно, скитание Ивана между Оптиной, Москвой и Афоном.

Николай остро переживал все, что происходило с братом и, хотя муки Ивана были непонятны ему, жалел его, скорбел и молился о нем, горько упрекая себя за то, что недостаточно внимательно относился к нему. И старец и Николай рады были, когда Иван, по-видимому, образумившись и смирившись, вновь водворился в Скиту.

8

"В мире скорбни будете..."

Жизнь Николая по-прежнему текла ровно и тихо. И благодушное настроение его не прекращалось. К описываемому времени они со старцем так сблизились и полюбили друг друга святою любовью о Христе, что почти не разлучались. Ни-

колай даже трапезовал вместе с о. Варсонофием и очень часто оставался ночевать "на диванчике под портретами старцев".

Предчувствуя приближающуюся разлуку со своим возлюбленным сыном духовным, в случае своей смерти, о которой он неоднократно упоминал, старец говорил Николаю: "Бог избирает и предназначает Себе слуг... Мне не открыто, как и кем вы будете. Но вы — все при мне, все мы — вместе. Недаром Господь освободил вас от воинской повинности. Живите по-монашески, и Господь не оставит вас. И здесь получили, и там получите. Только никому не рассказывайте, что я вам говорю..."

Последние слова старец часто говорил Николаю. Когда старец что-либо ему дарил — книгу, образок, четки или какое-нибудь лакомство, он всегда предупреждал, чтобы Николай никому не рассказывал об этом, чтобы не возбуждать зависти. Николай свято исполнял все, что заповедовал ему старец, а впоследствии и сам своим духовным детям советовал поступать так же.

Однажды старец сказал Николаю: "Не все время вам будет так мирно и хороршо, как теперь. Придется потерпеть... И очень потерпеть... Это я вам говорю не для того, чтобы вы унывали, а для того, чтобы вы знали, что придет такое время. А сил набирайтесь теперь..."

"Молю Господа, чтобы поставить вас на ноги, чтобы укрепить ваши ноги, еще детские... Ибо после меня на вас будут нападать. Вы находитесь в таком же положении, как я когда-то. Ко мне был очень расположен старец Анатолий. Духовно я стоял к нему ближе всех. И вот после его смерти, на меня стали нападать... Мне было очень тяже-

ло...” ”О своих скорбях и искушениях я вам говорю для того, чтобы укрепить в вас веру в Господа, потому что вам придется впоследствии испытать многое. И на деле доказать свою веру...”

В другой раз старец сказал Николаю: ”Не беритесь, брат Николай, за игуменство! Это очень трудно... Разве только за послушание...” ”Если будет угодно Господу возложить на вас иго настоятельства, иго, хотя и очень тяжелое, но благоплодное, то я заранее говорю вам — будьте очень осторожны и внимательны в денежном деле... Внимательность, точность и аккуратность в делах и обязанностях своих будут способствовать и внутренней, душевной собранности вашей, когда вы приобретете внимание к себе...”

Старец возлагал большие надежды на Николая в смысле продвижения его по иерархической лестнице и заранее старался приготовить его к предстоящему служению Церкви в священном сане. Так, когда он заметил, что Николай неясно произносит некоторые слова, в особенности, когда поспешно говорит, он посоветовал ему заняться исправлением этого недостатка речи и научил, как это делать. Об этом он ему неоднократно напоминал: ”Это необходимо для вашей личной пользы и для пользы обители. Пока вы молоды, можно исправить этот недостаток...”

Вскоре после пострига Николая в рясофор он дал ему книгу, учебник Свирелина ”Церковный устав” и благословил приступить к изучению устава, пропуская места, относящиеся только к священнику.

Однажды, когда они прохаживались по Скиту, старец сказал: ”Ни у меня, ни у вас, конечно, нет

мысли расстаться друг с другом... Но право, хорошо помереть в такие годы, как ваши, у нас в Скиту... И понесли бы мы "Лютеньку" и положили бы его под липками..." — старец указал рукой на могилы прежде почивших иноков скитских. — "Да и мое желание — остаться навсегда в Скиту, здесь и в могилу лечь..." — ответил Николай. Но только преп. Иоанн Лествичник говорит, что "неочистившийся, аще желает смерти, поступает безумно".

"Зачем желать вам смерти? Но все может случиться... У Бога — Свои расчеты. Кого из нас раньше потребует Господь, — неизвестно"... "Почему я называю вас иногда "Люточка"? Не знаю. Слово "Люточка" происходит от слова "лютый". В житиях святых повествуется, что бесы называли св. Иоанна Богослова: "лют зело". Вот лютыми для бесов и должно быть нам. Конечно, такими "лютыми зело", как св. апостол Иоанн Богослов, мы быть не можем. Хорошо, если будем "люточками"...

"Батюшка! — обратился однажды Николай к старцу после продолжительной беседы. — Мне бы хотелось слышать из ваших уст, что мне не надо уходить из обители сей, из Скита, и все терпеть".

"Господь тебя благословит, чадо мое, не уходить из Скита. Все терпи... Да, может быть, тебе и жить-то недолго осталось... С радостью благословляю. Да... Умру, а не уйду... Иное дело — если переведут в монастырь. Пока ты еще только послушник, можно отказаться, говоря, что только поступил в Скит. А если уже будешь в мантии, отказываться нельзя. Можно только просить..."

Выдающимся событием, всколыхнувшим тихую жизнь иконов оптинских, был приезд писателя Льва Толстого в конце октября 1910 г. Лев Толстой и раньше не раз бывал в Оптиной пустыни у старцев Амвросия, а затем — Иосифа. Надо полагать, что и в тот раз он приехал с целью побеседовать со старцем Иосифом. Но дошедшее до него известие, что вдогонку за ним едут его жена, дочь и Чертков, заставили его, не побывав ни у старца, ни у о. Архимандрита, поспешно уехать. В вагоне он внезапно заболел и на станции Астапово в тяжелом состоянии был помещен на квартире начальника станции.

Лев Толстой умирал. Указом Св. Синода было предписано старцу Иосифу выехать к умирающему с целью сделать последнюю попытку убедить графа в истинах Православной Церкви и присоединить к ней. Старец Иосиф не отказался, но в день, назначенный для отъезда, почувствовал себя настолько слабым, что ехать не мог. Тогда телеграммой из Синода было назначено ехать начальнику Скита, о. Варсонофию. Старец Варсонофий хотел взять с собой Николая. Но потом, поговорив с о. Архимандритом, изменил свое намерение и уехал в сопровождении монастырского фельдшера, иеродиакона Пантелеймона.

Николай, проводив старца и простившись с ним, возвратился в свою келию. На столе лежали носовые платки, подаренные ему старцем незадолго перед отъездом. Взяв их в руки и глядя на них, Николай бессознательно прошептал: "Платки, платки! Не придется ли мне вами утирать слезы во время скорби..."

Старец пробыл в отсутствии несколько дней и благополучно возвратился в Скит, к великой радости Николая. Поездка его успехом не увенчалась. Не только его, но даже жену не допустили к умирающему, несмотря на их неоднократные просьбы. Так и осталась смерть писателя-бogoотступника тайной для всех в подтверждение пророческих слов протоиерея о. Иоанна Кронштадтского.

И опять ровной чередой потекли дни, недели, месяцы. Наступил 1911 год. В этом году большим и скорбным событием стала кончина старца Иосифа. Постепенно ослабевавший старец (ему было уже 74 года) тихо угасал, так же тихо, как тихо прожил он свою долгую жизнь. 9 мая, без особых страданий, он преставился ко Господу. С подобающими почестями, при большом стечении его духовных чад и почитателей, старца Иосифа отпели и похоронили в одной часовне со старцем Амвросием.

Собором старшей братии монастыря и скита старцем был избран скитский иеромонах Нектарий, тот, который когда-то при поступлении в Скит показался Николаю "чудным". Правда, старец Нектарий при всем своем высоком устройении слегка как бы юродствовал. Некоторые слова и действия его не всегда были понятны для окружающих.

Смерть старца Иосифа была предвестником страшной грозы, разразившейся над Скитом, удары которой, волею судеб Божиих, были направлены на старца Варсонофия и о. Николая. Смерть старца Иосифа была, если можно так сказать, первопричиной всех бедствий, неожиданно обрушившихся на него. Дело в том, что между почившим

старцем Иосифом и скитона начальником старцем Варсонофием никогда не было не только духовной близости, но даже простого расположения друг к другу.

Старец Варсонофий поступил в Скит уже немолодым, ему было 46 лет. Он происходил из дворянской семьи, был по-светски образованным и очень начитанным как в мирском, так и в духовном отношении. Кроме того, он в миру занимал большую должность, служил в Военном ведомстве полковником. Старец Иосиф, в противоположность ему, был человеком простого происхождения, не получившим никакого образования.

Когда старец Варсонофий поступал в Скит, старец Иосиф недолгое время был начальником Скита и духовником братии.

С первых же дней они не сошлись характерами, не нашли ничего общего. Кое-кто воспользовался этим и старался раздуть из создавшихся холодных отношений вражду. Старца Варсонофия, тогда еще послушника Павла, некоторые, приверженные старцу Иосифу, монахи не взлюбили и всячески старались очернить в глазах старца. Отношения их обострились до того, что послушник Павел перестал относиться к старцу как к духовному отцу. Он подчинялся ему только как начальнику.

Много пришлось ему испытать гонений, унижений и оскорблений от неразумных братий. Но он все терпел и из Скита не уходил. Когда скитона начальником был назначен старец Анатолий, он избрал его своим духовным отцом и до самой своей кончины вспоминал о нем с великой любовью и благоговением, ибо один только он мог понять и оценить по достоинству будущего старца Варсонофия.

После кончины старца Анатолия скорби и гонения вновь восстали на него... Даже тогда, когда его посвятили в иеромонахи, затем почтили саном игумена и назначили начальником Скита, недоброжелатели не оставили своих козней. Они продолжали строить их во все время жизни старца в Скиту, только в скрытой форме. К ним примкнули духовные дети старца Иосифа, монахини ближайших женских монастырей. Пересуды, клеветы, бабьи сплетни самого гнусного содержания преследовали его. Иногда он получал письма оскорбительного содержания. Однажды старец, просматривая корреспонденцию, сказал Николаю:

”Вот письмо... В нем меня обзывают самыми неприличными ругательными словами. Особенно за мои собеседования в монастыре... (По воскресным дням после Литургии старцем были введены собеседования, и это нововведение некоторым из братии не нравилось.) Думаю на того, на другого... Но кто бы он ни был, во всяком случае, он — мой благодетель. Может быть, Господь простит мне за это что-либо из моих грехов... Это, вероятно, написано каким-либо монастырским монахом. В монастыре меня многие не любят...”

Осиротевшие духовные дети старца Иосифа, предоставленные самим себе, дали волю своим страстям, и, по внушению диавола, врага мира и любви, недоброжелательность по отношению к старцу Варсонофию обострили до того, что вскоре от слов перешли к действиям. К тому же вновь назначенный старец Нектарий был неуютен им, так как был он близок духовно к старцу Варсонофию и пользовался его расположением. Все злонамеренные действия недоброжелателей старца Варсонофия ве-

лись в глубокой тайне. Ни старец Варсонофий, ни о. Николай не подозревали до последней минуты, какое тяжелое испытание готовит им Господь.

Однажды, в первых числах марта 1912 г., в пятое воскресенье Великого поста, старец, возвратясь после литургии в свою келию, спросил Николая, обратил ли он внимание на то, какое читалось за литургией Евангелие? И, указывая на слова: "Се восходим во Иерусалим и предан будет Сын Человеческий... и поругаются Ему, и уязвят Его, и оплюют Его, и убьют Его..." — сказал: "Вот степени восхождения в Горний Иерусалим. Их надо пройти... На какой степени находимся мы?.."

Через несколько дней после этой беседы старца вызвали к о. Архимандриту. Возвратившись от него, старец удивил о. Николая необычайной бледностью своего лица. Черты его как бы окаменели. Обратясь к нему, старец сообщил ему весть, поразившую его, как удар грома, своей неожиданностью. Сердце Николая словно бы оторвалось и упало. Вихрь мыслей пронесся в голове, и все смешалось. Указом Св. Синода его дорогого старца переводили в Московскую Епархию на должность настоятеля Коломенского Старо-Голутвина монастыря. И для старца, и для о. Николая это известие было неожиданным ударом и ударом непосильно тяжелым. Старец ожидал смерти, и единственным желанием его было — в конце дней своих освободиться от начальственной должности и удалиться на покой и уединенную келию милого его сердцу Скита. Только об этом вздыхал он ко Господу. Но Господь готовил ему иное. Рушились все его надежды и желания.

Скорбь старца была беспредельна... "Скорбью надо считать не то, что по внешности переживает человек, а то, насколько попускается ему Богом быть удрученным от этого переживания, причиняющего скорбь его сердцу и страдание". Старец воистину страдал. Делясь с о. Николаем своею скорбью, он сказал однажды, что от великой внутренней борьбы и скорби он боится сойти с ума. И старцу, и всем близким его, в том числе и о. Николаю, было вполне понятно, что такое распоряжение высшего начальства было для старца наказанием, что оно было устроено по проискам его недоброжелателей, что тут имели место и клевета, и человекоугодие, и ложь, и многое другое... Не один раз вспоминал впоследствии о. Николай слова Евангелия: "Се восходим в Иерусалим и предан будет Сын Человеческий... и поругаются Ему, и уязвят Его, и оплюют Его, и убьют Его..." Вот степени восхождения в Горний Иерусалим. И поругались над старцем, и оплевали, и уязвили, и... убили.

Пасха в 1912 г. была ранняя, 25 марта. Часто вспоминал впоследствии о. Николай последнюю свою беседу со старцем, последнюю прогулку по зимнему Оптинскому лесу. В последний раз старец любовался красотой природы и тихо пел Сре-тенские ирмосы. Он любил эти ирмосы. Предчувствуя свою близкую кончину, он сказал Николаю, что поет эти дивные ирмосы в последний раз, что не будет петь их на будущий год.

О. Николай так же, как и все любящие и почитающие старца Варсонофия, в глубине души надеялся, что старец останется в Скиту. Надо полагать, что у них были основания надеяться на это. Старец имел возможность отказаться от неже-

лательного назначения по старости и болезни и уйти на покой.

Он на самом деле был слаб и болен. Впоследствии, после его смерти, выяснилось, что незадолго до своего перемещения им было подано прошение об увольнении от должности начальника Скита с целью уйти на покой, и как бы в ответ на его прошение вскоре был получен указ. Можно предположить, что тяжелая внутренняя борьба старца в этом и заключалась. Отказаться от назначения и в тишине Скита окончить дни свои, готовясь к переходу в вечность, или до конца быть послушным сыном Церкви и возложить на себя иго, посланное ему, как от руки Господней? После великой внутренней борьбы и усиленных молитв старец решил, как истинный сын Церкви, покорно преклонить главу пред неисповедимыми судьбами Божиими и поднять на свои слабые старческие плечи возлагаемый на него тяжелый крест. В своих наставлениях и поучениях старец чаще всего напоминал братии и всем своим духовным чадам о важнейших монашеских добродетелях: смирении и послушании. Помня слова Апостола: "Образ буди верным..." — он явил себя и в этом случае образцом иноческого послушания.

И вот 2 апреля, в понедельник на Фоминой неделе, старец Варсонофий навсегда покинул милый Скит и всех близких и дорогих ему духовно братий.

Старец шел на крест. После тихого, благоухающего Скита, укромно спрятавшегося от мира среди векового леса, он направился "на страну далече", в чуждый, неведомый Голутвин...

Для о. Николая наступила полоса скорбей. Как и предсказывали ему епископ Трифон и старец

Варсонофий, тихое, безмятежное состояние души его, благодатная радостность и беспечалие уступили место страданиям, печали, скорби и туги сердечной. Вначале скорби не были настолько тяжелы, чтобы надолго омрачить его светлую душу. Господь постепенно, не сразу, вводил Своего избранника на предназначенный ему крестный путь. Болезнь старца, свои немощи и болезни, тяжелые переживания в связи с братом Иваном — все эти скорби были только предвестниками несравненно больших страданий.

Готовясь к разлучению с дорогим и любимым старцем, о. Николай страдал вдвойне. Сердце его разрывалось при одной мысли о том, чего он лишается в лице старца. Но так же страшила его мысль о предстоящих изменениях в его собственной жизни в связи с отъездом старца. Он не мог оставаться безучастным, видя великую скорбь и страдания своего старца.

Только молитвы и предание себя в волю Божию подкрепляли силы старца и о. Николая. Возможно, что о. Николай надеялся на то, что старец возьмет его с собой. Но старец был как несокрушимая скала под ударами бушующего моря. Все, в том числе личную привязанность и любовь к Николаю, он положил к ногам Господа как жертву. Николай был нужен обители Оптинской. Николаем дорожили. На него возлагали большие надежды. Безупречное житие его в Скиту в продолжение четырех лет и наилучшие отзывы о нем старца Варсонофия хорошо были известны о. Архимандриту. Старец расставался с Николаем навсегда.

В одной из последних своих прощальных бесед с Николаем старец молитвенно произнес над

ним трогательные слова: "Господи! Спаси раба Твоего! Соверши из него инока! Сподоби его Царствия Небесного!.." А в другой раз пророчески произнес: "Господи! Спаси раба Твоего сего, Николая! Буди ему помощник. Защити его, когда он не будет иметь ни крова, ни приюта..."

Наступил день разлуки. Когда старец в последний раз положил свою благословляющую десницу на его голову, у Николая потемнело в глазах. Тяжесть его скорби описать нельзя. Ее поймет без слов всякий, кто перенес когда-либо разлуку с любящим и любимым человеком...

Старец уехал в сопровождении келейника своего, брата Григория Ермакова (впоследствии иеромонах Геронтий), сменившего призванного в армию брата Никиту. Вместе с ним поехал в Голутвин и брат Иван Беляев.

Николай остался один. С опустошенным сердцем и тяжелой головой возвратился он в свою келию, проводив старца. Рыдания сотрясали грудь. И вспомнились ему платки, подаренные старцем два года назад, и свои слова: "Платки, платки! Не придется ли мне вами утирать слезы во время скорби..."

Неприяженное отношение к старцу Варсонофию некоторые из братии, как это часто бывает, перенесли на Николая. Все то, о чем предупреждал и что пророчески предсказывал ему старец, сбылось. С отъездом старца все рухнуло. Вся жизнь о. Николая изменилась. Сколько насмешек, тайных и явных, глумлений и торжествующего злорадства перенес он от неразумных братьев! Об этом знал только он один...

Чтобы дополнить до краев чашу страданий, предназначенных Николаю, его вскоре после отъезда старца постиг новый удар. Его не только разлучили со старцем, но так же, как и старца, изгнали из Скита. Николая перевели в монастырь.

Он был нужен монастырю. Архимандрит Ксенофонт, тоже больной и слабый, проводив старца Варсонофия в Голутвин, лишился в его лице не только самого близкого по духу человека, но и мудрого советника и помощника во всех административно-хозяйственных делах. Ему нужен был молодой и энергичный помощник. Николай, в течение четырех с лишним лет помогал старцу в переписке, помимо этого, был в курсе всех дел старца в смысле управления Скитом. Возможно, что перевод Николая в монастырь был решен еще до отъезда старца по убедительной просьбе о. Архимандрита. Можно предположить и то, что здесь имели место происки недоброжелателей старца, перенесших свою неприязнь на его любимого ученика.

Николай простился со старцем, простился и со Скитом. Прощай, милый Скит! Прощай, уютная келия старца, богодухновенные речи его, его мудрые советы и наставления, прощайте навсегда...

В монастыре Николая сразу же сделали письмоводителем в канцелярии, совместно с о. Петром Крутиковым (впоследствии — иеромонах Парфений).

А старец Варсонофий, возведенный в Москве в сан архимандрита, в это время тоже вступал в новый и последний этап своей земной жизни. Ехал он на место нового служения как на крестное страдание.

Коломенский Старо-Голутвин монастырь (Московской губернии) он нашел в запущенном состоянии как с внешней, так и с внутренней стороны. Многие здания монастыря требовали неотложного ремонта. Бесхозяйственность царила во всем. Немногочисленная братия монастыря поразила его опытный взор своей распущенностью. Неаккуратное посещение церковных служб, неряшливость в одежде, дерзкое и грубое обращение не только друг с другом, но и с начальствующими лицами, самовольные отлучки из монастыря, пьянство — вот что нашел здесь архимандрит Варсонофий.

Все это безобразие и неблагочине возмущало его боголюбивую душу. Но несмотря на свою старость, болезни и тяжелые переживания последних дней, он не упал духом. Со свойственной ему энергией принялся он за настоятельские труды, заботясь о внешнем и внутреннем благоустройении обители. Труды его были непомерно велики и сопряжены с большими скорбями, главным образом, при соприкосновении с распущенной братией.

Плодом неусыпных трудов его было то, что в самое непродолжительное время монастырь начал обновляться и процветать. Монастырь не имел средств на ремонт. Слух о прибытии Оптинского старца в Коломенское быстро распространился. Увеличился приток богомольцев. Доходы монастыря начали возрастать. Нашлись благодетели, пожертвовавшие крупные суммы денег и материалы. В течение года весь монастырь был отремонтирован заново. Улучшена братская трапеза. В отношении же братии старец вынужден был принять ряд крутых мер, вплоть до удаления из монастыря некоторых недостойных иноков...

Иноки других монастырей, духовные дети старца, стремились к нему. Монастырь пополнился людьми, искренне ищущими спасения. Поистине можно удивляться, как хватило у старца сил в столь короткий срок выполнить такую колоссальную работу!

Старец давно, еще в Оптиной, начал слабеть. Непомерно тяжелые труды, заботы и скорби подорвали его организм. С самого начала 1913 г. старец почувствовал обострение своей давней желудочно-кишечной болезни и в феврале этого года, подтачиваемый тяжелым недугом, слег в постель. С терпением переносил старец свои страдания. За месяц до смерти он отказался от медицинской помощи, сказав окружающим его: "Я — на кресте... Оставьте меня..."

Предчувствуя близкую кончину, он слабеющей рукой написал большое письмо сменившему его начальнику Скита Оптиной пустыни о. Феодосию. Между прочим, в этом письме были строки:

"В минуты скорбных дум по поводу разных тягот уношусь мысленно в милую Оптину, в родимый Скит... Быть может, Господь сподобит меня затвориться в нем и подготовиться к смерти, которая, видимо, приближается... Останавливаюсь пока на решении: ожидать ясного указания воли Божией..."

Очевидно, до конца жизни его не покидали мысли о милом его сердцу Ските, и одного только он желал на земле — умереть в Скиту... Одновременно с этим письмом им было подано прошение Московскому митрополиту Макарию об увольнении с должности настоятеля Голутвина монастыря по болезни и разрешении вернуться в Оптинский скит на покой. Подписывая прошение, он

сказал своему письмоводителю брату Ивану: "Как получу увольнение, — поедем все в Оптину... Там я сложу свои кости..."

Но было уже поздно... Болезнь прогрессировала с ужасающей быстротой. (По-видимому, у него был рак желудочно-кишечного тракта.) Это было в середине марта. А 1 апреля, в понедельник на 6-й седмице Великого поста, рано утром, старец предал свою чистую душу в руци Господа, Которого столь пламенно возлюбил и ради Которого всю свою жизнь распинал себя до последней минуты. Не обманули его предчувствия близкой кончины, о которой он говорил о Николаю, прощаясь с Оптиной. И подъезжая в первый раз к Голутвину, он пророчески сказал своим спутникам: "Отселе предстану пред Господом..." Ровно год пробыл старец в Голутвине, по прикровенному предсказанию блаженной Параскевы Саровской о таинственных 365 днях, и по истечении этих дней отошел ко Господу.

Смерть старца Варсонофия была смертью праведника. Недели за две до кончины он уже ничего не вкушал и почти ежедневно приобщался Св. Христовых Таин. Келейники, милые его сердцу оптинцы: брат Иван, брат Григорий и брат Кирилл Зленко, окончивший к тому времени службу в армии и приехавший к своему старцу в Голутвин, окружали его. "Приидите, чада, послушайте мене... Честная бо реку...", — слабеющими устами шептал он. Со скорбью взирали они, как тихо угасал великий светильник, освещающий их жизнь и жизнь многих других.

До самой кончины старец был в полном сознании. Молитвы ко Господу и Его Пречистой Матери

сменялись молитвенными вѣздыханиями ко многим особенно чтимым святым, а также к почившим старцам оптинским. Последние его слова, произнесенные коснеющим языком, были о рае... Затем — последний вздох, и душа старца Варсонофия оставила брѣнное тело, свою земную оболочку...

За несколько дней до кончины он просил окружающих читать св. Евангелие. Оно читалось почти непрерывно до последней его минуты...

Тело старца, облеченное согласно его завещанию в схимническое одеяние, лежало в храме до 6 апреля. Панихиды по новопреставленном священноархимандрите схимонахе Варсонофии совершались почти непрерывно. Все его духовные дети и почитатели съехались отовсюду отдать последний долг почившему.

6 апреля, в Лазареву субботу, преосв. епископом Трифоном, приехавшим из Москвы, была отслужена соборно заупокойная Литургия и произнесено прочувствованное слово. Епископ Трифон, знавший старца еще в то далекое время, когда он был послушником, и глубоко чтивший его, между прочим, сказал такие слова: "Ты умел только любить, только творить добро и — какое море злобы и клеветы вылилось на тебя!.. Ты все принимал с покорностью, как многострадальный Иов... Я свидетель, что ни одного слова осуждения кому бы то ни было я не слышал от тебя... Я как пастырь знаю, что в наше время значат такие старцы. Его наставления тем более ценны, что с образованием он соединил высоту монашеской жизни..."

После отпевания по иноческому чину все, во множестве собравшиеся его духовные дети и почи-

татели, а также жители г. Коломны и его окрестностей, успевшие полюбить старца за столь короткий срок, прощались с ним. Гроб с телом старца был поставлен в траурный вагон и, по разрешению Св. Синода, специальным поездом отправлен в Оптину пустынь для погребения.

Для братии Оптиной пустыни смерть старца была полной неожиданностью. О. Николай и другие иноки, расположенные к старцу, в глубине души питали надежду на возвращение его в Скит. Правда, полученное в середине Великого поста известие о болезни старца несколько поколебало эту надежду. Вскоре было получено второе известие о том, что старец твердо решил в скором времени приехать. И вновь загорелась надежда в сердцах любящих его. И вдруг — страшная, потрясающая весть — старец скончался, старца нет в живых...

8 апреля траурный поезд прибыл на ст. Козельск. Оттуда, при громадном стечении народа, гроб с телом на руках священнослужителей был принесен в Оптину пустынь. 9 апреля, во вторник Страстной седмицы, после литургии, собором в числе 21 иеромонаха и 4 иеродиаконов, во главе со скитоначальником о. Феодосием была отслужена заупокойная лития. Архимандрита Ксенофонта на погребении не было. Он лежал больной. Собрав последние силы, он встал и из окна своих покоев смотрел на печальную погребальную процессию. Под умирительное пение полным хором монахов стихиры: "Приидите, последнее целование дадим..." — вся братия оптинская и множество его духовных чад и богомольцев подходили прощаться со старцем.

Старца Варсонофия предали земле рядом с его наставником, старцем Анатолием, против южных дверей Введенского собора... После целого года великих страданий он вернулся в свою милую Оптину, чтобы "сложить свои кости" не в чуждом Голутвине, а рядом со своим дорогим старцем... Это было большим утешением для всех любящих почившего...

О. Николая на погребении не было. Он лежал в больнице. Прикованный тяжелым недугом к постели, он, рыдая, слушал погребальный перезвон и чугунное гудение девятисотпудового монастырского большого колокола. Он был болен ревмокардитом, т. е. острым ревматическим воспалением суставов и сердца.

Долго Николай пробыл в больнице. Только через месяц после погребения старца вышел он отсюда. И первые шаги его, слабые и неуверенные, были направлены к дорогой могилке.

Вот белый мраморный крест над могилой старца Анатолия. А рядом, ближе к храму, — свежий холмик земли, прикрытый еловыми веточками, и высокий деревянный крест с неугасимой лампадой.

Развесистая яблоня цвела бело-розовым цветом недалеко от могилы. Лепестки ее, осыпаясь под легким дуновением весеннего ветерка, ложились как снег на молодую, нежную травку и на непокрытую голову о. Николая, припавшего к дорогой могиле. И вспомнились ему слова старца, сказанные ему когда-то: "... Когда я буду лежать в земле сырой, придете вы на мою могилку, помолитесь о моей душе и скажете: "Милый батюшка! Вот он действительно любил ме-

ня...” Осиротеете вы тогда, моя деточка, осиротеете”.

Был май. С лазурного неба весело сияло солнышко. Все кругом было зелено и прекрасно, все радовало взоры, но о. Николай не видел ничего. Все потемнело и потускнело в его глазах. От сознания, что старца уже нет в живых, что тело его лежит в земле сырой, что никогда уже не взглянут на него из-под очков добрые, полные любви глаза старца, никогда не прозвучит его голос, никогда милая детская улыбка не осветит его святолепного лица, — сердце в нем обливалось кровью и рвались из груди рыдания. И в довершение всего — он лишен был возможности, из-за своей болезни, даже проститься со старцем, дать ему последнее целование...

Господь, премудро устрояющий нашу жизнь, дал нам чудесную целительницу всякой скорби, всякой туги и печали — время. Время излечивает раны, уменьшает самую жгучую боль, смягчает всякие страдания и открывает глаза на многое, непонятное когда-то...

Шло время. Скорбь души по утраченном старце смягчалась, сглаживалась. Но никогда, до самой кончины своей, не забыл о. Николай дорогого своего старца.

К сороковому дню со дня смерти старца Варсонофия, при непосредственном участии о. Николая, Оптиной пустыней была издана небольшая книжечка (всего 46 с.) под заглавием: ”Памяти Оптинского старца схиархимандрита Варсонофия. Венок на могилу батюшки от духовных чад и почитателей к 40-му дню его блаженной кончины”. В книжечке кратко описывалась жизнь почившего старца, его труды, болезнь, смерть и погребение.

В конце, в траурной рамке, было напечатано обращение, составленное, по-видимому, о. Николаем, с просьбой ко всем, кто имеет какие-либо сведения о жизни и деятельности старца, о случаях благодатного действия его молитвы, о прозорливости его, о его наставлениях письменных и устных, а также о его жизни до поступления в монастырь, сообщать таковые по адресу: г. Козельск Калужской губ., Оптина пустынь...

На 40-й день со дня кончины старца Варсонофия, 10 мая, из разных мест России съехались его духовные чада, духовенство, монашествующие и миряне, чтобы молитвенно почтить память дорогого старца. Накануне этого дня было отслужено заупокойное всенощное бдение, во время которого скитона начальником и временным заместителем больного о. Архимандрита иеромонахом о. Феодосием было произнесено слово. В нем кратко была обрисована светлая личность почившего старца, его труды на пользу обители, его великое послушание Церкви Христовой, его редкий дар проникновения в души кающихся и благодатного воздействия на них. Слово это по поручению начальства своего составлял о. Николай. Еще в ноябре 1912 г., в день столетнего юбилея со дня рождения великого старца Амвросия им же было составлено соответствующее слово, произнесенное также о. Феодосием. Начальство монастыря давно уже оценило и образованность о. Николая и его дар передавать свои мысли и чувства кратко, просто и вразумительно.

Через некоторое время после смерти старца Варсонофия стараниями его почитателей, при активном участии о. Николая, над могилами стар-

цев Анатолия и Варсонофия была воздвигнута изящной архитектуры часовенка. Верх часовенки украшала позолоченная главка, весело блистая под лучами солнца. Через цветные стекла окон в часовенку струился таинственный полусвет. Большой деревянный крест с изображением Распятого Спасителя стоял у восточной стороны часовни. Неугасимая лампада теплилась пред ним. Направо — беломраморные крест и надгробие над могилкой старца Анатолия. Налево — также из белого мрамора гробница прикрывала могилу старца Варсонофия. На гробнице золотом была вырезана надпись: "Да будет воля Божия благая и совершенная". На наружной стороне часовни, обращенной к Введенскому собору, надпись: "Схиархимандрит Варсонофий. В миру — полковник Павел Иванович Плеханков. Из потомственных дворян Оренбургской губернии. Родился 5 июля 1845 года. Поступил в Скит в 1891 году. В 1907 году был назначен игуменом, начальником Скита и братским духовником. В 1912 году — назначен настоятелем Коломенского Старо-Голутвина монастыря, с возведением в сан архимандрита. Преставился о Господе 1 апреля 1913 года, на 68-м году от рождения". На других стенах часовни — следующие надписи: "Упокой, Господи, душу раба Твоего в селениях праведных". — "Непрестанно молился. О всем благодарите. Всегда радуйтесь" (Фес. 5, 17-18). — "Претерпевый до конца той спасен будет" (Мк. 13, 13). "Терпя потерпех Господа, и внят ми и услыша молитву мою".

”Ты же последовал еси моему учению, житию, привету, вере, долготерпению, любви, терпению, страданию изгнани-ем...”

Сведений о жизни о. Николая в монастыре сохранилось очень мало. Дневник свой, после катастрофы, разлучившей его со старцем Варсонофием, он прервал. В дневнике он записывал преимущественно наставления старца. Когда же старца не стало, отпала и потребность вести записи. Записывать текущую жизнь, всегда, в сущности, однообразную, у него не было ни желанья, ни времени. Сам же он не любил говорить о себе, о своих чувствованиях, думах и переживаниях. С достоверностью известно только, что он всегда и во всем был ”яко слуга Божий”. Это был прекрасный образец не только для молодых, но и для старых, проживших в монастыре десятилетия, монахов. Это был высокий пример безусловного послушания, нелицемерного смирения, мирности со всеми исключительной, твердости и мудрости, не колеблющегося ни перед лестью, ни перед угрозами, добросовестности в исполнении своих обязанностей образцовой. Не по годам серьезный, вдумчивый и в то же время всегда радостный, он, еще в те далекие годы, приковывал к себе внимание. Все видели и понимали без слов, что о. Николай — не заурядный монах, каких много. Фундамент, заложенный в душе о. Николая старцем Варсонофием, был сложен прочно и надежно. В продолжение всей своей жизни в монастыре

— в тихой ли келии своей, в храме, за послушанием, везде и всегда он на этом несокрушимом основании возлагал все новые и новые камни, строил свой дом душевный во славу Божию. Он непрерывно рос духовно.

Работая письмоводителем в канцелярии монастыря, о. Николай был занят с утра и до позднего вечера, исключая, конечно, Богослужебные часы. По несколько раз в день приходилось ему ходить из монастыря в Скит и обратно по разным делам обители, ибо новый скитоначальник был еще недостаточно опытен. Когда о. Архимандрит заболел своею предсмертной болезнью, его временно замещал начальник Скита, о. Феодосий. Именно в это время о. Николаю, в силу необходимости, пришлось проявить себя не только как аккуратного и исполнительного письмоводителя, но и как в высшей степени энергичного деятельного помощника во всех практических делах обители. (...)

Наступил тяжелый 1914 год. В июле этого года всю страну, до самых отдаленных и глухих уголков ее, облетела страшная весть: "Война!" Долетела она и до Оптиной пустыни. Война внесла много изменений в тихую размеренную жизнь обители. Многие из молодых послушников ушли на фронт. Одновременно с ними уехал на войну и брат Иван Беляев, вернувшийся в Оптину после смерти старца Варсонофия. По близорукости своей Иван был освобожден от военной обязанности и призыву не подлежал. Возгоревшись желанием подвигов, он добровольно отправился на фронт в качестве брата милосердия. Больной о. Архимандрит отпустил его. Здесь в жизни Ивана произошло событие, решившее всю его дальнейшую

судьбу. В санитарном поезде, отправлявшемся к месту военных действий, он познакомился с одной сестрой милосердия и, по попущению Божию, столь пленился ею, что забыл все... Конец этой истории был весьма прискорбен. Иван вместе с любимившейся ему девушкой возвратился в Москву и женился на ней...

Получив из Москвы известие о бедственном поступке брата, о. Николай, придя в скит, поделился своей скорбью с о. Феодосием. Тот, выслушав о. Николая, сказал, что не знает брата Ивана Беляева. Конечно, он хорошо его знал и не мог так быстро забыть. Несколько раз о. Николай объяснял ему, что это его родной брат, что он был монахом Скита и нес пономарское послушание, что не так давно уехал на фронт. О. Феодосий слушал, слушал... и многозначительно помолчав, промолвил: "Нет... Я не знаю его...". Тогда о. Николай понял все...

30 августа того же 1914 г., после тяжелой болезни (рак печени), скончался архимандрит Ксенофонт 67 лет от рождения. Погребен в Казанском соборе. В журнале "Кормчий" после его смерти была напечатана статья-некролог с фотографией, написанная Иваном Беляевым.

После смерти архимандрита Ксенофонта на должность настоятеля Оптиной пустыни был избран и утвержден иеромонах Исаакий. По своей примерной, истинно монашеской жизни, он был достоин занять столь высокий пост. Очень большого роста, внушительной и благолепной наружности, он был прост, как дитя, и в то же время мудр духовной мудростью. Простота его иногда доходила до курьезности. О. Николай, всегда

тепло вспоминая совместные труды свои с архимандритом Исаакием, однажды, улыбаясь, рассказал своим духовным детям, как на одном сощещании, когда решался вопрос — какую сумму денег выделить на пожертвования пострадавшим от войны, о. Архимандрит, обращаясь к старшей братии, недоуменно разводя руками, произнес: "Мало — мало, а много — много..." О. Николай очень уважал и почитал его и в затруднительных случаях своей личной жизни всегда обращался к нему за советом.

В 1915 г., 24 мая, в день памяти преп. Симеона Дивногорца, о. Николая постригли в мантию. При постриге было дано ему новое имя — Никон, в честь св. мученика Никона, вспоминаемого Церковью 28 сентября. Новопостриженному о. Никону было 27 лет.

Менее чем через год, 10 апреля 1916 г., о. Никон был рукоположен в первую степень священства — в сан иеродиакона. Было замечено всею братией и богомольцами, что о. Никон с первых же дней очень хорошо служил. Ровно, спокойно и в то же время одушевленно произносил он надлежащие возгласы, благоговейно и со страхом Божиим предстоял со служащим иеромонахом престолу Божию.

Когда у него впоследствии спрашивали, почему он с самого начала так хорошо служил, предполагая, что он заранее готовился к посвящению, о. Никон отвечал:

"Нет. До посвящения во иеродиаконы я никогда не читал служебник, потому что не знал, достоин ли я быть священнослужителем. Я стал его читать тогда, когда меня посвятили в иеродиа-

Иеродиакон Никон (Беляев)

кона. Служить меня учили братья. Я слушал все, что мне говорили, и даже просил, чтобы мне указывали на мои недостатки в служении. Слушая их наставления, я потом подвергал их рассуждению и принимал то, что мне подходило. Однажды у нас в Оптиной служил о. протодиакон из Калуги. Я просил указать мне, как надо служить. Он спросил меня: "А вы читали Учительное известие?" Я отвечал: "Да, читал". — "Так мне вам больше нечего сказать", — ответил он. Тогда я был очень недоволен ответом протодиакона, но потом, читая внимательно эту книгу, я понял, почему он мне так ответил, и был очень благодарен ему. Из этой книги — "Учительное известие" я узнал, что при совершении Богослужения важно не то, чтобы громко и красиво делать возгласы, а чтобы служить с благоговением".

+

Война затянулась. К концу 1916 года ощутимо чувствовался недостаток во всем, жизненно необходимым. Поднялись цены на все. Оптина пустынь подвергалась лишениям и трудностям вместе со всей страной. Не хватало рабочих рук. Приходилось прибегать к наемной силе. Бюджет монастыря сократился.

Несмотря на это, обитель Оптинская охотно отзывалась на все воззвания и просьбы о помощи пострадавшим от войны и не скупилась на пожертвования в различные благотворительные общества, до минимума сокращая свои потребности.

При наплыве беженцев из Польши и Белоруссии монастырю предложено было предоставить

помещение для них. Это предписание начальства сильно взволновало о. Архимандрита и старшую братию. Куда поместить 50 человек беженцев? Решено было отдать одну из гостиниц. Среди поселившихся в ней беженцев появились случаи эпидемических заболеваний (брюшной и сыпной тиф). Монастырь вынужден был освободить для них один из больничных корпусов. В конце войны еще одна гостиница была занята приютом для осиротевших детей. Мир с его суетой явно вторгался в обитель. Но насельники ее были частью страны, частью страдающего народа и вместе со всеми переживали всю тяжесть и скорбь последствий войны, понимая, что "еще страждет один уд, то с ним страждут и все уды..." Жизнь их по существу не изменилась. По-прежнему совершались службы Божии в храмах монастыря и скита, все так же трудились на послушаниях братия, содеявая свое спасение.

(...) Прогремела революция. Рушилось все старое...

В ожидании неизбежно грядущих изменений тихо и незаметно продолжали жить в монастыре иноки оптинские. До них уже доходили известия о закрытии церквей и монастырей и конфискации их имущества.

Старое, многовековое здание государства Российского рухнуло. Наступила "разруха". Страна переживала невероятные трудности. Гражданская война поглощала все скудные средства страны, истощенной предыдущими годами. Голод, острый недостаток в самом необходимом для жизни, репрессии, эпидемии тифа и других болезней терзали страну.

В первые же годы революции большинство монастырей было уже закрыто, причем часть их закрылась по той простой причине, что из-за конфискации и отсутствия средств к существованию братия разбрелась по стране, оставляя обители свои на волю Божию.

Оптина пустынь так же, как и некоторые другие монастыри, стойко и мужественно терпела все тяготы, все притеснения и угнетения. Монастырь подвергся уничтожению не сразу. Постепенно были конфискованы сначала мельница, затем кирпичный и лесопильный заводы, приносившие обители значительный доход. Затем был отобран лес, принадлежащий монастырю, рыбные ловли, луга, огороды, сады и скот. Той же участи подверглись пасека и вместе с нею Скит, где намечено было устройство "дома отдыха". Положение монастыря было критическое. Он лишен был основных источников средств существования. Но оптинские иноки не растерялись. Из оставшихся трудоспособных монахов была организована "Сельскохозяйственная артель". Выделенная артели часть огородов, садов, лугов и скота минимально обеспечивали материальные нужды монахов. И по-прежнему совершались в храме обители Божественные службы, все так же трудилась братия, полагаясь на милость и благодать Божию...

+

3 ноября 1917 г., в день памяти св. великомученика Георгия Победоносца, о. Никон был посвящен в сан иеромонаха. Ему было 29 лет. Здоровье его окрепло. От болезненного состояния, которое

Он испытывал в последние годы своей жизни в Скиту, по-видимому, не осталось и следа. Только больная нога беспокоила его, по-прежнему он с трудом выстаивал продолжительные церковные службы. Часто садился. Иногда расширенные вены больной ноги воспалялись, открывалась рана, причиняя страдания. В таких случаях он подолгу лежал в постели, не имея возможности передвигаться. Болезнь свою о. Никон всегда переносил изумительно спокойно и благодушно, никогда не жалуясь.

В это трудное время развернулись административно-хозяйственные способности о. Никона. Молодой, полный неистраченных сил и энергии, он ревностно трудился, имея высшей целью своих трудов — прославление имени Божия на земле. Сохранить монастырь насколько возможно — вот что стало его делом. "Умру, а не уйду..." — писал он когда-то в дневнике своем, в дни своей юности...

Никогда не желал и не искал он начальственных должностей. Заветным желанием его было тихое, мироотреченное житие аскета. Но Господу было угодно вести Своего избранника по иному пути. Юридически он нес послушание в монастырской канцелярии, был письмоводителем ее. Фактически же, как-то само собой и не без воли Божией, получалось так, что решающий голос в том или ином деле обители, а потом — сельскохозяйственной артели принадлежал о. Никону. "Светильник ногама моима закон Твой и свет стезям моим" (Пс. 118). Это псаломское изречение сопутствовало о. Никону во всех делах его. Закон Божий, заповеди Его святые, были четко написаны в его сердце. Им одним следуя, он строил свои суждения и ими

руководствовался, не считаясь со сбивчивыми и разноречивыми суждениями других.

Проявленная им твердость и настойчивость, основанная на правоте заповедей Божиих, а не на шатких человеческих измышлениях, породили недовольство среди некоторых братьев. В основном, группа недовольных о. Никоном состояла из тех иноков, которые когда-то недоброжелательно относились к почившему старцу Варсонофию. Критически недоверчивое отношение их перешло по инерции на ученика старца — о. Никола, а твердость, проявленная им и благожелательное отношение к нему о. Архимандрита обострили эти отношения. Группа этих иноков была невелика, но почти все они имели вес в деле управления обителью. Некоторых из них возмущало и то, что самые правильные суждения в том или ином вопросе принадлежали не им, старым опытным монахам, а молодому, не имеющему еще 30-ти лет, о. Никону. Здесь вполне приложимо изречение одного святого отца: "Они ненавидели его за добродетели, которых не имели сами и которым не могли подражать..."

Существующее положение осложнилось еще больше тем, что в конце войны в Оптиной пустыни поселился на покой бывший Уфимский епископ Михей.

Владыку Михея встретили с подобающим почетом и отвели ему отдельный дом. Для любителей торжественных богослужений службы церковные во главе с епископом доставляли немалое утешение, хотя и были сопряжены с некоторыми затруднениями для служащей братии. Инокам же, предпочитающим в богослужении простоту, архие-

рейские службы были, если можно так сказать, отяготительны. Епископ Михей служил довольно часто. Характер он имел властный, беспокойный и резкий. Поселившись в Оптиной пустыни, он не мог ограничиться уединенным пребыванием в отведенных ему покоех. Епископ Михей начал вмешиваться в дела управления обителью. Положение начальствующих лиц монастыря по отношению к епископу Михею было весьма затруднительным и вызывало немалое смущение и недоумение. С одной стороны, епископ жил на покое и не был для монастыря начальником. С другой же стороны, не соглашаться с его указаниями и настаивать на своем мнении противоречило не только духу монашескому, но и правилам св. Церкви. Возможно, что и сами иноки оптинские, почитая в лице епископа высший чин иерархии церковной, считали нужным обращаться к нему в затруднительных случаях за советом и указаниями.

Из этого положения смело и мужественно вывел всех о. Никон. Отдавая владыке подобающую его сану честь, он взял на себя смелость некоторые его указания, после рассуждения, отвергнуть. Воспользовавшись создавшимся положением, монахи, не расположенные к о. Никону, постарались войти в доверие к епископу Михею. Архимандриту о. Исаакию, о. Никону и некоторым другим, единомышленным с ними инокам пришлось пережить великое искушение. Особенно много неприятностей претерпел от епископа Михея о. Никон. В негодовании епископ называл его "мальчишкой" и другими нелестными словами. Дело дошло до того, что еп. Михей подал жалобу Епархиальному начальству на о. Никона. Последстви-

ем этой жалобы было то, что о. Никона и двух других единомышленных с ним монахов назначили к переводу в другие монастыри Калужской епархии, всех порознь. Благодичный монастырей защищал о. Никона, убедительно доказывая, какое сокровище имеет монастырь в его лице, и достиг цели — о. Никон остался в Оптиной пустыни.

Как часто вспоминал о. Никон, переживая все это, пророческие слова своего дорогого старца Варсонофия: "...увидите вы день лют. Попомните мое слово... Много придется вам пролить поту, крови и слез..."

Судя по уверениям некоторых лиц, можно предположить, что и со стороны о. Никона были допущены некоторые ошибки. Но кто не ошибался в жизни своей? Господь зрит на сердце человека. Сердце же его было чисто и свободно от всякого лукавствия. И намерения его были благие, а Господь "и намерения целует"...

(...) Вот что писал он одному своему духовному чаду, вспоминая пережитое им: "Все это — в прошлом. Но ни прошлое, ни настоящее, ни будущее не могут заставить меня изменить свои решения, ибо они основаны на деле Божиим, на заповедях Евангельских и правилах церковных. Я — монах, а монах есть исполнитель всех заповедей Божиих. Ни прощения, ни угрозы, ни даже смерть не должны заставить монаха презреть заповедь Божию. Умиляют мое грешное сердце слова псаломские: "Твой есмь аз, спаси мя, яко оправданий Твоих взысках". Говорю их Господу, когда грозят мне люди или помыслы мои при исполнении долга моего священно-иноческого. Буди воля Господня!..."

"И мир возненавиде их, яко не суть от мира" (Ио. 17, 14).

"Все хотящие благочестно жити гонимы будут..."

(...) Один за другим закрывали монастыри и храмы. В них устраивали "дома отдыха", клубы, кинотеатры, библиотеки или просто использовали под склады. В годы разрухи оставшиеся незакрытыми церкви испытывали острую нужду в самом необходимом для совершения богослужений. Не было муки для просфор, красного вина для свершения Литургии, ладана, свеч, масла. Число прихожан, приписанных к той или иной церкви, уменьшалось с каждым днем. Многие, весьма многие покинули Церковь "страха ради иудейска". Часть молодежи, революционно настроенной, организовывала группы "воинствующих безбожников". Имея цель в кратчайший срок уничтожить веру христианскую, они по большим праздникам устраивали кощунственные процессии в облачениях, похищенных из закрытых церквей, на улицах городов и вообще разрешали себе всяческие бесчинства и надругательства над всем священным. Лавина бедствий, обрушившихся на Церковь Христову, сметала на своем пути все святое...

Епископы, священники, монахи и все, близкие Церкви по духу люди, подвергались жестоким преследованиям. Под видом "контрреволюционеров" их арестовывали, подвергая всевозможным оскорблениям и глумлениям, даже побоям, заклю-

чали в тюрьмы, расстреливали, ссылали в отдаленные места страны, преимущественно на Крайний Север или в Сибирь, заставляя выполнять непосильную работу при скотских условиях жизни и на голодном пайке. Великое множество мучеников за веру окончило свою страдальческую жизнь и сложило свои кости в никому неведомой стороне. Страшное было время. Невольно вспоминаются при этом пророческие слова, сказанные старцем Варсонофием задолго до революции своему ученику, о. Никону: "Монастыри будут в великом гонении и притеснении... Придет время, когда в Оптиной будет тяжело... Истинные христиане будут ютиться в маленьких церковочках... Пожалуй, и вы доживете до тех времен, когда опять будут мучить христиан и мучения их будут подобны древним... Мы-то уж уйдем, а вы будете участником и современником всех этих ужасов... До ужасных времен доживете вы... Помните мое слово, что увидите вы "день лют"..."

17 сентября 1919 года, в день ангела своей матери, Веры Лаврентьевны, о. Никон, возвратясь после Литургии в свою келию, был арестован и без предъявления обвинения заключен в Козельскую тюрьму. Готовясь к возможной смерти, он написал матери трогательное письмо, в котором, между прочим, писал, что арестовали его только за то, что он монах...

Через некоторое время о. Никон был освобожден и вновь продолжал трудиться во славу Божию в родной своей обители.

9 марта 1920 г. скончался последний начальник Скита Оптиной пустыни схиигумен Феодосий. Похоронили его останки возле южной стены пра-

вого придела Введенского собора. Над могилой возвышался скромный деревянный белый крест с краткой надписью.

30 июля 1922 г., проболев немного более года, окончил свое земное житие старец иеросхимонах Анатолий, так называемый "Маленький". Называли его так потому, что он был небольшого роста, в отличие от прежде почившего старца Анатолия Зерцалова. Рано утром келейник его, о. Евстигней, заметив, что старец совсем ослабел, побежал к казначею, о. Пантелеймону, бывшему старшему фельдшеру. Когда они вдвоем вошли в келию, старец стоял на коленях, склонив голову на свою постель, и был уже мертв. Старца Анатолия похоронили в одной часовне со старцами Амвросием и Иосифом, несколько удлинив ее. Над могилой его также было воздвигнуто надгробие, но, увы, уже не мраморное, а деревянное, окрашенное белой краской. Надпись на гробнице гласила: "О сем разумеют вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою" (Ио. 13, 35). "...Пребываяй в любви, в Бозе пребывает и Бог в нем пребывает" (1 Ио. 4, 16).

Почивший старец был скитским иеромонахом. И тогда он еще пользовался большой популярностью. Его постоянно вызывали за ворота Скита многочисленные посетительницы и посетители, желавшие побеседовать с ним. Когда в монастыре умер братский духовник иеросхимонах о. Савва и его келия при храме Владимирской Божией Матери освободилась, о. Анатолия в 1907 или в 1908 г. перевели туда. Там он и жил до конца дней своих, исполняя обязанности братского духовника и старца. Это был дивный старец,

глубоко почитаемый и любимый всеми. Он был преисполнен необыкновенной любви ко всем без исключения.

Осиротевшие духовные дети почившего о. Анатолия перешли под руководство к последнему оптинскому старцу о. Нектария. Вся оставшаяся братия монастырская, большинство сестер Шамординской обители, тоже доживающей последние дни под видом сельскохозяйственной артели, и многие другие, местные и приезжие, имели его своим духовным отцом и старцем. Изнемогающий под бременем постигших всех скорбей старец с любовью принимал приходящих к нему. Хотя Скит уже не существовал, старец продолжал жить и принимать народ в своей хибарке направо от св. врат.

Зимой этого же года (1922) старца Нектария арестовали. Старец был болен. Несмотря на это, его усадили в сани-розвальни и повезли в Козельск. Сопровождал его один из братьев, а бывшие там в это время его духовные дети, преимущественно монахи, провожали старца до монастырской границы, там, где кончается аллея старых ветел. Больного старца поместили в Козельской больнице, в отдельной палате. У дверей его нового жилища стоял часовой с ружьем... Арестован он был в основном за то, что к нему постоянно приходили и приезжали многочисленные посетители.

В начале весны старца Нектария выпустили из больницы и разрешили жить в Козельске, взяв с него подписку о невыезде из Козельского уезда и запретив принимать народ. Старца приютили одни благочестивые люди, но прожил он у них недолго. Внезапно, никого не предупредив и почти

ни с кем не простясь, он вместе с келейником своим уехал к одному своему духовному сыну-хуторянину. Причину своего внезапного отъезда он никому не объяснил. Есть основания думать, что, зная о том, что он находится под наблюдением властей и связанный приказом никого не принимать, старец иначе не мог поступить. Многие, не считаясь ни с чем, не учитывая создавшегося положения, а некоторые просто по незнанию, продолжали приходить к старцу в Козельске. Старец, памятуя евангельские слова: "Грядущего ко Мне не иждену вон", не мог отказать приходящим и в то же время был связан приказом никого не принимать.

На хуторе старец Нектарий, постепенно слабея, прожил около шести лет. 20 апреля 1928 г. он тихо отошел от своей временной прискорбной жизни в жизнь вечную.

За 60 км от Козельска, почти на границе с Орловской областью, было большое торговое село Плохино, ныне — районный центр Ульяново. Недалеко от этого села, на уединенном деревенском кладбище погребен последний оптинский старец, иеромонах Нектарий. Несмотря на дальность расстояния и неудобство сообщения, могилка старца не забыта. Ежегодно, преимущественно в летние месяцы, на дорогую могилу приходят его бывшие духовные дети — и местные, и приезжие. Иногда, по возможности, там служат панихиды. У подножия могильного холмика сделано углубление. Испросив св. молитв и благословения, берут песочек, пополняемый чьей-то заботливой рукой, так же, как когда-то в Оптиной пустыни брали песочек у надгробий старцев...

Осенью 1922 г., по-видимому, в ответ на письмо матери своей, беспокоившейся о нем в это страшное время, о. Никон написал ей большое письмо, которое, как он сам выразился в конце, "вылилось из сердца". В начале письма он кратко описывает свою жизнь, пишет, что "трудится несколько в письмоводстве, очень занят бывает различными делами, касающимися обители, или, вернее, того, что осталось от обители. Служит, предстоя престолу Божию. Поет на клиросе". Желая успокоить мать, он уверяет ее в том, что еще не испытал скорбей, касающихся лично его, что доселе все скорбные переживания не причиняли ему острой сердечной боли. А если и были скорби, то были они по причинам, касающимся близких его людей.

"Сейчас я пришел от всенощной и заканчиваю письмо, которое начал еще перед всенощной. Господи, какое счастье. Какие чудные глаголы вещаются нам в храме. Мир и тишина. Дух святыни ощутительно чувствуется в храме. Кончается служба Божия, все идут в дома свои. Выхожу из храма и я.

Чудная ночь, легкий морозец. Луна серебряным светом обливает наш тихий уголок. Иду на могилки почивших старцев, поклоняюсь им, прошу их молитвенной помощи, им прошу у Господа вечного блаженства на небе. Могилки эти много вещают нашему уму и сердцу, от этих холодных надгробий веет теплом. Перед мысленным взором ума встают дивные образы почивших исполинов духа.

Эти дни я неоднократно вспоминаю батюшку Варсонофия. Мне вспоминались его слова, его наставления, данные мне однажды, а может быть, и не однажды. Он говорил мне: "Смотрите, что говорит тот же апостол: "течение скончах, веру соблюдох", а теперь мне готовится уже венец . Поэтому и я вам говорю: испытывайте себя, в верели вы. Если сохраните веру, можно иметь благонадежие о своей участи". Когда все говорил мне почивший старец, а говорил он хорошо и с воодушевлением, насколько помнится, вечером, при тихом свете лампы в его дорогой уютной келье старческой, я почувствовал, что он говорит что-то дивное, высокое, духовное. Ум и сердце с жадностью схватывали его слова. Я прежде слышал это апостольское изречение, но не производило оно на меня такого действия, такого впечатления.

Мне казалось: что особенного сохранить веру? Я верую, и верую по православному, никаких сомнений в вере у меня нет. Но тут я почувствовал, что в изречении этом заключается что-то великое: несмотря на все искушения, на все переживания житейские, на все соблазны — сохранить в сердце своем огонь святой веры неугасимым и неугасимым даже до смерти, ибо сказано: "течение скончах", т. е. вся земная жизнь уже прожита, окончена, уже пройден путь, который надлежало пройти, я уже нахожусь на грани земной жизни, за гробом уже начнется иная жизнь, которую уготовала мне моя вера, которую я соблюдал. "Течение скончах, веру соблюдох", — и заповедал мне дивный старец проверять себя время от времени в истинах веры православной, чтобы не укло-

ниться от них незаметно для себя. Советовал, между прочим, прочитывать православный катехизис митрополита Филарета и познакомиться с "Исповеданием веры восточных патриархов".

Ныне, когда поколебались устои Православной Российской Церкви, я вижу, как драгоценно наставление старца. Теперь как будто пришло время испытаний, в вере ли мы. Ведь надо знать и то, что веру соблудости может тот, кто горячо и искренно верит, кому Бог дороже всего, а это последнее может быть только у того, кто хранит себя от всякого греха, кто хранит свою нравственность. О, Господи, сохрани меня в вере благодать Твою".

"Я не закрываю глаза на совершающееся и на грядущее, — пишет он далее, — и стараюсь быть ко всему готовым, чтобы иметь возможность сказать псаломскими словами: "Уготовихся и не смутихся". Непостижимы для нас пути Промысла Божия. Не можем мы их понять. Поэтому со всем смирением предаюсь в волю Божию. В предании себя и всего в волю Божию обретаю мир душе моей. Твердо верю, что все в руках Божиих... Чаю жизни будущего века..."

К описываемому времени монахов в Оптиной пустыни оставалось немного. В особенности заметно было отсутствие молодых послушников. По видимому, их не удовлетворяла работа в "сельскохозяйственной артели", ибо работать приходилось много и требования к ним предьявлялись строгие. Работающим в артели не всегда представлялась возможность участвовать в церковных богослужениях, да и для келейной молитвы времени оставалось очень мало. Из молодых до

Иеромонах Никон (Беляев)

конца оставался в монастыре один брат Илья Жирнов (впоследствии иеромонах Иоанн), он скончался в ссылке. Это он держал посох во время последних служений епископа Михея. Оставшиеся иноки твердо решили не уходить из монастыря.

Каждый день и каждый час ожидали всего — изгнания, ареста, тюрьмы, ссылки, смерти...

Возникшее в начале 20-х годов брожение среди отдельных представителей Русской Церкви, приведшее к расколу и разъединению, усугубило скорбь оптинских старцев, твердо державшихся Православия и правил святых отцов.

Обновленческая или "живая" церковь, возглавляемая преимущественно "белым духовенством", вначале заинтересовала некоторую часть не твердо верующих христиан. Их, в основном, привлекала новизна. Основатели раскола вознамерились обновить и оживить Церковь самочинно, явно нарушая правила Вселенских и Поместных соборов, отвергая их постановления и вводя свои, новые порядки. Женатые епископы, второбрачные священники, служба на русском, якобы более понятном, языке, ослабление постов и многие другие изменения внесли они, основываясь на том, что правила церковные устарели, не соответствуют духу времени, а потому и не затрагивают ума и сердца христиан. Гражданская власть явно покровительствовала "обновленцам", вносящим разъединение, смуту и расстройство в Церкви Православной. Обновленческая церковь просуществовала недолго, постепенно умирая, она закончила свое существование в начале 30-х годов, просуществовав не более десятилетия, и, как срублен-

ная со здорового дерева гнилая, не приносящая плода ветка завяла, засохла и превратилась в прах.

В 1923 г. сельскохозяйственная артель "Оптина Пустынь", при помощи которой кое-как держался монастырь, закрылась. Бывший монастырь перешел в ведение Главнауки и, как исторический памятник, был наименован "Музей Оптиная Пустынь". Монастырь не имел никаких достопримечательностей в историческом и художественном отношении, но имя его было тесно связано с именами выдающихся русских писателей, пользующихся и доньше мировой известностью. Цвет русской культуры, наиболее яркие представители ее, наравне с массой простого народа, стремились сюда, в этот тихий, удаленный от мира монастырь, к старцам. Что привлекало их сюда, как не искание Истины?..

(...) В ведение музея отошли храмы, кладбище, трапезная, скит, в котором так и не удалось устроить дом отдыха, и 70 гектаров векового монастырского леса, объявленного государственным заповедником. Лес этот, по мнению знатоков, был единственным в средней полосе России, где сохранились реликтовые растения.

Монастырские здания, в которых размещалась раньше братия, были заняты детским домом, конторой музея и квартирами служащих и рабочих совхоза, лесозавода и музея. Большая же часть помещений сдавалась музеем под квартиры дачникам, что приносило немалый доход. В бывшей трапезной были устроены отделы тканей (экспонатами были преимущественно взятые из ризницы монастыря облачения) и отдел флоры и

фауны. В Скиту келии старцев, по указанию бывшего келейника старца Нектария о. Севастьяна*, были восстановлены в их первоначальном виде как внутри, так и снаружи.

В качестве рабочих и сторожей при музее было оставлено человек 20 монахов. Всем остальным было приказано оставить бывший монастырь и уходить куда угодно.

С великой скорбью покидали дорогую обитель оптинские иноки. Большинство переселилось в Козельск. Некоторые поселились в ближайших деревнях: Стенино и Прыски. Немногие уехали на родину. Епископ Михей, архимандрит Исаакий, иеромонах Досифей (братский духовник, сменивший старца Нектария) и другие старшие братья поселились в Козельске на квартирах.

По настойчивой просьбе крестьян дер. Стенино, ближайшей к монастырю, в Оптиной был оставлен для богослужений Казанский храм. В этом храме было разрешено служить монахам: "Молитесь сколько хотите, но помещения здесь не будете иметь. Ходите из города, из села, откуда угодно...", — так сказано им было начальством.

О. Никону, вместе с некоторыми другими монахами, как члену товарищества бывшей сельскохозяйственной артели не предъявляли требования оставить монастырь до полной ликвидации дел артели и сдачи всего имущества музею. Архимандрит Исаакий, отслужив последний раз соборно Литургию, обратясь к о. Никону, сказал: "О. Никон! Мы уходим, а ты останься. Будут приходить

* См. "Надежду", вып. 7.

богомольцы. Тебя благословляю служить в храме и принимать на исповедь приходящих. А иеродиаконом с тобой останется о. Серафим”.

О. Никона приглашали быть приходским священником и в городе, и в села, ибо многие уже знали о нем, как о выдающемся священнослужителе. А жители дер. Стенино, постоянные посетители монастыря, умоляли его не оставлять Оптину. У о. Никона было желание не покидать обитель до последней возможности. Благословение о. Архимандрита на служение в Казанском храме он принял как проявление воли Божией, а от приглашения на приход отказался.

И вот почти ежедневно, вместе с иеродиаконом Серафимом о. Никон совершал Божественную службу в Оптином Казанском храме. Жил он в то время в одной из башен, на 2-м этаже. А рядом с ним, в одной келии, помещался о. Серафим. Переселившись в Козельск и ближайшие деревни, братия часто приходили в Оптину в храм. Иеромонахи и иеродиаконы служили в нем.

О. Никон никогда не желал и не искал начальственных должностей. Но волею судеб Божиих именно ему пришлось последним покинуть дорогую обитель. Ему был поручен храм и ключи от него. И он служил в нем до последнего дня. В Оптину пустынь по-прежнему стремились верующие люди, чающие духовного утешения и нуждающиеся в совете. И как бы благословляемый свыше на трудный и спасительный подвиг, о. Никон принял на себя не только обязанность духовника, но и старца.

Он был очень строг по отношению к себе. До того времени, когда о. Архимандрит оставил его в Оптиной пустыни и поручил принимать бого-

мольцев, он не дерзал давать советы обращающимся к нему. И только после благословения о. Архимандрита он начал принимать народ, а когда давал советы, то, боясь возникновения тщеславия, всегда ссылался на слова старцев оптинских. Только впоследствии, умудренный благодатию Божией, он, когда советовал что-либо, основывал свои слова на словах евангельских, псаломских и на изречениях св. отцов Церкви.

Одна из искренно преданных ему духовных дочерей, Шамординская монахиня Амвросия, вспоминая то время, рассказывала, какое впечатление произвел на нее о. Никон, когда она впервые увидела его:

”Панихиды по почившим старцам большею частью служил молодой о. Никон, всегда строгий, сосредоточенный. Я думала, глядя на него: ”Вот истинный монах-подвижник!” После панихиды богомольцы обращались к нему с различными вопросами. Иногда до меня долетало несколько слов. Кто-то сказал: ”Это так...” — ”Так никогда не бывает...” — последовал ответ о. Никона. — ”Как хорошо встретить смерть с молитвой! А для этого надо навыкнуть, пока здоровы... Как скорби переносить? Положиться на волю Божию. А о тех, кого считали виновниками, думать, как у преп. Марка Подвижника написано, что они — только орудия нашего спасения...” Слова о. Никона производили на меня сильное впечатление. И вспомнился мне прочитанный когда-то рассказ об одном капитане, который, когда его корабль затонул, стоял на капитанском мостике и молился до тех пор, пока все матросы спаслись на лодках и других предметах. Вдруг он увидел раз-

верзшиеся небеса и в них, в неизреченном свете, Христа Спасителя... Этот рассказ невольно пришел мне на память, когда я стояла сзади всех и смотрела на о. Никона”.

Немного ранее Оптиной пустыни закрылась и сельскохозяйственная артель в Шамординской женской пустыни. Часть монахинь рассеялась, остальные переселились тоже в Козельск, поближе к Оптиной. Монахиня Амвросия, вместе с тремя близкими по духу старцами, тоже жила в Козельске. Это была весьма высокого духовного устройства монахиня, явно озаренная светом Истины Христовой и глубоко воспринявшая святые заветы евангельские. Как все светлое влечет к себе взоры, так и личность монахини Амвросии неведомой силой притягивала к себе сердца искренно ищущих спасения. Вскоре после водворения ее в Козельске к ней присоединились для совместного жительства еще несколько сестер, желающих проводить иноческую жизнь под ее руководством. Таким образом составила небольшая община. Кроме того, многие из приезжающих в Козельск монахинь и благочестиво настроенных мирян останавливались у нее.

О. Никон, когда жил еще в Оптиной, часто приходил к м. Амвросии в ее саму собой устроенную общину, исповедовал готовящихся к св. Причащению, давал советы, наставлял, предостерегал, утешал...

В том же 1923 г. о. Никон был очень болен и больше месяца пролежал в постели с очень высокой температурой. У него был тромбофлебит больной ноги. Лечил его доктор А. В. Казанский, служивший врачом в бывшей монастырской боль-

нице, и м. Амвросия, по специальности тоже врач. Службы в храме во время болезни о. Никона совершал другой, назначенный о. Архимандритом, иеромонах. Мать Амвросия не отходила от больного и во все время болезни помещалась в соседней келии. Она внимательно и заботливо лечила его, всячески оберегая его покой. А когда снизилась температура и состояние его несколько улучшилось, о. Никон вновь начал, хотя и лежа в постели, принимать приходящих к нему.

В начале 1924 года начал распространяться слух о неминуемом закрытии последнего храма в Оптиной пустыни. Вскоре слухи оправдались, и в июне этого года Казанский храм закрыли, заколотив двери его досками. О. Никон продолжал жить в Оптиной и принимать всех, желающих беседовать с ним, но помещался уже в другой келии, за бывшей монастырской лавкой, "на лестнице".

В это время в Оптиной пустыни, кроме оставленных при музее монахов, жило немало монахинь-работниц бывшего монастырского скотного двора, а также и некоторые Шамординские сестры нашли там себе приют, устроившись на работу в семхозе, больнице и других учреждениях. Большинство этих монахинь были духовными детьми о. Никона. Когда храм закрыли, они собирались или в одну келию, или в больничную кухню, при которой работали и жили две родные сестры, монахини. О. Никон служил всенощные бдения. В таких случаях приходили его духовные дети, монахини, и из Козельска. Последняя всенощная, совершенная о. Никоном в Оптиной пустыни, была 15 июня 1924 г. После все-

нощной о. Никон произнес слово наставления и увещания и в конце, между прочим, упомянул, что через несколько дней он должен будет оставить Оптину пустынь. Многие плакали, а он, обратясь к ним, сказал:

”Вот, чудесненькие! Ведь я — монах. Давал обеты терпеть всякое озлобление, и укоризну, и поношение, и изгнание. И если это сбывается, если это терплю, то радоваться подобает, так как свершается чин пострижения на деле, а не унывать. Сказано: ”Радоватися подобает, егда во искушения впадаете различна”. Помню я, когда еще был братом Николаем, батюшка Варсонофий сказал надо мною молитвенно такие слова: ”Господи! Спаси сего раба Твоего! Буди ему Помощник! Защити его, когда он не будет иметь ни крова, ни приюта!..”

Иноки оптинские, поселившись в Козельске, начали новую жизнь, непривычную, скорбную, притрудную. Некоторые из них купили домики и жили по несколько человек вместе. Последний оптинский архидиакон о. Лаврентий Левченко (впоследствии иеромонах; умер в ссылке) был одним из таких счастливых. У него все члены семьи — отец, мать и три сестры были монашеские. К ним присоединились еще некоторые из оптинской братии, и они имели больше удобств, по сравнению с другими, к прохождению монашеской жизни. Источником их материального существования была кустарная мастерская по изготовлению валеной обуви, которую они устроили в своем доме. Валенки, изготовленные ими, славились своей добротностью и высоким качеством выделки и пользовались боль-

шим спросом. Недалеко от о. Лаврентия, на той же окраинной улице, именуемой Малое Заречье, снимал отдельный домик о. Архимандрит. Он жил с двумя келейниками. Некоторые из старых монахов соединились на жительство со своими родственницами, монахинями, тоже изгнанными из монастырей, которые и обслуживали их. Как и чем жили оптинцы, — об этом знает один Господь.

Тяжело было оптинской братии жить в городе, хоть и небольшом, посреди суеты мирской. Тяжело было остаться без крова и без куска хлеба, не имея никаких перспектив на будущее. Многие из них изнемогали и под тяжким бременем новых условий жизни, и от постоянного, томительного, выматывающего силы души и тела ожидания грядущих бедствий. Единственным их утешением была молитва. И Господь, видя изнеможение рабов Своих, послал им великое утешение, поддерживая и укрепляя их. Как раз к тому времени, когда закрыли в Оптиной Казанский храм и службы Божии прекратились в святой обители, в Георгиевском храме Козельска освободилась вакансия священника. И чудесно все устроилось так, что в храме этом все должности заняли иноки оптинские. Настоятелем стал бывший монастырский "старший рухольный", иеромонах Макария (умер в ссылке). Архидиаконом — о. Лаврентий. Обязанности псаломщика исполнял иеромонах Савватий. Когда же к ним присоединился бывший оптинский благочинный и уставщик, иеромонах Федот, то по его инициативе был создан небольшой хор из живущих в Козельске монахов. Даже пономарем был монах

— о. Клеопа. Он же был сторожем церковным и звонарем. Таким образом, получилось нечто вроде маленького монастыря. Служили, правда, сокращенно, чтобы не утомлять непривычных к продолжительным служениям горожан, но само служение и пение было прежнее, оптинское. И это было милостию Божией, утешающей и ободряющей. По большим праздникам и другие иеромонахи, изредка и о. Архимандрит принимали участие в служении. А из близлежащих деревень приходили поселившиеся там иноки и тогда пели на два клироса. Козельских граждан весьма привлекала монастырская служба, и храм всегда был полон молящихся. Это был прекрасный двухэтажный храм. В нижнем ярусе было три придела. Главный — в честь свят. Василия Великого и боковые — в честь великомученика Георгия Победоносца и великомученицы Параскевы Пятницы. Темного дерева резной иконостас, выдержанный в строгом стиле и хорошей живописи, образа во весь рост, без окладов, производили приятное впечатление. Верхний храм был в честь и славу Боголепного Преображения Господня и был весь белый, светлый и радостный.

К этому времени монашествующих обоего пола в Козельске собралось много. Некоторые издалека приезжали и селились на жительство, привлеченные присутствием оптинцев. Это скопление уже тогда обратило на себя внимание местного начальства. Вскоре в Козельской газетке появилась статья, в которой, между прочим, было написано о том, что "у нас был один монастырь, а теперь стало два" и что "по вечерам из каждого переулка и из-за каждого угла выползают "черные вороны"..."

"Образ буди верным словом, житием, верою, духом, чистотою..."

"Коль красны ноги благовествующих мир, благовествующих благая..."

О. Никон переехал в Козельск в конце июля 1924 г. Зная неминуемость своего переезда, он заранее нашел себе квартиру на Благовещенской улице. Там уже жил о. Кирилл Зленко, тот самый брат Кирилл, с которым он когда-то, в дни своей юности, полагал начало мироотреченной жизни в Скиту под руководством старца Варсонофия. О. Никон занимал отдельную половину небольшого дома. Два окна его келии выходили на улицу и были всегда занавешены белыми занавесками. Кроме этой, была еще небольшая боковая комнатка с окном в сад. Хозяйка дома была старая женщина, одинокая, очень спокойная и молчаливая. Келией своей о. Никон был вполне доволен. В ней было достаточно тепло, сухо, а главное — тихо. Никто и ничто не нарушало мирной жизни, так как улица была малопроезжая.

Незадолго до переселения о. Никона в Козельск в Успенском соборе распался и без того немногочисленный хор певчих-любителей. Соборный приход был бедный, и привлечь певчих у него не было средств. О. Никон охотно согласился на предложение настоятеля и церковного совета петь в соборе во время богослужений по праздничным дням. Он собрал несколько человек братии, умеющих петь, и таким образом под его руководством составилась небольшой, из 6-7 человек, муж-

ской монашеский хор. Кроме о. Никона, пели: о. Геронтий, бывший келейник старца Варсонофия Григорий Ермаков (умер в ссылке), о. Родион — впоследствии иеромонах Рафаил, дважды бывший в ссылке и скончавшийся в Козельске в 1950 г., о. Василий, бывший оптинский канонарх, о. Акакий, о. Игнатий и другие. Певцы, кроме о. Никона и о. Василия, не обладали певческими данными. Голоса их звучали слабо. Но дивные оптинские напевы, оглашающие своды старинного собора, услаждали слух молящихся больше, чем самый лучший хор.

Приблизительно в это же время в соборе чудесным образом появилась икона Божией Матери "Нечаянная радость". История ее явления едва ли сохранилась у кого-либо в памяти. Известно только, что появление ее было необычайно, о чем настоятель собора о. Сергей Протопопов поставил в известность всех прихожан и предложил совершать перед иконой в один из дней седмицы акафистное пение, что и исполнялось, пока не закрыли собор. Чудный оптинский напев "Радуйся, нечаянную радость верным дарующая", почти повсеместно забытый, в устах иноков звучал проникновенно и трогательно.

Если читатель вспомнит, еще в детстве и юности о. Никон особенно чтил эту икону. И помня слова своего дорогого старца Варсонофия: "Случайного ничего нет в нашей жизни. Даже то, что кажется нам пустяками, имеет глубокий смысл и значение..." — о. Никон принял появление в соборе образа Божией Матери "Нечаянная Радость" как чудо, как милость Божию. Когда-то он был принят в Скит неожиданно в день празднования

Божией Матери образа Ея "Нечаянная Радость". Тогда поистине была для него радость нечаянная. И теперь, изгнанный из монастыря, он в бедном Козельском соборе обрел нечаянную радость в лике Богоматери, явно покровительствующей ему и подающей тайное радование духовное. Он усмотрел в этом незримое благословение Ея на служение в этом соборе.

Возможно, что именно по этой причине о. Никон не принимал участия в служениях в Георгиевском храме, где сосредоточилось большинство оптинской братии. Еще в Оптиной пустыни он начал пользоваться большой известностью как духовник. В Козельске братским духовником продолжал оставаться в основном о. Досифей. Большая же часть монахинь Шамординской пустыни и других монастырей, немало мирских, живущих в городе и его окрестностях, а также и приезжие избрали духовным отцом своим и старцем о. Никона. Можно предположить, что и из предосторожности, чтобы не создавать слишком большой наглядности, он служил только в соборном храме.

Служил о. Никон довольно часто. Настоятель собора о. Сергей и второй священник о. Григорий иногда просили его служить, в тех случаях, когда сами почему-либо не могли. Кроме того, он всегда служил в дни особо почитаемых им святых и в памятные для него дни.

Служение его было прекрасно. Спокойно, ровно, не торопясь, просто, без интонаций и "выразительности" проникновенно звучал его голос. Благоговение и священный трепет, с которыми предстоял он престолу Божию, передавались и мо-

лящимся. Здесь, в соборе, впервые, если не считать келейных богослужений, он начал произносить проповеди. В Оптиной не принято было произношение проповедей, кроме исключительных случаев. Там читались печатные поучения. Однажды, на 5-й неделе Великого поста, за ранней обедней, когда иеродиакон, служивший с ним, начал читать Евангелие, о. Никон, стоя на горнем месте, слушал святое благовествование. И поразили его слова: "Се восходим во Иерусалим и предан будет Сын Человеческий..." Вспомнился ему Скит, старец Варсонофий и все то скорбное, что обрушилось на них в то время... Сердце о. Никона затрепетало при этом воспоминании, и появилось непреодолимое желание сказать молящимся что-либо поучительное. По укоренившейся привычке ни одного дела не начинать без благословения старших, он обратился к служившему с ним иеродиакону, так как в алтаре, кроме них, никого не было. Ответ иеродиакона был утвердительный, и о. Никон в положенное время начал говорить. Темой для проповеди было только что прочтенное Евангелие.

"Иерусалим, — говорил он, — в духовном смысле означает Царство Небесное. Восхождение в него есть жизнь земная каждого верующего человека, содейвающего свое спасение. Умилительно это изложено в стихире на "Хвалитех" великого Страстного понедельника: "Грядый Господь к вольной страсти, Апостолом глаголаше на пути: се восходим во Иерусалим, и предастся Сын Человеческий, якоже есть писано о Нем. Приидите убо и мы, очищенными смыслом шествуем Ему, и сраспнемся, и умертвимся Его ради житейским

сластем, да и оживем с Ним, и услышим вопиюща Его: не к тому в земный Иерусалим, за еже страдати, но восходжу ко Отцу Моему, и Отцу Вашему, и Богу моему, и Богу вашему, и совозвышу вас в Горний Иерусалим, в Царство Небесное". Спасаящемуся о Господе необходимо предлежат степени восхождения в Горний Иерусалим. На жизненном пути неизбежно встречаются его скорби и искушения. К ним нужно быть готовым. Наша немощь человеческая не хочет их, часто забывает о неизбежности их и желает лишь земного счастья. Обратите внимание, что даже св. Апостолы, до получения дара Духа Святаго и дара разуметь писания, не были чужды желаний временной славы и счастья, как и повествуется в Евангелии. После слов Христа о грядущих скорбях и смерти сыновья Зеведеевы просят у Христа почестей временного царства Его, которого они тогда ожидали. Но, вместо этой почести, — чашу смерти обещал Христос пить друзьям Своим. Посему, если видим жизнь нашу исполненную скорбей и неисполненных надежд и желаний, да не унываем. Так должно быть..."

/.../ Заручившись благословением о. Архимандрита, о. Никон с этого времени всегда, когда служил, говорил слово назидания. Чаше всего он в своих проповедях пояснял какой-либо псалом или же содержание прочитанного в этот день Евангелия. Одна из его духовных дочерей вкратце записывала сказанное, потом разрабатывала и дополняла, а затем отдавала о. Никону для проверки.

Так сохранились в рукописях некоторые из его поучений: пояснение псалма 136-го "На реках

Вавилонских”, псалма 100-го ”Милость и суд”, слова: ”Наставит кроткия на суд” из 24-го псалма, ”Во псалтири десятиструннем пою Тебе” из 143-го псалма, ”Готово сердце мое”, псалом 56-й и другие.

Для того, чтобы читатель смог получить представление о проповедях о. Никона, приведем здесь краткую выдержку из его слова перед молебном Спасителю в честь Нерукотворного Образа Его, 16 августа 1925 года:

Луки, 9, 51-56; 10, 22-24

”Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

В нынешнем Евангелии вы слышали такие слова: ”Иисус утверди лице Свое идти во Иерусалим...”, решил приготовиться идти в Иерусалим на подвиг Свой. В духовном смысле это означает, что всякий христианин, который, подобно Христу, решил идти в Горний Иерусалим, то есть проводить духовную жизнь ради Царствия Небесного, должен ”утвердить лицо свое”, приготовить себя к этому путешествию, решиться на прохождение подвижнической жизни. Надо уготовиться и решиться, ибо путешествие это требует именно подвига, понуждения себя на совершение всех добродетелей, коими достигается Царство Небесное. Надо уготовиться и решиться, ибо самому совершению добродетелей противодействуют и противостоят различные скорби, соблазны, препятствия, прежде всего от людей, подучаемых врагом нашего спасения. Враг желает воспрепятствовать доброму намерению и внушает людям мира сего ненависть к рабам Божиим.

Как Христос на пути во Иерусалим не был принят жителями той страны, ибо ”лице Его бе грядуща во Иерусалим”, потому что Он имел вид стран-

ника, путешествующего во Иерусалим, так и всякого подвижника, раба Христова, не принимают люди мира сего, ибо он имеет вид человека, грядущего в Горний Иерусалим. Они не понимают его и не могут понять. Не понимают они его христианского подвига, они чужды ему, кажется он им неразумным, странным. И образ мыслей, и чувства, и понятия, и желания, и поведение — вся жизнь, даже наружный вид у человека, не живущего жизнью мира сего. И потому мир, враждебный Христу, восстает против тех, которые стараются жить по-христиански, гонят их, враждуют против них, не принимают их в свою среду. "Не приняша Его, яко лице Его бе грядуща во Иерусалим..."

/.../ Нельзя сказать, что проповеди о. Никона блистали красноречием. Блеска в них не было. Но они были просты, доступны, понятны. Все, что он говорил, было взято не из книг, а опытно узнано и пережито им самим. Проповеди его были насыщены твердой, непоколебимой верой в Бога и Его святые заповеди, и поэтому так сильно они действовали на души, внимающие им. В них поражало еще необыкновенно глубокое проникновение в смысл взятых для поучения слов. По-видимому, старец Варсонофий передал своему достойному ученику редкий дар вникать в смысл Священного Писания.

Служение о. Никона в соборном храме привлекло туда всех его духовных детей, преимущественно монахинь. Пустовавший доселе собор оживился и наполнился молящимися. После службы обычно все его духовные дети и почитатели подходили к нему, желая получить благословение, а иногда и спросить что-либо.

При воспоминании об этом перед глазами встает картина. Только что окончилась всенощная в соборе. Лампады перед образами почти погашены (масло сэкономили). Полумрак. Молящиеся не расходятся. Они ждут о. Никона. И вот от алтаря идет наш дорогой отец и наставник. В полумраке собора, казалось, мелькнул светлый луч. Это его благолепное лицо излучает свет и теплоту. Весь его облик производит на души общающихся с ним отрадное впечатление, навеивает тишину, мир и спокойствие...

О. Никон вместе со всеми оптинскими братьями остро переживал изгнание. Большим утешением для него была возможность присутствовать в храме и совершать в нем Божественную службу. Утешало и то, что он — не один, что братия оптинская, хоть и разбросанная по городу, но все-таки имела возможность общаться друг с другом. Ближе всех по духу был ему о. архимандрит Исаакий. Отец Никон часто бывал у него, в его уединенном домике. Вспоминая милую их сердцу Оптину, такую близкую по расстоянию и ставшую такой недостижимой, они иногда пели свои излюбленные церковные песнопения.

Как монах, о. Никон был всегда безупречен. Таким он оставался и в Козельске, высоко неся монашеское знамя, свято храня обеты свои до конца дней своих, не нарушая их ни словом, ни делом. Изгнанный из монастыря и как будто бы предоставленный самому себе, он ни одного дела не начинал без благословения о. Архимандрита, а иногда ездил в село Холмищи к о. Нектарию, который, по-видимому, был его старцем.

Когда о. Никон переехал в Козельск, ему было 36 лет. Полный сил и энергии, он всю свою жизнь посвятил служению Богу. Число его духовных детей постепенно увеличивалось. Старец Нектарий многих приезжающих к нему в Холмищи посылал к о. Никону. И не только старец, но и о. Архимандрит, и о. Досифей, и о. Мелетий направляли к о. Никону обращающихся к ним. А он, за святое послушание, принимал всех.

Твердо памятуя слова Апостола: "Образ буди верным словом, верою, духом, чистотою", он был прекрасным образом пастыря, душу свою полагающего за овец своих. Не щадя ни сил, ни здоровья, он приносил в жертву свои желания, свои личные стремления и интересы ради спасения душ пасомых. Сколько внимания, сколько заботы и любви отеческой проявлял он по отношению к каждому, обращающемуся к нему! Многим старым, бессильным и больным, не имеющим возможности заработать себе на пропитание, помогал он материально, деньгами и продуктами, делась с ними тем, что присылали или приносили ему...

Своих духовных детей о. Никон принимал ежедневно. В дому, где он жил, при кухне, за русской печью, была маленькая комнатка с одним окном на улицу. В ней помещались ожидающие приема. Иногда приходящих собиралось так много, что некоторым негде было сесть, и не только комнатка, но и вся кухня заполнялась людьми.

Обычно о. Никон выходил из своей комнаты и сам, по своему усмотрению, приглашал кого-либо к себе. С наступлением темноты лампу он не зажигал, и комнату освещала одна лампада перед

образами. О. Никон усаживал проходящего, а сам садился напротив, возле икон... Во время исповеди, по оптинскому обычаю, исповедующийся всегда становился на колени. О. Никон как-то сказал, что "исповедь — это духовный суд. Исповедник — судья, а исповедующий свои грехи — преступник. А кающемуся преступнику подобает иметь не только душевное сокрушение о содеянном зле, но и телесно выражать свою виновность, ибо душа и тело человека неразрывны".

Исповедовал о. Никон изумительно хорошо. Он умел так расположить к себе человека, наводящими вопросами раскрыть перед ним, а вернее, перед Богом всю душу, что кающийся забывал свой ложный стыд и уже не замечал, как его уста легко и свободно открывают грехи, о которых он много лет умалчивал, тая их в себе. Этот дар проникновения в душу, по-видимому, о. Никон получил от старца Варсонофия, дополнив полученное внимательной, трезвенной своей жизнью. Очищенная душа после такой исповеди сверкала белизной и чистотой, человек выходил от о. Никона как бы возрожденный, омытый, очищенный от грязи. Какое блаженство ощущала очищенная совесть после такой исповеди!

Во время исповеди о. Никон не ограничивался одним принятием и разрешением грехов. Одновременно, по мере надобности, он давал совет, указание, предостережение. Иногда накладывал епитимию. Он весьма внимательно и мудро учитывал не только возраст своих духовных чад, но принимал во внимание и воспитание, и образование, и характер, и окружающую среду...

От своих духовных детей о. Никон требовал беспрекословного послушания, искренности и простоты. Он не выносил самочинников, любящих исполнять свою волю и настаивать на своем мнении, не выносил двоедушия, хитрости, лукавства и лжи...

Утром и днем о. Никон никого не принимал, за исключением своих оптинских братьев, приезжих или тех, кому необходимо было экстренно побеседовать с ним. Помимо исполнения всего монашеского молитвенного правила, он отвечал на письма своих духовных чад. В этом деле отчасти помогал ему о. Кирилл.

О. Никон никогда никому не отказывал, если кто-либо из духовных чад приглашал его к себе отслужить молебен или панихиду. В дни особо чтимых им святых, когда не было всеобщей в соборе, он служил всеобщие. Чаще всего в квартире м. Амвросии или у других сестер, — там, где позволяло помещение.

К м. Амвросии, в ее общину, о. Никон приходил раз в неделю, а иногда и чаще, для духовного собеседования. В общине собралось уже около десяти человек сестер, не считая приезжающих, иногда подолгу живущих в ней. Мать Амвросия со своей общиной занимала весь верхний этаж дома и таким образом была изолирована от посторонних. Ко дню прихода о. Никона сестры по обыкновению приготавливали заранее интересующие их вопросы. Входя, о. Никон сначала молился пред образами, обратясь к присутствующим, произносил: "Мир вам и спасение", а иногда: "Мир дому сему". Благословив каждого, он садился на приготовленное для него место, остальные уса-

живались вокруг, и начиналась духовная беседа. Если в это время у м. Амвросии был кто-либо из приезжих, о. Никон иногда беседовал с ними в отдельной комнате, в тех случаях, когда были вопросы личного характера.

Некоторые из наставлений о. Никона сохранились у его духовных чад, чтущих блаженную память о нем.

“...Монашество падает не только потому, что не проходитя молитва Иисусова, но и оттого, что не следим за собой, за чистотой своего сердца...”

“Надо терпеть не только постигающие скорби, но и себя терпеть надо...”

“Мимолетные мысли, к которым сердце не прилепляется, быстро проходят, как в калейдоскопе. Ум наш никогда не останавливается, всегда занят. Дурные мысли не надо считать своей неотъемлемой собственностью, они не от нашего естества. Не может один и тот же ум и славословить Бога и хулить. На такие мысли не надо обращать внимания, надо выбрасывать их, как сор, как нечто постороннее. Если же какая-либо дурная мысль неотступно приходит на ум, и сердце к ней прилепляется, сочувствует ей, тогда надо приложить все силы, чтобы выбросить ее с помощью молитвы Иисусовой и исповеданием старцу. Надо знать, какая страсть беспокоит более всего, с ней и нужно бороться особенно. Для этого нужно ежедневно проверять свою совесть...”

“Молитвенное правило пусть будет лучше небольшое, но исполняемое постоянно и внимательно... Пятисотницу лучше одной выполнять. Одно-

образе произносимых слов для проходящих молитву Иисусову очень важно. Ум не рассеивается. Собранность ума...”

”Боязнь смерти — от бесов. Это они вселяют в душу такой страх, чтобы лишить надежды на милосердие Божие...”

”Исполняйтесь Духом...” (в день Св. Троицы). Что это значит? Ведь мы сподобились получить дары Св. Духа при крещении. А многие ли помнят об этом? Мало получить, надо сохранить, усовершенствовать, умножить. Для этого надо возгревать ревность. Как?

1. Читать Священное Писание, которое написано Св. Духом. От Священного Писания и веет Он. Никакое светское удовольствие не может дать того мира, той радости, которая дается Св. Духом.

2. Внимать себе.

3. Часто участвовать в св. Таинствах. Через них Св. Дух сообщается человеку.

4. Посещать часто святые храмы, ибо это место особого присутствия Св. Духа.

5. Молитва. Особенно молитва ”Царю Небесный”. Ее с особенным благоговением надо выслушивать не только в церкви, но и во время работы произносить, испрашивая помощи Св. Духа...”

”Монашеская одежда нам дана для того, чтобы отличаться ею от мирских, чтобы она напоминала нам об этой жизни. Надо смотреть на цель. В настоящее время, когда нет монастырей, ее можно снять и носить простую, скромную одежду, чтобы не выделяться...”

”На подаяние жить опасно. Можно привыкнуть

к попрошайничеству. Одно дело — для других просить, а другое — для себя. Милостыню можно принимать в крайней нужде, но так, чтобы она не послужила поводом для огорчения кого-либо. За благодетеля, оказавшего помощь, надо, по возможности, молиться...”

”Если нет болезни или вообще какой-либо немощи, то соборование не обязательно, потому что при соборовании молятся об исцелении. Молятся о телесном и душевном здравии. Телесное здоровье не всем и не всегда дается, ибо Господь знает, что для нас полезнее, а душевное — всегда подается...”

”Полное беспечалие бывает при полном послушании, по вере в духовного отца...”

”/.../ Вот перед нами патриархи, жившие, как странники, пророки, апостолы, которые проповедуя св. Евангелие, терпели такие скорби, мученики, священнослужители, жертвовавшие своею жизнью, преподобные, на земле достигшие ангельской жизни, благочестивые люди обоих полов и различных возрастов, среди житейских дел сподобившиеся святости, и, наконец, великие грешники, чрез покаяние достигшие святости. Возьмем себе в образец святого, подходящего к нашему положению, и будем опираться на его пример. Все святые страдали потому, что они шли путем Спасителя, Который страдал — был гоним, поруган, оклеветан и распят. И все идущие за Ним неизбежно страдают. ”В мире скорбни будете”. ”И вси желающие благочестно жити, гонимы будут”. ”Аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушение”. Чтобы легче переносить страдания, надо иметь веру крепкую,

горячую любовь ко Господу, не привязываться ни к чему земному, всецело предаться воле Божией...” (Из беседы в день всех святых).

”На кощунствующих надо смотреть как на больных, от которых мы требуем, чтобы они не кашляли и не плевали...”

”Если нет возможности исполнить обет послушания, некому повиноваться, надо иметь готовность все делать согласно воле Божией. Есть два вида послушания: внешнее и внутреннее. При внешнем послушании требуется полное повиновение, исполнение всякого дела без рассуждения. Внутреннее послушание относится к внутренней, духовной жизни и требует руководства духовного отца. Но совет духовного отца следует проверять Священным Писанием... Истинное послушание, приносящее душе великую пользу, это когда за послушание исполняешь то, что несогласно с твоим желанием, наперекор себе. Тогда Сам Господь берет тебя на Свои руки...”

”Врачей и лекарство создал Господь. Нельзя отвергать лечение”.

”При слабости сил и усталости сидеть в церкви можно. ”Сыне, даждь Ми сердце твое”. Лучше сидя думать о Боге, чем о ногах стоя, — сказал святитель Филарет Московский”.

”К священным книгам и освященным предметам надо относиться благоговейно. Прежде всего должно иметь страх Божий. Он научает благоговению. Он научает всему доброму. Небрежное, неблагоговейное обращение со святыней получается от привычки. И это не должно быть...”

”Хвалить кого-либо в лицо нельзя. Можно большой вред принести душе этого человека. Надо

иметь рассуждение. В некоторых случаях допускается даже неправду сказать ради пользы человека”.

”Когда старцу Варсонофию поручили сделать список книг для чтения скитским монахам, то он сказал, составляя список: ”Прости меня, святой отец, что я вычеркиваю твою книгу. Не хочу, чтобы нашедшие себе приют в русских монастырях стремились безрассудно на Афон. — Книга эта хорошая”.

”Если монах пребывает в мирском доме, то на него смотрят, как на мирянина. Нельзя монаху долго пребывать в миру. Как рыба без воды, так и монах вне монастыря...”

”Скорби иноков последнего времени утончены. При поверхностном взгляде на них нельзя признать их скорбями. Но это злохитрости врага нашего, дьявола. Испытания явные грубые и жестокие возбуждают в христианине пламенную ревность и мужество к перенесению их. Враг заменил грубые испытания слабыми, но утонченными и действующими очень сильно. Они не вызывают из сердца ревности, не возбуждают его к подвигу, но держат его в каком-то нерешенном положении, а ум — в недоумении. Они томят, постепенно истощая душевные силы человека, ввергая его в уныние, в бездействие, и губят, соделывая жилищем страстей по причине расслабления, бездействия, уныния. Это выражается тем, что иноки последних времен ожидают чего-то лучшего, говоря: ”Вот тогда и будем поститься и молиться, когда будут подходящие условия для этого”. Но Господь обещал искренно покаявшемуся простить его грехи, а о том, что мы доживем до завт-

рашнего дня, нам не обещано. Поэтому мы должны при всяких условиях, благоприятных и неблагоприятных, стараться жить по заповедям Божиим, исполнять обеты монашеские и всегда помнить слова: "Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения".

"Не надо давать волю своим чувствам. Надо понуждать себя обходиться приветливо и с теми, которые не нравятся нам".

"Верить приметам не должно. Нет никаких примет. Господь управляет нами Своим Промыслом, и я не завишу от какой-либо птицы или дня, или другого чего-либо. Кто верит предрассудкам, у того тяжело на душе. А кто считает себя в зависимости от Промысла Божия, у того, наоборот, на душе радостно".

"Иисусова молитва заменит крестное знамение, если почему-либо нельзя будет возложить его".

"Без крайней необходимости в праздничные дни нельзя работать. Праздником надо дорожить и чтить его. Этот день надо посвящать Богу: быть в храме, дома молиться и читать Священное Писание и творения свв. отцов, делать добрые дела".

"За старообрядцев можно молиться только домашней молитвой и только за живых, так как мы надеемся еще, что они обратятся".

"Пение гимнов или духовных стихов — не грех, но это хорошо для мирян. Хорошие мысли и мотивы настроение создают хорошее, не то что мирские песни. Но для монахов пение гимнов не подходит. Они отвлекают от молитвы. Разве может сравниться какое-либо, хотя и хорошее, пение, с молитвой Иисусовой? Она превосходит все. Она

высшая радость и утешение. Все остальное только мешает молитве. Пение — это мягчайшая пища, а монах должен твердой питаться”.

”Надо любить всякого человека, видя в нем образ Божий, несмотря на пороки его. Нельзя холодностью отстранять от себя людей”.

”В воскресенье не полагается за литургией никакого поминовения. Можно только на проскомидии поминать. Представьте себе: в день именин царя, во время торжества, кто-нибудь из простых людей сказал бы: ”И я именинник!” Это не шло бы к великому царскому торжеству. А во время воскресной Литургии празднуется воскресение Господне. Разве можно какого бы ни было человека сравнивать? Поэтому всякое поминовение опускается. И то уже послабление, что поют иногда ”Со святыми упокой”. Это — уже в наши времена и этого не следует...”

”Что лучше — редко или часто приобщаться Св. Христовых Таин? — сказать трудно. Закхей с радостью принял в свой дом дорогого Гостя, Господа, и хорошо поступил. А сотник, по смирению, сознавая свое недостойнство, не решился принять, и тоже хорошо поступил. Поступки их, хотя и противоположные, но по побуждению — одинаковые. И явились они пред Господом равно достойными. Суть в том, чтобы достойно готовить себя к великому Таинству”.

”Когда спросили преп. Серафима, почему в настоящее время нет таких подвижников, какие были раньше, он ответил: ”Потому что нет решимости к прохождению великих подвигов, а благодать та же, Христос тот же и во веки .

”Прежде всего нужно страх Божий иметь. Он

научает благоговению пред Богом. Он научает всему доброму. Надо делать все с благоговением. Иноку надо иметь и голос тихий и поступь скромную. Не только делать, но и говорить со страхом Божиим, обдумывая каждое слово, прежде чем его произнести. "Помни, — говорит святой Феофан, — что ты, говоря, рождаешь слово и оно никогда не умрет, но будет жить до Страшного Суда. Оно станет пред тобой и будет за тебя или против тебя". "От словес своих оправдишься и от словес своих осудишься..."

"Молиться только молитвой Иисусовой необязательно. Один молился молитвой Иисусовой. Другой, стоя в храме, со вниманием молился словами церковных молитв, употребляя вне церковных служб другие некоторые молитвы. И того и другого молитву одинаково слышит Господь. Но молитва Иисусова все превосходит. Батюшка Варсонофий говорил: "Можно березовыми дровами натопить печь, а можно и осиновыми. Лишь бы тепло было". Вся суть в том, чтобы в душе было молитвенное настроение".

"Молиться о том, чтобы кто-либо явился во сне, не следует. Любопытства не должно быть. А вообще о снах принято так думать: если святые являются нам во сне, то это — знак того, что они помогают нам своими молитвами. Обычно это бывает перед какими-либо важными событиями в нашей жизни. Если же являются близкие нам люди, то это — знак того, что за них надо молиться. Умершие потому называются покойниками, что они в покое находятся. Обращаться за помощью к покойным старцам и вообще неправославным святым надо так: "Со святыми упо-

кой, Господи, душу (имя рек) и его святыми молитвами помилуй нас”.

”О времени пришествия антихриста никто не знает, как сказано в Евангелии, но признаки скорого пришествия антихриста уже есть. Видя такое гонение на веру и стремление уничтожить ее, а также и многое другое, надо думать, что время это приближается. Но все же точно ничего нельзя сказать. Бывали и раньше времена, когда считали, что пришел антихрист, например, при Петре Великом, а последствия показали, что это было ошибочно, мир еще существует. Да и какой смысл в этом исчислении? Важно одно, чтобы совесть была чиста. Твердо держаться веры Православной, жизнь проводить нравственную, по заповедям Божиим, чтобы быть всегда готовым, а для этого надо, не откладывая на неизвестное будущее, пользоваться настоящим временем для того, чтобы покаяться и исправиться...”

”Смирение это нечто великое и божественное, а путь к нему — считать себя ниже всех. Что это значит — считать себя ниже всех? Не замечать чужих грехов. Смотреть на свои грехи. Постоянно молиться”.

”Помни монашеское правило — не начинать говорить самому, не быв спрошенным”.

”Противодействовать и бороться с людьми, причиняющими нам зло, не надо, не только словом или делом, но и в помыслах своих. Иначе бесы будут побеждать. За таких людей надо молиться. Тогда Господь поможет, и бесы отступят. Монах должен к смерти готовиться, поэтому надо всегда думать о том, чтобы встретить смерть в мире со всеми. Миряне этого не знают, поэтому и не придают значения немирствию...”

”Господь Иисус Христос, молящийся в саду Гефсиманском, есть до некоторой степени образ всякому духовнику в отношении духовных чад его, ибо и он берет на себя грехи их. Какое это великое дело и что только ему приходится переживать!”

”Во время молитвы бесполезно стремиться к высоким чувствованиям, надо только в смысл вникать произносимых слов, внимательно молиться и тогда, со временем, Господь даст и озарение духовное и умиление сердечное...”

”Созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют ее”, — сказано в Евангелии. Апостол говорит, что преломление хлеба, то есть таинство Евхаристии, будет совершаться до второго пришествия Господа. У преп. Ефрема Сирина сказано, что настанет время, когда жертва бескровная прекратится. Здесь как будто противоречие. Но нет. Надо так понимать: открыто служение в церкви не будет совершаться, но само таинство Евхаристии будет продолжаться до второго пришествия Спасителя”.

”Преп. Афанасий Печерский скончался. Его еще не предали земле, когда он очнулся. Сидя в гробе, на все расспросы братии отвечал только слезами. Наконец, после многих просьб, со слезами повторял только одно слово: ”Спасайтесь! Спасайтесь!” Ушел в затвор, молчал, постоянно плакал и через 10 или 14 лет скончался. Другой подвижник тоже обмирал и, когда проснулся, после долгих просьб братии, ответил: ”Братия! Верьте, что есть ад!..”

”Гонения и притеснения полезны нам, ибо они укрепляют веру”.

”Сила страданий — не в величине самих страданий, а в том, как человек переносит эти страдания. Иногда, по-видимому, ничтожные обстоятельства причиняют человеку величайшее горе. Надо сочувствовать. И один и тот же факт по видимости разным людям причиняет страдания в разной степени. Это зависит от того, как человек принимает их”.

”Под талантами надо подразумевать не только богатство, ученость, знатность. Таланты — это благоприятные условия для спасения души. Каждому из нас даны таланты. Бедность, болезни, различного рода скорби — это все таланты. Если человек данный ему талант употребляет духовно, для спасения своей души, — они приносят плод. ”В терпении вашем стяжите души ваша”. А тот, который зарыл в землю данный ему талант, означает человека, который по нерадению о спасении своей души употребил земную жизнь только на достижение земного благополучия, — зарыл талант в землю”.

”Надо все дурное, также и страсти, борющиеся нас, считать не своими, а от врага — дьявола. Это очень важно. Тогда только и можно победить страсть, когда не будешь считать ее своей...”

”Если хочешь избавиться от печали, не привязывайся сердцем ник чему и ни к кому. Печаль исходит от привязанности к видимым вещам”.

”Всякий грех, кроме хулы на Святого Духа, Господь простит, если раскаяешься. Хула на Святого Духа в том состоит, когда человек верит в Бога и знает, что не должен делать зло и делает сознательно, ибо в душе у такого человека такая злоба, что он не в состоянии обратиться к

Господу с раскаянием; апостол Павел, который до своего обращения преследовал христиан, когда обратился и от всей души раскаялся, получил прощение и сделался ревностным проповедником учения Христа. И апостол Петр. В какое время отрекся! Но — раскаялся, и Господь простил его”.

”Просите и дастся вам, толцйте и отверзется”. Многие из вас, не получая долго просимого, унывают. Унывать не следует. Вспомните, как Господь поступил с хананеянкой. Как она Его просила исцелить ее дочь! Даже апостолы стали умолять Господа, чтобы Он отпустил ее, а Господь даже с псом сравнил ее... А вы немного помолитесь и, не получая просимого, унываете. Это бывает оттого, что между сеянием и жатвой должно пройти известное время...”

”Малюта Скуратов, когда пришел к святителю Филиппу задушить его, то подошел и сказал: ”Благослови, Владыко”. Святитель сказал: ”Благословляю доброго на доброе”, — и благословил его...”

”Многие страдают так называемым ”совопрощением”. Постоянно задают себе и другим вопросы: ”А это почему? А это зачем? А это для чего?” Когда-то и я страдал этим недостатком. Но, когда я прочитал статью епископа Игнатия ”Судьбы Божии”, во мне произошел перелом. Я понял, что незачем испытывать судьбы Божии. Когда преп. Антоний Великий задумывался над подобными вопросами, то услышал голос: ”Человек, не твое дело испытывать судьбы Божии. Смирись”.

”Теперь могут быть такие случаи: последовать своей воле нельзя и спросить не у кого. Как же

поступить? Нужно подумать, как Господь поступил бы по Своей кротости... Заповеди Божии есть и были всегда основанием жизни... Предайтесь воле Божией...”

”Никогда не было, нет и не будет беспечального места на земле. Беспечальное место может быть только в сердце, когда Господь в нем”.

”В скорбях и искушениях Господь помогает нам. Он не освобождает нас от них, а подает силу легко переносить, даже не замечать их”.

”Молчание подготавливает душу к молитве. Тишина — как она благотворно действует на душу!”

”Мы, православные, не должны поддерживать ересь. Если бы и пострадать пришлось, — не изменим православию”.

”Закон Бога его в сердце его, и не запнутся стопы его”. Как достигнуть того, чтобы закон Бога был в сердце? Прежде всего закон Бога надо помнить. А для того, чтобы помнить, надо его знать или через слышанное, или через прочитанное. А чтобы узнать его, надо иметь желание, стремление к познанию закона Божия. Но недостаточно, чтобы только знать и помнить закон Божий. Холодное, умственное знание закона Божия безжизненно. Только принятие закона Божия сердцем дает ему жизнь. Сердце же у всех развращенное, и поэтому надо себя понуждать к принятию закона. ”Царство Божие нудится и только нуждницы восхищают е”. Надо стараться, чтобы вся жизнь, целиком, а не в известные часы и дни была построена по закону Божию. Надо всю свою деятельность расположить так, чтобы она была согласна с волею Божией. Только при таких условиях чисто будет наше сердце и только чистые сердцем Бога узрят”.

”Под словом ”мир” мы подразумеваем все то, что подвержено страстям, что далеко от Бога. Нам хорошо. Слава Богу! Мы живем в пустыне мира — можем в церковь ходить, можем побеседовать с единомышленными людьми. Слава Богу!”

”Не следует добиваться человеческой правды. Ищи только правды Божией”.

”Духовный отец, как столп, только указывает путь, а идти надо самому. Если духовный отец будет указывать, а ученик его сам не будет двигаться, то никуда и не уйдет, а так и сгниет около этого столпа”.

”С мирской точки зрения талантами считаются ум, ученость, музыкальные или художественные способности. Они не греховны и хорошо, когда такую способность совмещают с христианской жизнью, когда посвящают ее Богу. Если же эта способность мешает жить по Богу и спасти свою душу, то ее следует оставить. Лучше быть поглубее и попроще, но спастись. Что пользы тебе, если ты весь мир приобретешь, душу же свою погубишь?”

”Блаженни нищие духом, яко тех есть Царство Небесное”. Это надо понимать так: блаженны смиренные, сознающие свою греховность, свое недостойнство. Из первой заповеди вытекает вторая: блаженни плачущие. Кто сознает себя недостойным грешником, тот плачет о своих грехах. А сознающий свое недостойнство и плачущий о своих грехах не может подвергаться гневу. Он будет кроток по примеру Спасителя, Который сказал: ”Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем”. Исполняющие третью заповедь о безгневи и кротости всей душой будут желать

исполнения правды Божией и таким образом будут исполнять четвертую заповедь: "Блаженни алчущие и жаждущие правды". При исполнении всех заповедей сердце человека делается чистым. "Блаженни чистии сердцем". Исполнение заповедей преисполняет душу любовью ко Господу. Никакие страдания, ради Господа переносимые, не тягостны. "Блаженни вы, когда будут поносить вас, гнать и злословить за Меня". "Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах". Так гнали и пророков, бывших прежде вас".

"Когда священник, благословляя, произносит молитву: "Во имя Отца и Сына и Святаго Духа", тогда совершается тайна: благодать Св. Духа нисходит на благословляемого человека. И когда какой-либо человек хотя бы только устами произносит отречение от Бога, — благодать отходит от него, все его понятия изменяются, он делается совсем другим".

"Если тебя, пришедшую к кому-либо в дом, пригласят к столу и ты знаешь, что эти люди от души хотят угостить тебя, то садись и ешь без смущения. А если знаешь, что приглашение делается из приличия, то поостерегись..."

"В настоящее время люди века сего смотрят на нас, верующих, как на юродивых, как на глупых. Им не нравится наша православная вера, наши церковные постановления, правила и обряды. Они смеются презрительно над всем, для нас священным. Мне часто приходится слышать от верующих, вынужденных жить среди мира враждебного, как тяжело переносить им постоянные насмешки, глумление. А мне думается, что надо

честью для себя считать такое отношение. "Аще укоряеми бываеете о Христовом имени, блаженни, яко слава и Дух Божий на вас почивает", — сказал апостол Петр. Если над нами смеются, если нас не любят, значит — мы не от мира сего. Огорчаться и смущаться таким отношением к нам не следует".

"Прежде чем у Господа просить прощения, надо самой простить... Так сказано в молитве Господней".

"Ты считаешь себя не обидчивой. Но ты не обижаешься в таких вещах, которыми ты не интересуешься. Если же коснется того, чем ты дорожишь, — ты обижаешься..."

"Молчание полезно для души. Когда мы говорим, — трудно удержаться от празднословия и осуждения. Но есть молчание плохое, это когда кто злится и потому молчит".

"Всегда помните закон духовной жизни: если смутишься каким-либо недостатком другого человека и осудишь его, — впоследствии тебя постигнет та же участь, и ты будешь страдать тем же недостатком".

"Не прилагайте сердца к суете мирской. Особенно во время молитвы оставляйте все помыслы о житейском. После молитвы, домашней или церковной, чтобы сохранить молитвенное умиленное настроение, необходимо молчание. Иногда даже простое, по-видимому, незначительное слово может нарушить и спугнуть из души нашей умиление".

"Если монах живет в миру, не несет никаких подвигов и даже одежды монашеской не носит, — чем он отличается от мирянина? — Своей лю-

бовью к монашеству. Можно жить в монастыре, по видимости быть исправным монахом, но не любить монашества. Такой человек уже не есть монах”.

”Иисусову молитву святые отцы называют поучением, потому что, если будешь заниматься ею, она очистит твое сердце, а в чистом сердце Господь напишет Своими перстами все, что тебе надо знать. Никакое чтение, если бы ты прочла даже многие томы священных книг, не могут дать того знания, которое дает сердечная молитва”.

”Лучше прочитать не все молитвенное правило, по недостатку времени, но со вниманием. Страшные слова сказаны в Священном Писании: ”Проклят всяк, творяй дело Господне с небрежением”.

”Избранный Богом человек познается по тому, что ему постоянно посылаются скорби и печали. ”В трудах человеки не суть, сего ради одержит их гордыня до конца”. Мы должны жить в трудах и скорбях, должны получать раны”.

”Говеть” — значит благоговеть. Вести себя благоговейно пред причащением Св. Таин, ходить как бы в присутствии Божиим. Монахи, которые во всякое время должны благоговеть, пред причащением ”готовятся”.

”Чтобы осознать, чтобы увидеть красоту духовной жизни, ее надо испытать”.

”Самооправдание закрывает духовные очи, и тогда человек видит не то, что есть на самом деле”.

”Если скажешь про брата или сестру что-либо дурное, даже если это будет правда, то ты своей душе нанесешь неисцельную рану. Передавать о погрешностях другого можно только в том слу-

чае, когда в сердце твоём единственное намерение — польза души согрешившего”.

”Терпение есть непрерывающаяся благодущие”.

”Спасение ваше и погибель ваша — в ближнем вашем. Спасение ваше зависит от того, как вы относитесь к своему ближнему. Не забывайте в своем ближнем видеть образ Божий”.

”Всякое дело, каким бы ничтожным оно вам ни казалось, делайте тщательно, как пред лицом Божиим. Помните, что Господь видит все”.

+

Читая эти высказывания о. Никона, то небольшое из немногого, что сохранилось в записях его духовных детей, можно видеть духовное богатство, которым наградил его Господь. И хотя записывались они по памяти, и поэтому, возможно, не совсем точны, все же можно видеть, насколько они драгоценны, тем более, что произносились они в наше время...

День о. Никона был занят до отказа. К концу дня он уставал до изнеможения и, принимая последнего посетителя, едва сидел. Матери Амвросии, по достоинству уважая её и доверяя ей больше всех, он не один раз откровенно говорил, что ”часто сожалеет о невозможности всецело отдаться молитве...” Со скорбью он поведал ей однажды, что, обращаясь за разъяснением этого вопроса, беспокоящего его совесть, к святоотеческим книгам, он находил в них разноречивые высказывания. У Иоанна Лествичника приведены слова Ефрема Сирина к пастырю Николаю: ”Вредно желать руководить другими”. Арсений Великий

говорит: "Я люблю вас, братия, но не могу быть и с вами и с Богом". А в св. Евангелии сказано: "Что пользы вам, аще мир весь приобретаете, душу же свою отщетите". Старец Нектарий на этот смущающий о. Никона вопрос ответил, что "не надо уходить с поста, на который поставлен он не без воли Божией" и что "нет ничего пагубнее для монаха, как устраивать свою жизнь по своему смышлению". Старцу Нектарию он верил больше, чем кому-либо другому, зная его особую наблюдательность и способность понимать сущность вещей и предвидеть будущее. Отец Никон, услышав его ответ, решил всецело положиться на волю Божию, веруя, что возложенное на него, против его желания, пастырское бремя возложено Самим Богом...

/.../ Раз в неделю, а иногда и реже, в зависимости от погоды и состояния здоровья, о. Никон ходил в Оптину пустынь. Монастырь с внешней стороны остался почти без изменений. Музей, по мере возможности, поддерживал и сохранял его первоначальный вид. Отец Никон, вступая на землю обители, вдыхая ароматный воздух ее, отдыхал душою. Ранними утрами, когда не было видно людей и тишина царила вокруг, он, помолясь на запустевшие храмы, шел на могилу старца Варсонофия, а затем и на могилы других старцев, испрашивая у них благословения и святых молитв. И невольная грусть о потерянном земном рае наполняла его душу...

Обычно о. Никон ходил в Оптину пустынь в те дни, когда в амбулатории Оптинской участковой больницы не было приема. При больнице жили работающие там две его духовные дочери, род-

ные сестры Ирина и Анастасия. У них о. Никон находил себе приют. Здесь, в тишине, в дорогой своей Оптиной, от отдыхал. Писал письма, читал, молился. Никто и ничто не нарушало его уединения. Тишина, благословенная, святая тишина окружала его. Только красавицы сосны, с могучими, слегка наклоненными вниз ветвями, нарушали тишину своим глухим шумом. Братские могилы на "новом кладбище", близ больницы, виднелись из окна, да эти сосны. "Великая тишина! Великая, святая тишина, потому святая, что в ней Бог. Она открывает людям их душу, а в ней — Бога..."

Иногда, бывая в Оптиной, он навещал живущих там иноков и инокинь. Ходил он и в Скит. Там, на пасеке, жили два оптинских монаха. Они сторожили Скит. А вместе с ними жил некто Таубе Михаил Михайлович. Когда в Оптиной пустыни открыли музей, он был прислан в качестве заведующего библиотекой. Монастырская и скитская библиотеки были объединены. Музейными они считались, главным образом, потому, что в них хранились древние, XIII и XIV веков рукописи и другие уникальные произведения.

М. Таубе на этой должности пробыл недолго. Он был уволен как "не соответствующий назначению", как "чуждый элемент". Но и уволенный, из Оптиной он не уехал, остался жить на пасеке, в тишине и уединении Скита.

Это был замечательный, светлый человек. Родом он был из Гатчины. Всесторонне образованный, знающий несколько языков, высококультурный и по-светски воспитанный, он, как оказалось впоследствии, неизвестно когда и кем был

тайно пострижен в мантию с именем Агапит. Близкого духовного общения о. Никон с ним не имел, хотя и знал его высокую духовную настроенность, но волею судеб Божиих именно о. Агапиту пришлось быть в дальнейшем спутником о. Никона.

Великим постом 1924 года о. Никон, по просьбе своей состарившейся матери, ездил в Москву навестить ее.

в 1925 г. все его духовные дети были встревожены дошедшим до них известием, что о. Никона предполагают вызвать в Москву для посвящения его в сан епископа. Когда они выразили ему свое беспокойство и скорбь по этому поводу, он им ответил:

”По своей воле я вас не брошу...”

По всей вероятности, это и могло бы совершиться в конце концов, ибо ”не может град укрытись верху горы стоя, ниже вжигают светильника и поставляют его под спудом, но на свещнице, да светит всем, иже в храмине суть...” (Мф. 5, 15).

Еще в те времена, когда он был скитским послушником Николаем, старец Варсонофий, предвидя отчасти будущее о. Никона в деле служения св. Церкви, заранее предупреждал его ”не возноситься ведением, но всегда пребывать в смиренной мысли...”

Да, все это могло быть. Но судьбы Божии неисповедимы. К описываемому времени усилилось гонение на Церковь и ее служителей. Все чаще и чаще доходили известия об арестах, заключениях в тюрьмы и ссылках священников. Многие храмы Калужской епархии опустели. Служба в них не совершалась из-за недостатка священников.

Чтобы сохранить приходские церкви и предотвратить их закрытие, Калужским епископом Стефаном было предписано архимандриту о. Исаакию направить всех иеродиаконов и монахов, имеющих право принять священный сан, для посвящения их. Все вновь посвященные были размещены по приходам. В храмах Козельска, где служили и пели монахи, сразу стало заметно отсутствие многих. Монашеский хор поредел. Иеродиаконов не осталось ни одного.

Обеспокоенные слухами о повсеместных арестах, духовные дети о. Никона обратились к нему с просьбой сфотографироваться для них. Он охотно исполнил просьбу их, и всем желающим раздавал фотографии.

Нельзя сказать, чтобы фотография эта, сохраняющаяся у духовных чад его, получилась особенно удачной. Живой образ о. Никона несравненно превосходил снимок, потому что лицо его сияло духовной красотой, которая на снимках не запечатлевается. Впрочем, он и физически был красив. Яркие голубые глаза и белое, с неясным румянцем лицо, обрамленное небольшой, узкой, светлорусой бородой и густыми, длинными, волнистыми волосами, останавливало внимание всех необъяснимым, только благодетельствованным людям свойственным выражением непрестанной радости и степенной важности, если можно так сказать. Как будто бы он нес в руках сосуд, до краев наполненный некоей драгоценной влагой, нес осторожно, бережно, боясь уронить хотя бы каплю этой влаги...

Улыбчивое лицо его сияло светом прекрасной души. Оно светилось внутренним, Божествен-

ным светом, невидимым и в то же время видимым...

Наступил год 1926-й. В июне этого года о. Никон, получив известие о том, что его мать заболела болезнью к смерти, поспешил в Москву. Мать свою он застал еще в сознании. Она узнала его, и угасающими глазами, с улыбкой глядя на своего дорогого сына, не выпускала из своих рук его руку и все целовала ее, прощаясь...

В Москве о. Никон пробыл около двух недель и, похоронив мать, возвратился в Козельск. Из Москвы он писал о. Кириллу, как тягостно было для него пребывание в мирской обстановке, хотя и в родной семье. Со скорбью увидел он, что вера оскудела в его семье, что родные по плоти стали чужими по духу. Его боголюбивую монашескую душу возмущали разговоры родных, чуждые ему по содержанию, возмущали костюмы и поведение женщин, недетские интересы у детей и многое другое. Единственным связующим звеном с семьей была мать. С момента ее смерти семейные узы распались окончательно. Он рад был возвратиться в Козельск, в тихую свою келию, рад был общению с единомышленными и единокорными людьми.

Делясь своими впечатлениями после поездки в Москву, о. Никон говорил: "Мать моя была глубоко верующая и заповеди Господни хранила всегда в сердце своем. Поэтому смерть ее не причиняет мне скорби... Существует церковное предание, которое говорит, что если у гроба покойника чувствуется радость и мир, то можно надеяться, что этот человек угоден Богу, что жизнь

его была праведна. Не про всякую кончину можно сказать, что она — блаженна. Кончина матери моей была истинно блаженна. О ней я могу сказать: "Течение скончах, веру соблюдох". При гробе матери, когда я читал псалтирь, а также и во время отпевания, я не чувствовал ни страха, ни тоски и печали, наоборот, — мир и радость. Через блаженную кончину матери я не потерял ее, а приобрел..."

В октябре этого же года в Козельский храм ночью забрались воры. Ограбив скудную церковную казну и кощунственно запакоствовав алтарь, они скрылись. Настоятель собора, о. Сергей, потрясенный происшедшим, обращаясь к прихожанам с просьбой о денежной помощи, заключил свое воззвание словами:

"Не знаю, как жизнь доживать будем... Дай нам Бог терпения!"

А жить и терпеть оставалось ему совсем немного. Через два дня после этого печального происшествия отец Сергей скоропостижно скончался. Смерть скосила его буквально в три минуты.

После смерти о. Сергия на общем собрании прихожан все единогласно просили о. Никона занять должность настоятеля, но он уклонился от этого предложения и, со своей стороны, выдвинул кандидатуру второго соборного священника о. Григория, а на его место временно был назначен оптинский иеромонах Аифал (в миру Александр Панаев). Это был прекрасный инок, истинный исполнитель заповедей евангельских и раб Христов, по глубочайшему смирению своему один из немногих. Впоследствии он, в числе других, был сослан. Отбыв срок ссылки и возвраща-

ясь в родные края, он на пути был до полусмерти избит грабителями, напавшими на него, и скончался от побоев в местной больнице, восприяв таким образом мученический венец. Вечная тебе память, приснопамятный и достоблаженный святой отче, образец смирения, терпения, кротости и незлобия!..

12

"Искусил ны еси, Боже, разжегл ны еси, якоже разжизается сребро. Ввел ны еси в сеть, положил еси скорби на хребте нашем. Возвел еси человеки на главы наша. Пройдохом сквозе огонь и воду, и извел еси ны в покой" (Пс. 65, 10-12).

День за днем, неделя за неделей бежало время, и так незаметно протек и канул в вечность 1926 год. Наступил год 1927-й, и так же незаметно бежало время, внешне как будто спокойно, внутренно — полное тревожного ожидания неминуемых бедствий.

В первых числах июня этого года совершилось то, чего боялись и чего со страхом ожидали все. В одно ясное июньское утро о. Никон вместе с о. Кириллом были арестованы и заключены в тюрьму.

В первое время после его ареста все были настолько ошеломлены и потрясены случившимся, сердца и мысли всех были до такой степени полны общим чувством скорби, что не остава-

лось ни времени, ни сил размыслить о происшедшем. Только впоследствии, когда время наложило свой целительный пластырь и смягчило боль, сделалось ясным, насколько это было возможным, что произошло в дни, предшествовавшие аресту о. Никона. Дело в том, что музей "Оптина Пустынь", в силу данных ему полномочий, по мере возможности старавшийся сохранить монастырь как памятник прошлого, был негоден местным властям, главным образом потому, что он подчинялся какой-то "Главнауке" и от местного начальства не зависел. Кроме того, владения монастыря — лес, строения, земля и прочее хозяйство местная власть считала своей собственностью. Вообще вопрос о владениях музея был спорным и ждали только подходящего момента, чтобы ликвидировать музей или, по меньшей мере, лишить его земельных владений. Музей был для местной власти, как "бельмо на глазу".

Незадолго до арестов в адрес музея пришли два письма из-за границы. Одно письмо было из Германии через "Общество культурной связи с заграницей". В нем какие-то ученые, по-видимому, историки, просили музей дать им ответ, действительно ли писатель Ф. М. Достоевский изобразил Оптину пустынь в своем всемирно известном романе "Братья Карамазовы" и прототипом Зосимы взял оптинского старца Амвросия. Второе письмо было из Болгарского или Сербского монастыря. Адрес на конверте был такой: "Оптина Пустынь. Его Высокопреподобию о. Архимандриту". В письме некие духовные лица просили дать сведения о хранящихся в библиотеке Оптиной пустыни рукописях XIII—XIV веков, в част-

ности, рукописях Молдавского старца Паисия Величковского, положившего начало старчеству в России. Неизвестно, был ли дан ответ на первое письмо. Ведь в те годы никакой связи с заграницей не было и даже намек на связь давал повод к подозрениям. На второе письмо заведующий музеем только посмеялся, удивляясь наивности пославших его. Был он человек неверующий, и древние рукописи какого-то старца Паисия его мало интересовали. На письма не обратили особого внимания и вскоре забыли о них, а между тем, надо полагать, именно они и послужили достаточным поводом, чтобы "прихлопнуть музей".

За оптинскими монахами, тем более за о. Никоном, видным деятелем и в монастыре и в сельскохозяйственной артели, был установлен негласный надзор. Пастырская деятельность о. Никона, его все возрастающая популярность были хорошо известны. Его регулярные посещения Оптиной пустыни, связь с работающими в музее монахинями и другими лицами, также не были секретом. Оптинские монахи и, в первую очередь, о. Никон были обречены. Отец Никон был арестован не один. В это же утро, возможно, в один и тот же час, были арестованы заведующий музеем и заведующий усадьбой-хозяйством музея. Одновременно с ними арестовали Михаила Михайловича Таубе и еще некоторых.

Накануне своего ареста о. Никон провел день в Оптиной. Возвращаясь вечером в Козельск, он поручил сестре Анастасии утром следующего дня принести написанные им письма. Открыв калитку дома, где жил о. Никон, она увидела стояще-

го у крыльца милиционера. Догадавшись, что в доме неблагополучно, побежала обратно. Ее увидели, догнали, отобрали письма и арестовали.

Неизвестно, как провел о. Никон последнюю ночь на свободе. Видимо, он был готов ко всему, потому что встретил неожиданных и незваных гостей с невозмутимо спокойным видом. Много времени ушло на обыск. Отец Никон сидел, внешне совершенно спокойно взирая на разгром в своей келии и ожидая конца. Спокойно спросил, когда ему объявили об аресте, — какие вещи следует взять с собой? Было уже около семи часов утра, когда о. Никон с о. Кириллом, с полотенцами в руках (почему-то разрешили взять только полотенца), шли под конвоем по пустынным еще улицам города по направлению к тюрьме. Сзади, на телеге, везли книги о. Никона, то, что можно было уложить. Часть книг вываливалась из доверха нагруженной телеги, и книги падали в придорожную пыль. Книги духовного содержания были одним из веских вещественных доказательств в агитации и пропаганде идей, несовместимых с коммунизмом. Горько было смотреть на эту картину. И теперь, по прошествии многих лет, невольно сжимается от жалости сердце при воспоминании об этой встрече.

Излишне описывать подробно скорбь и смутение, охватившие сердца всех, знающих и любящих о. Никона. Плач и рыдания воцарились во многих домах города и его окрестностей.

Каким-то образом удалось узнать, что о. Никона и других арестованных вместе с ним с вечерним поездом отправят в Калугу. Солнце склонялось к западу, и тихий теплый июньский день кон-

чался, когда по тропинкам, ведущим к вокзалу, спешили последний раз взглянуть на о. Никона и проводить его многочисленные духовные дети, преимущественно женщины. В зале 3-го класса (в то время еще существовало такое разделение) на замызганном деревянном диване сидел отец Никон, а по сторонам его — о. Кирилл и М. М. Таубе (о. Агапит). Против этой группы стояла толпа женщин с заплаканными глазами, со скорбью взирая на своего отца и наставника. Ближе подходить к арестованным не разрешалось. Подошел поезд. Арестованных посадили в вагон. Наступила роковая минута — поезд тронулся. Отец Никон сидел у окна. Последний раз благословил он всех, плачущих и рыдающих, и побледневшее от переживаний лицо его, по-прежнему невозмутимо спокойное, скрылось навсегда...

На другой день после ареста о. Никона некоторые из его духовных чад поспешили в Калугу, повезли необходимые для него вещи. Ведь его отправляли вечером в день ареста и даже не предоставили возможности взять что-либо.

Потянулись печальные дни. Вся жизнь искренно преданных о. Никону духовных детей его была построена на послушании. Лишась его, они в полном смысле этого слова, осиротели. Черные тучи нависли над всеми. Они скоплялись, становились все темнее и непроницаемее. Скорби не было предела... По временам между тучами, несущими грозу, бурю, ураган, сметающий и уничтожающий все на своем пути, мелькали просветы... В душах всех любящих о. Никона, погруженных во мрак печали, теплился светлый луч надежды, надежды на то, что мрачные тучи ра-

зойдутся, проглянет солнышко и снова засверкает ясный день радостной встречи с любимым наставником. Только эта робкая надежда вселяла бодрость, насыщала и укрепляла угнетенные печалью души.

Первое время, кроме своего обычного молитвенного правила, осиротевшие дети о. Никона читали акафист святителю Николаю. Молились, молились и... плакали.

Вскоре после ареста о. Никона мать Амвросия, по благословению архимандрита Исаакия, ездила в Москву. В Москве жили три брата о. Никона. Матери Амвросии дали адрес младшего брата, Ивана, когда-то в дни своей юности бывшего послушником Оптинского скита. Ехала она с целью поставить в известность родных о. Никона о случившемся, считая это своим христианским долгом. Известие об аресте брата Иван принял холодно. Дал несколько рублей для передачи ему, не обещая помощи в будущем. С огорчением наблюдала м. Амвросия прискорбную перемену, изменившую облик Ивана до неузнаваемости... Даже следов не осталось от того одухотворенного юноши, которого м. Амвросия, бывшая врачом во время войны 1914 года, встретила на фронте. Другой брат о. Никона — Владимир, даже не принял ее...

Чтобы иметь возможность передавать о. Никону все, что нужно, некоторые из духовных детей остались жить в Калуге. Была установлена связь с Козельском. В передачах принимали участие все. Давали кто что мог — деньгами, продуктами и вещами, в большинстве случаев отрывая от себя те немногие крохи, которыми питались

сами. Из этих крох и составлялись передачи. Деятельное участие в передачах принимали и духовные дети о. Никона, постоянно живущие в Калуге.

Возвращая посуду, о. Никон обычно писал маленькие записочки, уведомляя о получении присланного, добавляя несколько слов благодарности и утешения. Находясь в заключении, он и там не забывал своего пастырского долга и всегда, когда представлялась возможность, не упускал случая сделать наставление или напоминание кому-либо из своих чад духовных, участвующих в передачах. Между прочим, долгое время недоумевали, почему о. Никон всегда просил принести киселя, не очень сладкого. Как оказалось, он клеивал им маленькие записочки, иногда по несколько штук сразу. Все письма его, как всегда, дышали бодростью и надеждой на лучшее будущее, с преданием себя и всех воле Божией.

Отец Никон был помещен в общую камеру. Состав заключенных в ней был самый разнообразный. Были среди них и духовные. Их было меньше, и они старались, по возможности, держаться отдельно от остальных. Для о. Никона было бы несравненно легче переносить тяготу лишения свободы в обществе единомышленных людей и даже в одиночной камере. Надо полагать, что для него самым тяжелым было не столько лишение свободы, сколько пребывание в обществе людей, чуждых по духу.

Скорби — удел праведных. Отец Никон, доселе всегда говоривший, что не испытывал скорбных обстоятельств, вступил в период жизни скорбной, тягостной, мучительной во всех отношениях. Тюрьма резко нарушила привычный и милый

его сердцу уклад жизни. Пребывание в душной, прокуренной камере, невозможность уединиться и побыть самому с собой, невозможность выполнять молитвенное правило, разговоры, оскорбляющие слух и возмущающие душу, и многое, многое другое добавляли мучений, которые понятны только тем, кто сам испытал их. Отец Никон терпел все, как многострадальный Иов, тропарь которому всегда умилял его боголюбивую душу. Насколько тягостна была окружающая его обстановка, можно судить по тому, что он, при всем своем великом терпении и сдержанности, в одном из писем написал фразу, которая сказала все: "... о, как тяжело здесь в нравственном отношении! Скоро ли мы будем обедать дома, среди родных по духу!.." — Это был вопль, может быть, невольно вырвавшийся, вопль страждущей души, в течение продолжительного времени ежедневно и ежечасно угнетаемой в обстановке ненавистной и мерзкой для его духовного устройства.

Помимо этого, несравненно большую скорбь причиняло о. Никону дошедшее до него известие о немирствии и раздорах среди его духовных детей, возникших в связи с его арестом...

/.../ Из тюрьмы он прислал письмо, в котором писал: "...До меня дошли слухи о немирствии духовных детей моих. Враг рода человеческого внушает некоторым мысль, что в случившемся виноваты м. Ирина и Анастасия, и они, поддавшись этой вражией мысли, не только так думают, но и говорят другим. Как духовный отец запрещаю так говорить и в случае упорства наложу епитимью. Пусть знают все, что такова воля Божия, пред которой надо смириться и благоговеть. Слава Богу

за все! Считаю, что м. Ирина и Анастасия страдают из-за меня. Они не виноваты... Сердце мое болит о всех вас, детях моих духовных... А я ожидал, что общая скорбь объединит любовью о Господе... если кто желает, чтобы постигшая нас скорбь была ему на пользу, то должен винить в ней самого себя и больше никого. Каждый должен думать, что страдает за свои грехи. Так думающий и смиренно терпящий получит милость Божию... Бог есть любовь. И всякая злоба, какой бы благовидной причиной она ни прикрывалась, противна Ему. Противна и мне... Еще раз прошу прекратить всякие догадки человеческие, а потому ошибочные, о причинах нашей скорби... Прошу и умоляю обр-азумиться... Если смириться и потерпеть нашу разлуку, можно получить большую пользу, а ро-потом, неразумным неприятием воли Божией наносится вред душе...”

Работал о. Никон в больничной канцелярии тюрьмы. Это давало ему возможность проводить часть дня вне камеры и доставляло некоторое утешение и облегчение.

Окно канцелярии, где он работал, было видно с горы. (Тюрьма находится на окраине города, под горой.) Некоторые из его духовных детей подолгу стояли на этой горке, ожидая, когда в окне увидят они лицо о. Никона и его благословляющую руку.

Отец Никон был окружен внимательной заботой и любовью своих духовных детей. Все, что ему было нужно, доставлялось без замедления. Пользуясь этим преимуществом, он помогал, насколько мог, другим заключенным, делаясь с ними деньгами, продуктами и вещами, ибо среди них

были и такие, которые не имели возможности получать помощь извне.

Осенью 1927 года прошли слухи, что следствие по делу о. Никона подходит к концу. Узнав об этом, м. Амвросия поспешила в Калугу, чтобы увидеть о. Никона, получить благословение, а может быть, и услышать несколько слов на прощание.

В день, назначенный для свиданий, м. Амвросия стояла вместе с другими перед воротами тюрьмы. Она мало надеялась на то, что ей удастся увидеть о. Никона, так как всем распоряжалась главная участница передач, не питавшая к ней особого расположения. Но Господь, к великой ее радости, устроил так, что она не только увидела о. Никона, но и получила от него благословение и простилась с ним. Кроме того, ему удалось незаметно передать ей книгу. Спрятав ее в широкий рукав своей монашеской одежды, она поспешила к выходу. Книга оказалась 5-м томом сочинений епископа Игнатия Брянчанинова. В книгу был вложен пакет с маленькими, аккуратно заклеенными записочками, адресованными своим духовным чадам. В каждой записке было несколько изречений, соответствующих духовному устройению той или иной сестры.

Книгу епископа Игнатия по просьбе о. Никона передала в тюрьму одна из его духовных дочерей, живущая в Калуге, а возвратить ее он предпочел м. Амвросии для передачи владельцу. Самым драгоценным оказалось то, что в этой книге на чистых страницах и на полях о. Никон написал пояснения к тексту, дополнения и наставления.

Даже в тюрьме, в общей камере, среди самых разнообразных по характеру и убеждению людей, о. Никон не оставил своего пастырского долга. Мысль его и сердце по-прежнему были полны заботой и любовью к детям своим по духу, врученным ему Господом. Какую надо было иметь любовь к Богу и Его священным заветам о любви к ближним, какую мужественную душу, какое твердое исповедание, чтобы в такой тягостной обстановке не пасть духом, не охладеть, не забыть своего долга и своих обетов пред Богом! Вполне ясным и понятным становится изречение одного святого отца: "Мученики потому имели дерзновение исповедовать веру в Христа и переносить мучения, что имели веру несумненну и добрую совесть"*.

13

"Аще Мене изгнаша и вас изженут" (Ио. 15, 20).

"Яко злато в горниле искуси их и обрете их достойны Себе" (Прем. 3, 5-6).

"Следствие" подходило к концу. До самого последнего момента, когда о. Никону и другим заключенным объявили решение суда, он не знал, что его ждет. Зная, что ничего противозаконного ни словом, ни делом им не было совершено, он до конца питал надежду на лучший исход. Наде-

* "Житие муч. Кикилии", 22 ноября.

ялся до последней, решающей минуты увидеться с близкими и дорогими ему людьми. В конце осени он писал о. Геронтию, поселившемуся в его квартире, чтобы помещение было оставлено за ним, и даже сделал распоряжение о заготовке необходимых продуктов на зимний сезон.

Наступила зима. Отец Никон по-прежнему томился в тюрьме. И вдруг на праздник Рождества Христова, 7 января 1928 года, о. Никон прислал письмо, написанное в обычном для него спокойном тоне:

”...Мир вам и Божие благословение, — писал он. — ...По воле Божией придется расстаться... Этап приблизительно через месяц... Если Господь судит мне покинуть дорогие моему сердцу места и близких мне людей, — да будет Его святая воля!..”

Далее следовало перечисление вещей, необходимых для него, которые он просил доставить. В конце письма, испрашивая благословения и св. молитв у владыки Михея, архимандрита Исаакия и всех отцов и братьев своих, прощался со всеми...

Сердце человека ко всему привыкает. Даже в самых скорбных обстоятельствах находится в нем таинственная сила, заставляющая человека жить. Сердца всех любящих о. Никона, переживших боль разлуки, поддерживало сознание, что любимый наставник находится недалеко от них, здоров и время от времени утешает их своими письмами. Никто не рассчитывал на то, что о. Никона освободят из заключения, ибо не такое было время, чтобы надеяться на это. Но в глубине души у многих теплилась надежда, что он будет вы-

слан в отдаленные места страны на "вольную ссылку", как тогда выражались. Таким разрешалось свободно ехать домой за вещами, проститься с родными и близкими и к известному сроку явиться в назначенное место жительства. По-видимому, и сам о. Никон надеялся на это. Полученное известие об "этапе" как громом поразило всех. "Этап" — это было самое худшее из всего, кроме расстрела. Отец Никон был осужден на три года в лагерь "Соловки". Вместе с ним туда же ехал и о. Агапит. Отец Кирилл, давно болеющий туберкулезом легких, вместе с сестрой Настей и другими был выслан на три года в Казахстан для свободного жительства. Самое легкое наказание за несовершенное преступление понесло начальство бывшего музея "Оптина Пустынь". Им предоставлялось право жить и работать свободно на всей территории Советского Союза, кроме шести главных городов, "минус шесть", как тогда говорили.

В день отправления этапа, 27 января, на Калужском вокзале собралась толпа духовных чад и почитателей о. Никона, провожая его в последний, далекий и неведомый путь...

В конце февраля было получено от о. Никона первое письмо из Ленинграда. В нем он утешал своих близких и, между прочим, писал:

"Доселе Господь не оставляет меня милостью Своею. Все переносится легко и спокойно и везде встречаются добрые люди. Общением с ними облегчается всякое положение..."

Последняя фраза для тех, кто умеет читать внимательно, ясно говорила о том, до какой степени тяжело было это "положение"...

В марте месяце этап прибыл в г. Кемь. Пронес-

шийся над Белым морем циклон надолго прервал сообщение с Соловецким островом. По этой причине только что прибывшая партия ссыльных была временно оставлена в Кемьском пересыльном пункте, "Кемьперпункт". Неразлучные отселе о. Никон и о. Агапит поселились в одном бараке, рядом друг с другом, на одних нарах.

Отец Никон после врачебного осмотра вновь прибывших был освобожден от тяжелых физических работ из-за болезни ног. Его поставили сторожем каких-то складов... А о. Агапита часто посылали в "командировки" в лес, вместе с другими арестантами, и тогда о. Никон оставался один среди многих...

Работой сторожа о. Никон был вполне доволен. В продолжение 8-9 часов своего дежурства он был один, в стороне от людей, имел возможность и помолиться, и подумать наедине с самим собой, и даже немного почитать. 7-8 часов уходило на сон, а остальное время незаметно проходило в приготовлении обеда и других житейских делах. Обед арестанты готовили себе сами. Два раза в месяц им выдавался продовольственный паек, довольно скудный. Но была возможность в ближайшей лавочке за деньги приобрести все нужное — и белый хлеб, и сахар, и масло, и даже консервы.

Из ссылки о. Никон писал часто. Правило было такое: арестанты могли получать письма без ограничения, а сами имели право послать только одно закрытое письмо в неделю, или две открытки. О. Никон предпочитал писать открытки. Письма его были неизменно насыщены бодростью, с преданием себя и всех в волю Божию. Несмотря

на добрый тон, иногда ясно было, как тяжела и мучительна была для него создававшаяся обстановка. Не говоря уже о милой Оптиной, этом потерянном рае, он с сожалением вспоминал о своей уютной комнате в Козельске, считая, что "за грехи свои недостоин он тихого жития..."

На состояние своего здоровья со дня ареста он не жаловался, больная нога сравнительно мало беспокоила его, рана не открывалась ни разу.

Духовные дети и почитатели его часто писали письма, посылали ему посылки. Посылки были и индивидуального характера, и общие. Все приносили на квартиру к м. Амвросии. Приносили кто что мог. Из этих приношений и составлялась посылка, которую м. Амвросия посылала от своего имени.

Благодаря этому, ни в деньгах, ни в продуктах о. Никон не испытывал острой нужды, как многие другие. Он братски делился всем, присылаемым ему, с о. Агапитом, одиноким человеком, пока их не разлучили. Надо думать, что и других нуждающихся он не оставлял без внимания и помогал им. Это видно из того, что, будучи в Калужской тюрьме, он часто просил прислать для отправляемых в ссылку людей денег или какие-либо вещи, даже такие, как кисет для табака...

В августе 1928 года о. Агапита отправили в "командировку" куда-то в лес. Отец Никон остался один, с Богом, и, не получая от о. Агапита известий, совершенно потерял его из виду.

В апреле 1929 года о. Никон из г. Кеми был переведен в другое место — на Попов остров, Карельской республики. Там он работал в лагерной

канцелярии в качестве счетовода. Работа эта была ему знакома и не отягощала его. Сожалел он лишь о том, что у него оставалось мало свободного времени для занятия молитвенным деланием и чтения Священного Писания. Работа сторожа была гораздо лучше.

Жизнь о. Никона в лагере, в общем, текла однообразно. Никаких существенных впечатлений не было. Проверка, работа, еда, сон, проверка... И так изо дня в день. Отрадным впечатлением была лишь возможность переписки с близкими и дорогими его сердцу людьми. Изредка бывали возможны и духовные утешения... Поздравляя своих близких с праздником Пасхи, он писал, что встретил праздник "в мире и утешении как в духовном, так и внешнем..."

В своих письмах он посылал поименно благословения всем знающим и почитающим его, заботливо спрашивая о состоянии душевном и телесном. Давал советы и наставления спрашивающим. Он писал, что "хотя телом мы и разлучены, но духом своим всегда вместе". В письмах его иногда были замечательные слова. Вот некоторые выдержки из его писем:

"Страсть тщеславия уничтожает веру в сердце человеческом".

"Хотя теперь монастырей нет, но обет монашеский в душе должен остаться, ибо он дан Богу, ибо монашество было, есть и будет".

"Участь всех, хотящих спастись — страдать. Поэтому, аще страдаем да радуемся, ибо содеявается наше спасение".

"Место не спасает. От себя никуда не уйдешь".

”Как человек я — ничто, но как иерей имею на себе благодать священства и действую так, как дает мне это благодать сия”.

”Надо понимать дух времени и не увлекаться прежними понятиями и впечатлениями, которых в настоящее время осуществить невозможно. Важность в христианстве, а не в монашестве. Монашество в той степени важно, в какой оно приводит к совершенному христианству”.

”Не попускает Господь искушений выше меры и сил наших”.

”Я хотя и грешный, но все же — монах, и все же Божий, и нахожусь всецело в руках Божиих”.

”Никогда нельзя надеяться на человека. Это — великая и роковая ошибка. Без определения на то Божия не защитит и не утешит человек. Бессилен человек без Божией помощи”.

”Потерпи, потерпи, Господа ради, иго Христова...”

”Что я делал и делаю — делаю по данной мне благодати священства. Эту благодать я получил туне во всех отношениях, то есть и в отношении материальном, ибо благодать не покупается, и в нравственном, ибо поистине недостоин столь великого дара. Тrepещу же и прошу Господа, да поможет Он мне употребить сей дар согласно Его высокому назначению”.

”Входи в церковь, как в дом Божий. И находишься в храме, как в доме Божиим, с сознанием присутствия Божия, удаляясь всякой вольности и развязности”.

”Не дорожи тем, что скажут люди, чуждые духа церковного”.

”Непрестанная молитва — дар Божий”.

”Единственное правильное настроение при молитве Иисусовой — это покаяние и сокрушение о грехах, чуждое всякого осуждения и внимания к жизни других людей”.

”...Дитя мое! Только у Господа и в Господе ты можешь найти себе мир душевный. Твоя истерзанная душа только в Господе, в покаянии и исправлении жизни, может найти себе отраду. Грех ядом своим убивает душу человека. Воскресает душа от живительного действия покаяния. Когда покаешься, тогда увидишь на своем собственном опыте истину моих слов. Да отыдет от тебя далеко всякое уныние. Господь простирает Свои святейшие руки, готовый принять тебя, как и всякого другого грешника кающегося, в объятия Отца. Если Господь не отвергает кающихся грешников, как мытаря, как блудницу, как Павла апостола, преп. Марию Египетскую и других многих, то не отвергнет тебя и иерей православный. Лишь только кайся, лишь скажи от сердца: ”Согреших, прости!” О покаянии твоём возрадуются и Господь и Ангелы и человеки Божии. Оплакивают коснение во грехах. Итак, приступи ко Господу во смирении и покаянии, оставь увлечение грехом, вкуси от чаши покаяния и увидишь благодать Божию, ибо сказано: ”Вкусите и видите, яко благ Господь”. Да вразумит тебя Господь!..”

”Если нужды ради приходится делать что-либо мирское, но не греховное, конечно, то — терпи, считая это наказанием за грехи. Родителей не раздражай. Больше смирайся”.

”Искреннее желание служить Господу Богу и вручение всецело себя и всего и всех в волю Божию всеблагу, совершенную, приносит сердцу мир

Божий, даже при переживании различных скорбей и внешних и внутренних, душевных. Молись Богу о удалении от тебя напасти и вместе отрекайся своей воли, как воли греховной, слепой. Передай себя, свою душу и тело, свои обстоятельства, настоящее и будущее, передавай близких сердцу, ближних твоих, воле Божией, всесвятой и премудрой... Слава Богу! Слава Богу! За все слава Богу! От этих чудных, святых слов отступают мрачные мысли, тягость... Приходят в душу человека мир, утешение, радость. Да будет воля Твоя, Господи! Слава Богу за все!..”

”Не забывай молитвы. Она — жизнь души”.

”Скорбь есть не что иное, как переживание нашего сердца, когда что-либо случается против нашего желания, нашей воли. Чтобы скорбь не мучила, надо отказаться от своей воли и смириться пред Богом во всех отношениях. Бог желает нашего спасения и строит его непостижимо для нас. Предайся воле Божией и обретешь мир скорбной душе своей и сердцу”.

”Прощение преподается тем только, кто считает себя виноватым. Смирись пред Богом и людьми, и Господь тебя никогда не оставит”.

”Унывать не следует. И в скорбных переживаниях сокрыта милость Божия. Непостижимо для нас строит Господь жизнь нашу. И потеря отца* промыслительна. Верь сему...”

”Смысл и польза переживаемого по большей части познается впоследствии”.

*духовного.

”Разлука наша не уничтожила то, что связывало нас, т. е. духовной жизни нашей и любви о Господе, что дороже всего на свете”.

”Без терпения и снисхождения к ближним жить невозможно”.

”Веруй, что, если трудно приходится терпеть, терпишь по воле Божией и суду Божию праведному, ради спасения”.

”Господь видит сердца человеков. А люди в суждениях своих всегда могут ошибаться, и тогда суждения эти бывают плодом простого празднословия”.

”Веруя в пекущийся обо мне Промысл Божий, боюсь направлять по своему смыслению свою жизнь”.

”Всякое доброе дело и вера наша необходимо должны быть испытаны. Испытание совершается скорбями”.

”Молись по-детски, в простоте сердца о всех нуждах и скорбях твоих и вручай себя воле Божией, ибо Господь строит наше спасение”.

”Не унывай от скорби жизни сей. Это — наш удел. Это суд Божий”.

”Господь иногда попускает человеку быть как бы оставленным. Это попускание Божие может касаться целого общества верующих. Наше дело — смирять себя и хранить веру Христову. Аще вера сохранена — есть и надежда на спасение. Вера должна сохраняться с воздержанием от всякого греха”.

”Если некому открыть свою душу — Господу Богу возвестите печаль вашу”.

”Все надо предать воле Божией — и разлуку нашу. Господь вразумляет нас, чтобы не прилеп-

лялись к земному, как бы дорого оно ни казалось. Чтобы стремились мы к небесному, спасая души наши. А всему земному давай цену земную... Лишь бы душу спасти, а остальное все суэтно. Здесь все изменчиво. И мысли наши должны быть в Боге, в будущей жизни. Земное все пройдет..."

+

В лагере "Кемьперпункт" о. Никон пробыл немного более двух лет. Затем он был назначен на "вольную ссылку" в Северный край, в г. Архангельск.

Незадолго до окончания назначенного срока пребывания в лагере возвратился из своих скитаний и о. Агапит. Вместе с о. Никоном он направлялся на жительство в архангельские пределы.

Перед отправкой всех отпускаемых подвергли медицинскому осмотру. И тут случилось неожиданное. Врач, выслушивая о. Никона, обнаружил у него туберкулез легких, далеко зашедший, и посоветовал ему серьезно лечиться. А по приезде в Архангельск обратиться к врачу с просьбой направить на медицинскую комиссию: "По состоянию вашего здоровья вас могут направить в другое место, более подходящее в климатическом отношении", — говорил он.

Отец Никон, всегда и во всем всецело вручающий себя воле Божией, не изменил своему правилу и в данный, решающий момент. Он обратился за разрешением этого вопроса к о. Агапиту. Отец Агапит посоветовал ему не предпринимать что-либо в этом направлении. Выслушав его сло-

ва, о. Никон смиренно и покорно произнес: "Воля Божия да совершается".

+

За время пребывания о. Никона в лагере в далеком Козельске и в Оптиной пустыни произошли большие события.

После ликвидации музея "Оптина Пустынь" все земельные владения бывшего монастыря, находящиеся в ведении музея, лес, строения перешли в распоряжение представителей власти. Неприкосновенными, в ожидании распоряжений "Главнауки", оставались пока только храмы, трапезная, кладбище, библиотеки и "хибарки старцев" в Скиту. Прибывшая из Москвы комиссия отобрала только несколько экземпляров древних рукописей. Они были направлены в Загорский музей. После отъезда членов комиссии начался хаос. Все, имеющее материальную ценность, было продано с аукциона. Многое было расхищено. Затем было получено распоряжение изъять все металлические вещи из храмов, в том числе — колокола с колокольни и могильные памятники и кресты. Весь "металлолом" был увезен на ближайший металлообрабатывающий завод. Все деревянное — иконы и иконостасы увезли на переделку в столярные мастерские. Большой монастырский колокол, бархатный голос которого был слышен за 12 километров в округности, не прошел в проем колокольни. Промем разломали, и колокол упал, разбившись на куски и попортив лестничную площадку. Земля содрогнулась, и гул от падения колокола был слышен за три километра, в Козельске.

Когда останки колокола увезли, верующие люди подобрали на память разбросанные по земле мелкие осколки.

Вскоре после этого началась очистка территории монастырского кладбища, окружающего храма. Чугунные, гранитные, мраморные, каменные, деревянные кресты, памятники, часовни и плиты, все было увезено, а могильные холмики тщательно разровняли — ничто не должно было напоминать кладбище... Нетронутыми остались только деревья да опустевшие, разграбленные и захлапленные храмы... Это было в 1928 году...

А в следующем году в Козельске были закрыты все семь церквей одновременно, кроме одной, Благовещенской, богослужение в которой совершается и донныне. Один небольшой храм, естественно, не мог вместить всех желающих. Теснота и толчея были ужасные, особенно в большие праздники, когда в храм собирались и жители ближайших деревень, приписанных к городским церквам. По этой причине монашествующие, в большинстве своем, были лишены возможности посещать храм...

Оптинских монахов в описываемое время оставалось немного. Большинство иеромонахов, назначенных на приходы, было отправлено в ссылку. Часть монахов разъехалась, они уехали туда, где их никто не знал. В Козельске оставались несколько человек престарелых иеромонахов во главе с о. Архимандритом, да инвалиды: слепые, хромые, горбатые. Из молодых был только один иеромонах Геронтий, бывший келейник старца Варсонофия, да о. Рафаил, бывший монастырский послушник Родион Шейченко. В этом же,

1929, году скончался епископ Михей. Погребение было совершено более чем скромно: ни один епископ не приехал по разным причинам. Похоронили останки владыки Михея на Козельском кладбище.

Обо всем, происходящем в Козельске, о. Никона не могли уведомить, но о закрытии всех церквей, кроме одной, о. Геронтий сообщил ему. Отец Никон поскорбел, узнав о кончине старца Нектария в 1928 г. и владыки Михея. А о закрытии церкви написал такие слова: "...В постигшей вас скорби да утешит вас Господь. Он зрит на сердце и слышит молитву, где бы она ни совершалась..."

В этом же, 1929, году новая волна арестов прокатилась по всей стране. В августе, как раз на второй или на третий день после праздника Преображения Господня, были арестованы и заключены в Козельскую тюрьму все оптинские иеромонахи, во главе с о. архимандритом Исаакием. Остался нетронутым один престарелый и больной о. Иосиф Полевой (ум. в 1932-1933). Одновременно были арестованы почти все священники козельских церквей, многие монахи, в том числе и мать Амвросия, а также и мирские люди, близкие к Церкви. Из Козельска арестованные были отправлены в Сухиническую тюрьму, а оттуда в Смоленск. (Козельск в то время был Смоленской области.)

В январе 1930 года, после окончания "следствия", всех заключенных сослали в разные, весьма отдаленные места страны. Отец Архимандрит, братский духовник о. Досифей, бывший казначей о. Пантелеймон и многие другие были сосланы в Сибирь. Там они и окончили свой земной путь, кроме одного о. Рафаила... Духовник Ша-

мординских сестер о. Мелентий, благочинный о. Федот и старший "рухольный" о. Макарий, вместе с м. Амвросией и другими, были направлены в Архангельскую область на "вольную ссылку". Козельск опустел.

+

Отец Никон вместе с о. Агапитом приехали в Архангельск в июне 1930 г. И здесь Господь не оставил их без Своей всемогущей помощи. Встретились добрые люди, которые оказали им не только нравственную, но и материальную поддержку. С их помощью они вскоре нашли себе квартиру, недалеко от города, в деревне Нижнее Ладино. Комнатка, в которой они поселились, была маленькая, но они и этому были рады. По сравнению с жизнью в лагере, в бараке, вмещающем по меньшей мере человек 50, жизнь вдвоем с единомышленным братом была для о. Никона утешением. Здесь они были одни. Вдали от мира. Кроме того, они были свободны, имели возможность посещать церковь, входя в общение с близкими по духу людьми. После мучительно тяжелой жизни в лагере это была великая милость Божия, и о. Никон не знал, какими словами благодарить Создателя. Он отдыхал и душой и телом.

В материальном отношении жизнь в архангельских пределах была трудная. Все продукты питания выдавались по карточкам. На базаре же все было очень дорого. Много и за деньги было трудно достать. Ссылные, не получающие посылок и денег, буквально голодали. Паек, выдаваемый нетрудоспособным ссылным, был край-

не скудный: 300 г хлеба в день, 600 г пшена в месяц, 2 кг рыбы в месяц, поллитра керосина в месяц — в зимнее время, сколько-то соли — и это все.

Отец Никон был обеспечен несравненно лучше, чем многие другие. Ему постоянно присылали и деньги и посылки. Наблюдая голодную жизнь большинства ссыльных, он написал однажды: "...Сравнивая то, что послано мне, с тем, что послано другим, считаю себя счастливым, не испытывавшим скорби..." Судя по этим строкам, легко можно заключить, в каких невероятно тяжелых условиях, изнемогая под бременем страданий, жило большинство ссыльных.

Другим неприятным спутником жизни ссыльных была обязанность через каждые 10 дней являться в соответствующее учреждение (ГПУ) для регистрации. Но самым, пожалуй, тяжелым условием была обреченность ссыльных на скитальческую жизнь. Трудоспособных посылали в длительные "командировки", преимущественно на лесозаготовки, и часто — в болотистую местность, туда, куда ни за какую плату нельзя было найти рабочих. Имеющих же документ о нетрудоспособности, по болезни или по старости, часто перемещали с одного места на другое, стараясь загнать подальше от крупных населенных пунктов, в глухие деревни. Им не давали возможности "обжиться" на одном месте. Перемещение в другую местность было сопряжено с большими затруднениями в смысле транспорта, с неизбежными расходами и поисками пристанища. А квартиру ссыльным найти было очень трудно. На них лежала печать изгнания и отвержения, — поэтому население Архангельской области в большинстве сво-

ем относилось к ним недоверчиво, неприветливо, холодно, чуждаясь и отстраняясь, а в отдельных случаях — неприязненно и грубо...

Отец Никон всегда просил в письмах не присылать лишних вещей. В его скитальческом житии все было обременительно, так как в большинстве случаев все вещи приходилось таскать в мешке за спиной. Да и слишком большой багаж вселял естественное беспокойство за его сохранность, что было противно его душевной собранности.

Недолго длилась совместная жизнь о. Никона и о. Агапита, недолго они утешались друг другом. В августе 1930 г. о. Никона "переместили" в г. Пинегу Архангельской области, за 200 км от центра. С сожалением и невольной грустью покидал о. Никон Архангельск, прощаясь со своим братом, с которым он так сблизился за годы страданий. Он как бы предчувствовал, что в этой, земной жизни они не увидят больше друг друга... Отец Агапит оставался пока в Архангельске. Отец Никон ехал один...

В г. Пинеге и ее окрестностях он долго скитался в поисках квартиры. Наконец, ему удалось найти пристанище в деревне Вонга, недалеко от Пинеги, на берегу реки Северная Двина. Здесь он прожил около двух месяцев, а затем, уже осенью, вынужден был переселиться в другую деревню, Воспола, в 3 км от Пинеги. После долгих и зачастую бесплодных расспросов он нашел себе квартиру в доме одной женщины, которая, кроме большой платы деньгами, поставила в условие своему квартиранту выполнять все тяжелые физические работы по дому. Отец Никон согласился на все, выбрать-то было не из чего. Кроме того, ему

по-видимому, нравилось, что хозяйка — женщина старая, одинокая, и поэтому никто и ничто не будет нарушать тишины и покоя, которых всегда жаждала его душа.

Жизнь в Пинежском районе в материальном отношении была еще труднее, чем в Архангельске. Базаров в Пинеге не было вовсе, и за деньги невозможно было достать никаких продуктов, можно было только обменивать на вещи. Овощей совсем нельзя было найти, даже картофеля, даже на обмен.

В Пинегу о. Никон ходил часто. По праздничным дням, когда была служба, посещал церковь. Потом заходил на почту за письмами, деньгами и посылками. Здесь он вскоре познакомился со многими людьми духовного звания. Встретил даже двух оптинцев: иеромонаха Парфения, с которым когда-то, в дни своей юности (о. Петр Крутиков), работал совместно в монастырской канцелярии, и скитского иеродиакона Петра, а также его родную сестру м. Валентину (Устюшу), свою духовную дочь. Остальные были все из других монастырей из разных мест страны.

К этому времени посылки и деньги на его адрес стали поступать реже. Нельзя сказать, чтобы близкие о. Никону люди забыли его и потому меньше и реже оказывали ему помощь. Нет, никто не забыл его и не мог забыть. Это можно объяснить только тем, что в Козельске, откуда, главным образом, и приходила помощь, после массовых арестов в 1929 году осталось очень немногих монашествующих. Преимущественно это были женщины-монахини, в большинстве совсем пожилого возраста. Все они жили скудно, трудами

рук своих снискивали себе пропитание и чувствовали себя осиротевшими без наставников и руководителей. Жалкие крохи и гроши посылать было неудобно, а собрать общую посылку или более крупную сумму денег было некому. Матери Амвросии в Козельске не было. И она, вместе с другими, скиталась по Северному краю. А ведь она была главным организатором общих посылок. Впоследствии, вспоминая то время, м. Амвросия рассказывала: "...Батюшка Макарий Оптинский* был необыкновенной доброты. Скажет, бывало: "Ну, мать Амвросия, не забывай своего послушания. Скоро праздник. Надо послать гостинцев нашим ссыльным..." — И эти слова меня очень поддерживали. Я с радостью обходила всех монашествующих и верующих по городу. Я всех их лечила, и они меня знали и доверяли мне... Беднота кругом... Ну, хоть и по мелочи, а все обойду всех и соберу... Рублей 50, конечно, самое большее..."

Время от времени о. Никону все же посылали и из Козельска, и из Калуги, и из Москвы, и из других мест деньги и посылки. Он не только не голодал, но часто делился имеющимся с другими ссыльными. Спрашивал сам, не нуждаются ли в чем-либо?

С наступлением зимы 1930 года о. Никон, до селе не замечавший никаких отклонений от нормы в своем организме, начал чувствовать себя не совсем здоровым. Появилась слабость, быстрая утомляемость, небольшая болезненность во всем

* Он был до самого закрытия Оптиной пустыни старшим "рухольным". — Сост.

теле, а иногда повышенная температура. Особого значения он не придавал этому, считая, что это связано с простудой...

Так шло время до января 1931 года. На праздник Рождества Христова, 7 января, он ходил в Пинегу в церковь. В этот день был сильный мороз, и в храме было очень холодно. (Храм не отапливался.) С этого дня о. Никон заметил, что состояние здоровья его не улучшается, а с каждым днем становится все хуже и хуже. Увеличилась слабость, температура совсем не снижалась до нормальной. Но он все крепился, стараясь не поддаваться, по-прежнему ходил в Пинегу "отмечаться", посещал церковь, заходил на почту.

Жизнь о. Никон проводил, по возможности, уединенную. Большинство ссыльных, по материальным соображениям, жили по 2-3 человека вместе на одной квартире. Отец Никон жил один, и, хотя жил он среди мирян, жизнь его была мироотреченная. На нем в полной мере оправдывались слова одного святого отца: "Не в уединении тела, но в благосостоянии и тишине сердечной иноческое совершается житие". Все свободное время он употреблял на неопустительное, несмотря на недомогание, совершение своего молитвенного монашеского правила и чтение Священного Писания. Писал ответы своим духовным чадам и знакомым на их письма, и в ссыльном житии не оставляя своего пастырского долга. Часть дня уходила на приготовление пищи и другие занятия.

На новой своей квартире в дер. Воспола о. Никон очень быстро убедился, что хозяйка его — женщина с характером исключительно сварливым,

злым и жестоким. Весьма возможно, что по причине ее тяжелого нрава и слишком высокой платы за квартиру у нее не жил никто. Она скоро учла беспримерное терпение и смирение о. Никона и помыкала им, как своим рабом, как невольником, невзирая на его высокий сан. Она заставляла его делать все, что ей вздумается, не считаясь ни с чем... Казалось, что сам бес вселился в нее, заставляя мучить о. Никона, чтобы испытать его терпение. Она даже запрещала ему принимать посетителей, иногда навещавших его. Отец Никон смиренно терпел все, беспрекословно выполняя все ее требования.

По состоянию здоровья о. Никон был освобожден от тяжелых работ, в основном, из-за больной ноги с расширенными венами. Хозяйка его это знала. Болезнь легких сделала его совсем нетрудоспособным. Ему нужен был отдых и покой. Но жестокая старуха не считалась ни с чем и не хотела верить, что ее квартирант и батрак болен. Она не давала ему ни отдыха, ни покоя.

Изнемогая от слабости, он выполнял все: возил на санках воду из колодца, колол, пилил и носил дрова, расчищал снег, ставил и подавал самовар, колол лучину и многое-многое другое. И все это — при постоянно повышенной температуре...

Отец Петр, живший в соседней деревне Козловке, за 3 км от Восполы, наблюдая все эти издевательства и зная, по рассказам других, о тяжелом нраве этой старухи, не один раз предлагал о. Никону найти квартиру в своей деревне и поселиться вдвоем с ним. То же советовал ему и о. Парфений, иногда навещавший о. Никона.

Но он, верный своему намерению жить только по воле Божьей, по-видимому, считал, что испытываемое им послано Самим Богом, и от подобных предложений молча уклонялся. Возможно, что, мало зная о. Петра, как человека и как монаха, он не решался по своей воле соединиться с ним на жительство, боясь навлечь на себя еще большие скорби в духовном отношении. Кроме того, его страшила перспектива хождения в Пинегу для отметки за 6 км, во всякую погоду — в дождь и невылазную грязь проселочной дорогой — осенью, в метель и сильный мороз — зимой.

О своей всецелой преданности воле Божией он неоднократно писал из ссылки разным людям: "...Веруя в пекущийся обо мне Промысл Божий, боюсь направлять по своемумышлению свою жизнь, ибо наблюдал, как своя воля приносит человекам скорби и трудности... Да будет же воля Божия, благая и совершенная! Ей вручаю и себя, и всю жизнь, и всех. Принятие воли Божией мир приносит моему сердцу..."

По-видимому, к тому времени в нем в полной мере созрело желание принести свою жизнь и всего себя в жертву Богу...

Такое благодатное настроение душевное, свойственное людям исключительно высокой духовной культуры, о. Никон стяжал благодаря несомненной, твердой вере в Бога и Его святой Промысл.

И в тюрьме, и в лагере, и в ссылке, несмотря ни на какие обстоятельства, духовный рост его продолжался, не ослабевая и не колеблясь. Он невидимо восходил по лестнице духовного совершенства все выше и выше, стремясь дос-

тигнуть конечной цели своего восхождения — прийти "в меру возраста исполнения Христова"...

Однажды, на 2-й или на 3-й неделе Великого поста, приблизительно в начале марта, о. Никон вышел из дома работать — копать слежавшийся за зиму снег и убирать его. Немного поработав лопатой, он почувствовал вдруг сильную слабость и боль всех вен от живота до пятки больной ноги. Возвратясь домой, в свою комнату, он положил компресс и измерил температуру. Термометр показал 40°. В ноге от сильного физического напряжения произошло кровоизлияние. Отец Никон слег в постель. На другой день температура снизилась, вены перестали болеть, кровоизлияние рассосалось, но на его месте открылась рана. Вечером этого же дня о. Никон внезапно почувствовал сильное колотье в груди и озноб. Температура вновь поднялась до 40°. Долго лежал он, больной, в постели, более трех недель. Кто его обслуживал в это время — неизвестно. Возможно, никто. Неизвестно также, навещал ли кто-нибудь его в это время. По-видимому, никто, потому что, немного оправившись, о. Никон, на 6-й неделе Великого поста, в конце марта, уже ходил в Пинегу "отмечаться". На почте, где он стоял в очереди за письмами и деньгами, увидел его о. Петр. Здороваясь с о. Никоном, он сразу заметил резкую перемену в его лице. Перед ним стоял совершенно больной человек, едва державшийся на ногах. На вопрос о состоянии здоровья о. Никон коротко ответил: "Совсем разболелся... Иду в больницу..."

В Пинежской районной больнице врач, выслушав о. Никона, подтвердил диагноз врача из Ке-

ми: туберкулез легких. — "Скоротечная?" — спросил о. Никон. — "Нет... — буркнул в ответ врач. — Но положение серьезное... Далеко зашел процесс..."

Один Господь знает, с каким невероятным усилием воли, преодолевая изнурительную слабость и боль в ноге, прошел о. Никон обратный путь из Пинеги до своей квартиры. В полном изнеможении повалился он на свое жесткое ложе.

Бесчеловечная хозяйка узнала, что он болен туберкулезом. Убедясь, что "батрак" ее заболел серьезно и, возможно, надолго (до этого она не верила его болезни, считала притворством), она, вместо того, чтобы оказать ему хоть какое-то человеколюбие и дать покой, стала выгонять его из дома. Зимой, в мороз, больного человека!.. "Иди куда хочешь... Ты мне, больной, не нужен! — кричала она. — Ко мне здоровые люди просят, они мне все будут делать. Мне больные не нужны. Мне нужно, чтобы работать могли, а не лежать... Еще заразишься от тебя, чахоточного... А если помрешь, что я тогда буду делать? Уходи, уходи... Куда хочешь уходи..."

Разъяренная, она влетела в его комнату и, сбросив на пол соломенный тюфяк и одежду, вынесла кровать. Положение о. Никона было безвыходное. Он до такой степени чувствовал себя плохо, что идти не мог никуда. И вспомнил он незабываемые молитвенные слова своего дорогого старца Варсонофия, его тихую келию в благословенном Оптинском скиту, его благословляющую десницу, опустившуюся на склоненную голову юного послушника Николая: "Господи! Спаси раба Твоего сего Николая! Буди ему помощник! Защити его, когда он не будет иметь ни крова, ни приюта..."

Как раз примерно в это время в ГПУ проводилась очередная "сортировка" ссыльных: их перегоняли дальше. Отец Никон числился в списке, но по болезни временно был оставлен на месте. В Лазареву субботу, 22 марта, о. Петр, тоже намеченный на переселение, пришел к о. Никону навестить его и проститься. Войдя к нему, он увидел такую картину: больной о. Никон, в ватном подряснике, шапке и валенках, лежал на двух табуретках. В головах у него стоял вещевой мешок со всеми пожитками, прислоненный к стене.

— Что это значит? — спросил ошеломленный о. Петр.

— А это значит — вылетай куда хочешь, — ответил о. Никон, в изнеможении опуская голову на мешок.

Доселе всегда уклонявшийся от предложений о. Петра жить вместе, о. Никон, видя безвыходность своего положения, сам начал просить его об этом. Отец Петр, конечно, с радостью отозвался на его просьбу, спешно пошел обратно в свою деревню, очень быстро нашел квартиру, взял лошадь у знакомого крестьянина и приехал за больным. В этот день, несмотря на конец марта, мороз был большой, дул сильный, пронзительный ветер. Отец Никон продрог, пока доехал до своего нового и последнего жилища...

"Аз бо уже жрен бываю и время моего отшествия наста. Подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох. Прочее убо, соблюдается мне венец правды, егоже воздаст Господь в день он, Праведный Судия" (2 Тим. 4, 6-8).

На новой квартире своей, окруженный заботами и попечениями о. Петра (его тоже временно оставили на месте), о. Никон вскоре начал чувствовать себя немного лучше. Повеселел, охотно беседовал с о. Петром и проходящими навестить его братьями и сестрами по духу. Кроме общей слабости и легкой болезненности в теле, он по-прежнему никаких изменений в своем организме не замечал. Беспокила его только постоянно повышенная температура, утром — 37° с долями, вечером — 38°, иногда и 39°.

Заболевшие ссыльные не получали никакой медицинской помощи. Идти пешком в Пинегу, в районную больницу на прием за 6 км о. Никон не имел сил. Нанять лошадь почти невозможно — свободных лошадей было очень мало в деревне. Да и не было смысла ехать в больницу, когда диагноз был уже известен. И хотя врач сказал, что "не скоротечная", постоянно высокая температура наводила на мысль о скоротечности болезни. Лечения не было никакого. Прописанного врачом тиокола после повторного заказа в аптеке не оказалось. Отец Никон, хотя и не возлагал большой надежды на лекарства, но не отвергал их.

Тиокол и другие лекарства ему неоднократно присылали из Козельска. Питание было довольно скудное и однообразное: суп, лапша, каша. В связи с повышенной температурой аппетит у о. Никона был плохой. Отец Петр прилагал все старания, чтобы улучшить стол больного. Начал изобретать более вкусные кушанья, доставал в обмен молоко и яйца. Вскоре после того, как окончился ледоход на Северной Двине и восстановилось пароходное движение, стали поступать посылки с продуктами и разными вещами, преимущественно "тряпками", как называл их о. Никон, для обмена. Полотенца, белье и вообще ткани пользовались большим спросом у населения, и о. Никон просил их присылать. Но несмотря на подкрепление и уход, несмотря на то, что о. Петр предоставил ему полный покой, силы о. Никона убывали с каждым днем. От изнуряющей температуры и плохого аппетита слабость увеличилась до того, что он почти все время лежал. Вставал ненадолго и опять ложился. А так как его непрерывно знобило, он лежал одетый в ватный подрысник и валенки, хотя в комнате было тепло.

Еще в 1930 году, когда духовные дети о. Никона узнали, что он живет на "вольной ссылке", некоторые из них просили у него разрешения приехать к нему повидаться. Отец Никон всем отвечал категорическим отказом. Строго запрещал приезжать к нему кому бы то ни было. Не разрешал он этого по многим причинам. Прежде всего, он был не уверен в своем положении, постоянно ждал переселения. Второй, не менее важной причиной была боязнь подвергнуть приехавших к нему всевозможным неприятностям. За ссыль-

ными было установлено наблюдение. Кроме того, о. Никон хорошо знал своих духовных дочерей, стремящихся к нему. Все они имели довольно смутное представление об условиях жизни ссыльных. Если бы он разрешил приехать одной, за ней приехала бы другая, третья, четвертая... Наблюдая за жизнью своих собратий по несчастью, он очень скоро убедился, что только тот мог надеяться на относительно спокойную жизнь, кто оставался незамеченным, кто жил тихо и уединенно, ничем не выявляя себя и не заводя знакомств. Он писал жаждавшим увидеть его, что и сам бы хотел повидаться со всеми близкими по духу людьми, но считает это "делом почти невозможным и безумным ради тех искушений и затруднений, какие могут встретить тебя, начиная с Вологды и по приезде сюда... Наделаешь и себе и мне скорби..."

+

Тем временем м. Амвросия, прибыв в январе 1931 года к месту своей ссылки, в Архангельск, увиделась там с о. Агапитом, который помог ей найти квартиру в деревне, где жил сам. Оптиные батюшки — Мелентий, Макарий и Федот, приехавшие вместе с ней, поселились в соседней деревне.

От о. Агапита м. Амвросия узнала адрес о. Никона и впервые услышала о его болезни. Она поспешила написать ему полное тревожного беспокойства письмо. Между ними завязалась переписка. Отец Никон, уважая ее как достойную монахиню и доверяя ей как врачу, не один раз лечившему его и в Оптиной пустыни, и в Козельске, подробно описал ей свою болезнь, все ее симп-

томы и условия своей жизни: "...Врач в Пинеге нашел у меня туберкулез и уже не в первой стадии, а далеко зашедший. Меня беспокоит то, что жар 38-39⁰ долго держится, а от этого и слабость, и аппетит пропадает. Больше лежу... Я сам удивляюсь, как быстро и неожиданно это для меня случилось. Теперь я думаю, что сравнительно легкие простуды, которые, казалось, прошли бесследно, были началом того, что сейчас видим..." "...Нет улучшения от начала болезни, вот уже два месяца... Мысль о смерти все ближе становится мне. Быть может, и судит Господь умереть мне..."

Приблизительно в это же время (весной 1931 г.) он писал другой своей духовной дочери: "...Скорбеть о том, что мы более не увидимся здесь, на земле, конечно, естественно. Но не следует скорбеть без меры. Я — человек. И Господь показывает вам, что суетно спасение человеческое, что нельзя надеяться на человека, что спасение — от Господа..."

Мать Амвросия, несмотря на свое тягостное и зависимое положение в ссылке, горела желанием оказать о. Никону помощь. Ей пришла мысль попросить свое начальство разрешить ей поселиться в Пинежском районе, ближе к о. Никону. В марте, вскоре после получения ею первого письма от него, она спрашивала ГПУ, когда ходила отмечаться, можно ли просить о том, чтобы ее послали жить в определенную местность Архангельской области. Ей ответили, что такое заявление подать можно. А какого результата можно ожидать от поданного заявления, ей не сказали. Прежде чем подать заявление, м. Амвросия посоветовалась с о. Мелентием, о. Макарием и о. Федотом.

Они сказали: "Как Царица Небесная укажет..." Помолились и положили за образ записочки: "Проситься" и "Не проситься никуда". Снова помолились и, прочитав на вынутой записочке слова: "Не проситься никуда", приняли это как указание воли Божией...

Со своей стороны, м. Амвросия также советовала о. Никону предпринять соответствующие меры для перевода его в местность, более благоприятную в климатическом отношении. Ей так хотелось видеть его, облегчить его болезнь, насколько это было возможно. Всем сердцем своим она стремилась в Пинегу. Она даже просила о. Никона вызвать ее к себе, как врача... Отец Никон написал ей в ответ:

"...Христос Воскресе, дорогая дочь моя, м. Амвросия... Вручаю себя Богу. Бываю покойнее, когда своей воли не проявляю. Поэтому просить о чем-либо не решаюсь пока. Да и нет уверенности, что будет обращено внимание... Сердечно благодарю тебя за любовь и заботу. Спаси, Господи! Конечно, и я рад был бы видеть тебя. Но нельзя забывать, что мы своей воли не имеем, и может получиться так, что в Пинеге будешь, но не будешь иметь возможности видеть меня, ибо и здесь бывают частые перемещения и назначения в разные места. Поэтому, думается мне, что не нужно тебе ставить свое положение в зависимость от моего... Не имея никаких примеров в отношении подачи заявления, никаких справок, да и почти не надеясь на какие-либо благие результаты, я пока решаюсь оставаться на месте, предавшись воле Божией... Вызывать тебя в Пинегу не решаюсь, сознавая, какие трудности могут тебя здесь встре-

тить. С другой стороны — как будто не решаюсь отклонить твое желание. Нет у меня определенной решимости в этом вопросе. Господи, помоги и вразуми!..

О себе могу сообщить, что болезнь, как мне кажется, идет вперед, ибо температура не падает: 38-39°. Это наводит на мысль о скоротечности болезни. А так я себя чувствую все время в одном положении. Есть легкая болезненность во всем теле и груди. Температура беспокоит меня и внушает мысль о близости смерти; о выздоровлении теперь почти и не думаю, считая это несбыточной мечтой. Предаюсь воле Божией... Будем молиться Господу, да спасет нас и да поможет нам в бедах и нуждах. Иного пристанища и надежды не вижу. Человеческие расчеты и суетны и ошибочны. Когда приходится терпеть и трудное что-либо, но знаешь, что нет тут своей воли, получается нравственное облегчение и мир души. Да будет воля Божия! Да не посрамит Господь нашей веры и преданности воле Его... Призываю на тебя мир и Божие благословение. Да хранит тебя Господь под кровом Своей благости. Молюсь о тебе моею немощною молитвою, но все же молитвою любви о Господе.

Единая надежда на Бога — вот твердое основание. Остальное все непрочное и особенно в нашем положении. Совершенно не знаешь, где лучше, где хуже, и что ожидает. Да будет воля Божия.

Преп. Федор Студит, сам бывший в ссылке, ликует и радуется за умирающих в ссылке. И мне приходила мысль, что мы, иноки, отрекшиеся от мира и ныне, хотя и невольно, проводим ми-

роотреченную жизнь. Так судил Господь. Наше дело хранить себя в вере и благодати и блюсти от всякого греха, а все остальное вручить Богу.

Не постыдится надеющийся на Господа.

Погода холодная, ветреная, пасмурная.

Прости, желаю тебе всякого благополучия и помощи Божией.

Прошу твоих св. молитв и у отцов.

30 апреля (13 мая)

Грешный иеромонах Никон”.

Это было последнее его письмо к м. Амвросии.

Как бы в подтверждение истинности слов о. Никона, м. Амвросию вместе с другими ссыльными вскоре после получения ею этого письма отвезли на барках в пересыльный пункт, на какой-то полуостров, недалеко от Архангельска, где был устроен карантин для ссыльных. Здесь она тоже спрашивала у своего начальства: ”Можно ли проситься после окончания карантина, чтобы переменили место ссылки”. Ей ответили: ”Конечно, нельзя...”

Через две недели всех ссыльных, в том числе и м. Амвросию, после карантина отвезли на баржах в Котлас, в знаменитую ”Макариху”. Там, в бараках, по сто и двести человек в каждом, в невероятно тяжелых условиях жило 18 тысяч ссыльных, в большинстве своем обреченных найти себе покой на местном кладбище... Много пришлось претерпеть м. Амвросии страданий, и нравственных, и телесных, но какой великой поддержкой в трудные минуты было для нее это последнее письмо о. Никона, полное мудрости духовной! Все ее желания и стремления быть возле больно-

го о. Никона и помогать ему в его болезни разбились в прах пред неисповедимыми путями Божиими!..

Советуя о. Никону подать заявление и мечтая самой переселиться в Пинегу, м. Амвросия по неопытности своей и некоторой наивности в практических делах не знала по существу положения дела в отношении ссыльных до тех пор, пока самой не пришлось убедиться в том, что не для спокойного жития, хотя бы и на чужбине, были осуждены они. Основная цель была — уничтожить веру христианскую, а для этого в первую очередь изолировать всех, активно проявляющих свою веру. И, конечно, изолировать не для того, чтобы они, окруженные вниманием, отбыв свой срок, возвратились здоровыми и полными сил на родину. Отец Никон все это знал и по собственному опыту, и по рассказам других ссыльных... Он был очевидцем и таких событий, о которых лучше умолчать...

+

Пришла, наконец, долгожданная весна и в архангельские пределы. Наступил май...

Отец Никон и отец Петр радостно встретили первые теплые дни, питая надежду на то, что с приходом весны и в организм больного вновь вольются силы и здоровье его улучшится.

Отец Петр, зная, что при этой болезни необходим свежий воздух, не один раз советовал о. Никону воспользоваться хорошей погодой, выйти из душной комнаты. Отец Никон по видимости соглашавшийся с его доводами, выходить

медлил, говоря: "Мать Амвросия мне написала, что при повышенной температуре выходить нельзя".

Один только раз, как бы оказывая послушание о. Петру, вышел он на воздух, но очень скоро возвратился. Хотя было тепло и тихо, ему было холодно и казалось ветрено...

Вскоре ясная теплая погода резко изменилась. Низко поплыли над землей свинцовые тучи. Пошли дожди и мокрый снег. Подул холодный, пронизывающий ветер. Было так холодно, что о. Петр затопил печь. Это было в начале мая.

И с этого времени состояние здоровья о. Никона резко ухудшилось. Жестокий недуг быстро прогрессировал, подтачивая силы. Температура не снижалась: утром — 38°, вечером — 39 и даже 40°. Появился кашель, одышка. Аппетита не было. От вареной пищи он отказался совсем. Съедал лишь 2-3 яйца, выпивал 2 стакана молока и 2-3 чашки чаю в день с небольшим количеством хлеба или печенья. Теперь он лежал, почти не поднимаясь. Лежа выполнял свое молитвенное правило, читал Священное Писание, лежа писал письма, положив бумагу на фанерную дощечку от посылочного ящика.

Еще через неделю или две температура стала подниматься порою выше 40°. Начались страдания. Высокая температура — жар, озноб, сменяющийся изнурительным потом, ужасающая слабость, одышка и пролежни, появившиеся к концу болезни, мучили его. Ему не хватало воздуха, ему нечем было дышать — легкие его сократились. Задыхаясь, обливаясь потом, молился он в постели: "Нечем дышать. Дайте воздуха!..

Дайте хотя немного...” — шептал он, изнемогая, а когда чувствовал себя немного лучше, тихо молился: ”Господи, помилуй! Господи, помоги...”

С каждым днем он слабел все больше... К концу мая он ослабел настолько, что и лежа был не в силах ни читать, ни писать. Отец Петр читал ему вслух получаемые письма и молитвенное правило. Отец Никон только перечитывал в письмах наиболее существенное, отмеченное о. Петром, диктовал ответы, а сам только подписывался и иногда добавлял несколько строк.

За последние два месяца болезни о. Никон почти ежедневно причащался св. Христовых Таин. Вначале — сам, а когда уже совсем изнемог, причащать приходил игумен Вифанского Скита о. Паисий. Он же был и его духовником. Иногда причащал его архимандрит Никита, родной брат одной из его духовных дочерей.

Квартира, где жили о. Никон и о. Петр, была спокойная. Ничто не нарушало тишины, столь необходимой для тяжелобольного. Отец Никон лежал и тихо молился, готовясь к исходу в вечность. Отец Петр самоотверженно ухаживал за ним. Он искренно полюбил о. Никона за время совместной жизни. Тишина у них была, покой. Молитвенное настроение о. Никона передавалось и его сожителю, и чувствовал себя о. Петр как когда-то в далеком, недостижимом Оптинском скиту, а не в ссылке...

И вдруг произошло неожиданное: 9/22 июня, в понедельник, вечером, неожиданно и незванно приехала к о. Никону одна из его духовных дочерей, Ирина Б., та самая, у которой он когда-то отдыхал в Оптиной пустыни (когда уже жил

в Козельске). Приехала она самолично, без благословения. Отец Никон никому не разрешал, несмотря на усиленные просьбы, приезжать к нему, даже тогда, когда исход болезни был очевиден. А сестре Ирине, после неоднократных и настойчивых ее просьб, написал даже, чтобы она "оставила его в покое". Сам истинный и нелицемерный послушник, он и от всех своих духовных чад требовал полного послушания. Поэтому внезапный приезд сестры Ирины не мог быть ему приятным.

Но, с другой стороны, страдавшаяся за годы изгнания душа его была рада видеть и слышать человека, приехавшего из дальних, родных мест. Принял ее о. Никон ласково, но, как говорил впоследствии о. Петр, "скрепя сердце". Женщину, проделавшую такой длинный, трудный путь и, возможно, израсходовавшую на эту поездку все свои скудные сбережения, оттолкнуть о. Никон, естественно, не мог, тем более, что, по словам о. Петра, сам о. Никон говорил ему, что с ней надо быть весьма осторожным, что она способна на все, вплоть до самоубийства...

Сестра Ирина, увидев своего дорогого духовного отца и наставника почти недвижимо лежащего, увидев его изменившееся, исхудавшее лицо, стоя на коленях перед ним, проливала обильные слезы. Отец Никон к этому времени до такой степени ослабел, что ему трудно было говорить. И все же он с любовью утешал ее... Сестра Ирина привезла письма, деньги, лекарства, необходимые для больного продукты питания.

Женское сердце ее огорчилось, когда она увидела о. Никона лежащим на жестком, сбившемся комками соломенном тюфяке, в неизменном

вагошнике и валенках. Она приложила все силы, чтобы облегчить тяжелое положение больного, окружила его вниманием и заботливым уходом. Теперь о. Никон лежал уже без валенок и подрысника, под одеялом, на тюфяке, хорошо набитом свежей соломой и на такой же подушке. На столе появились вкусные, питательные кушания... Но было уже поздно. К этому времени аппетит у о. Никона совсем пропал. Он даже яйца ел с трудом, понуждая себя.

С внешней, телесной стороны с. Ирина, бесспорно, принесла большую пользу больному своим заботливым, любовным уходом, облегчив его страдания и оказав существенную помощь. В духовном же отношении самочинным своим приездом, как и следовало ожидать, она отрицательно повлияла на душевное устройство о. Никона. Духовной поддержки в борьбе с лютым недугом она, конечно, не могла ему дать. Наоборот, с ее появлением мир ворвался к нему с его суетой. Присутствие сестры Ирины рассеяло его душевную собранность, нарушило молитвенное настроение...

В среду 11/24 июня о. Никон почувствовал себя так плохо, что о. Петр и сестра Ирина подумали, что он умирает, и поспешили его причастить. Два дня спустя наступило временное улучшение в самочувствии больного, предвестник приближающегося конца. Отец Никон, к удивлению окружающих, повеселел, оживился, много говорил с сестрой Ириной и всеми, приходившими навестить его. Рассказывал о своих переживаниях и страданиях за последние четыре года. Рассказов этих нельзя было слушать без слез. Расспрашивал сестру Ирину о своих духовных детях

и знакомых. Улыбаясь, вспоминал трагикомические эпизоды своей жизни, шутил... О. Петр, привыкший видеть его почти всегда сосредоточенно-молчаливым, удивился такому необычному подъему. Увы — это была последняя вспышка жизненных сил, как у догорающего костра перед тем, как погаснуть совсем...

Сестра Ирина, обрадованная оживлением болящего, со своей стороны, начала говорить ему о подаче заявления о переселении в более благоприятное для его здоровья место. Доселе отвергавший все подобного рода советы, о. Никон, к удивлению о. Петра, неожиданно согласился. Торопился даже сделать это. Жажда жизни ненадолго вновь заговорила в нем... К заявлению должна была быть приложена справка врача о болезни.

14/27 июня привезли из Пинеги врача. Выслушав о. Никона, он, желая, по-видимому, подбодрить и успокоить его, сказал, что никакой "скоротечной" чахотки у него нет, что слабость — явление временное, что со временем она пройдет. А о. Петру и с. Ирине, когда они вышли его проводить, откровенно сказал, что все уже кончено... "У него — цветущий туберкулез, то есть в конечной стадии. Отжился он... Живет только потому, что сердце у него здоровое. Никакие лекарства и никакое переселение уже не помогут..."

Как часто, с любовью вспоминая м. Амвросию, говорил о. Никон во время своей болезни: "Вот если бы была здесь м. Амвросия, она бы мне всю правду сказала..." Как духовный отец, он хорошо знал ее, знал, что по своему высокому духовному устроению не стала бы она его обманывать и, видя приближающийся час смер-

ный, вселять надежду на жизнь. Наоборот — предупредила бы его об этом...

Словно бы следуя примеру большинства умирающих от этой болезни, о. Никон, хотя и говорил, что он "уже не жилец" и что "не надеется на выздоровление", почти до самого конца не терял надежды. Все клетки его еще молодого организма жаждали жизни. И хотя он сознавал, что положение его безнадежно, тело его не хотело примириться с доводами разума. "Дух его был бодр, плоть же немощна". Он не хотел умирать, и, как сам он говорил окружающим его, у него не было ни предчувствия приближающегося конца, ни страха смерти. Такое раздвоение тяготило его, и он даже молился, чтобы Господь открыл ему или кому-либо другому — будет он жить или это уже конец.

За два месяца до смерти, в конце апреля, одна из его духовных дочерей видела сон, поразивший ее своей отчетливостью. Она описала его в письме о. Никону. Виделось ей, что оптинский старец Варсонофий пришел на квартиру о. Никона в Козельске и начал выносить вещи из комнаты. Когда же он взял кровать, чтобы ее вынести, она сказала: "Батюшка, зачем же кровать-то выносить? Ведь о. Никону негде будет спать..."

Старец на это ответил ей: "Он собирается ко мне и ему кровать не нужна. Я ему там свою дам кровать..."

В ответном письме о. Никон писал: "Сон твой похож на истину. Вообще я снам не верю, но бывают иногда и истинные сны. Быть может, и судит Господь мне умереть..." — Можно ли было считать этот сон ответом на его молитву?..

После визита врача, через два дня, временное улучшение исчезло. В организме о. Никона произошел резкий поворот к худшему. Теперь уже не только с каждым днем, а с каждым часом он все более слабел. В таком тяжелом состоянии ни о предполагаемой подаче заявления, ни о переселении не могло быть и речи. Смерть быстрыми шагами приближалась к нему. С этого времени принимать лекарства о. Никон отказался. По всей вероятности, слабая надежда на выздоровление, так долго таившаяся в нем, погасла совсем. Пищу, в минимальном количестве, он принимал через силу. Охотно пил только чай с небольшим количеством портвейна. Страдания же его к последним дням жизни уменьшились. Он не страдал, умирая. Оставалась только слабость, иногда — до дурноты. Когда температура поднималась выше 40⁰, болящий бредил. Вспоминал в бреду оптинских старцев и братьев. Он приводил к покаянию своих духовных детей, называя их по именам, крестил воздух, как бы благословляя кого-то...

Однажды увидел он почившего оптинского старца Макария.

— А, всечестнейший батюшка, о. Макарий! Ирина, подай стул... К нам пришел старец Макарий, а ты и не видишь!..

Сестра Ирина медлила исполнить приказание, думая, что о. Никон бредит.

— Простите, батюшка, ведь она — неопытная... — тихо произнес о. Никон и затих.

А за несколько дней до смерти он попросил ухаживающих за ним о. Петра и Ирину называть его не "батюшкой", а "владыкой". И неоднократно поправлял их, когда они называли его "батюшкой".

Впоследствии некоторые смущались этим и, не зная, чем это объяснить, предпочитали обходить молчанием. Пишущий эти строки склонен думать, что о. Никону, возможно, перед кончиной было видение, а какое — неизвестно. Оно умерло вместе с ним. Не всегда и не всем можно поведать все происходящее в нашем внутреннем человеке и не все можно выразить словами...

Прикованный недугом к постели, ослабевший до крайности, о. Никон продолжал тихо молиться, едва слышным голосом диктовать о. Петру ответы на письма. 20 июня ст. ст. он попросил дать ему лист бумаги и карандаш. Хотел что-то написать. "Какая красота в духовных книгах..." — начал он, и карандаш выпал из его ослабевшей руки. В этот же или на другой день у него пошла кровь "через желудок". (По-видимому, и кишечник его к концу болезни был захвачен туберкулезным процессом.)

24 июня (ст. ст.), собрав последний остаток сил, он попытался написать ответное письмо своей духовной дочери в Калугу. Написав крайне искаженным почерком несколько слов, он не в состоянии был продолжать письмо и отложил до другого дня. А на другой день, в среду 25 июня, он ослабел до такой степени, что и говорить не мог. Письмо осталось недописанным.

Видя его тяжелое состояние, о. Петр поспешил пригласить о. Никиту, который не замедлил прийти к умирающему. Причастив его св. Христовых Таин, он тут же после причащения счел необходимым прочитать над ним канон "на исход души". Это было в 12 часов дня. В 2 часа о. Никон пил чай. В 7 часов вечера выпил еще немного и

затих. Часов в 9 вечера с. Ирина предложила ему еще чаю, но он отрицательно покачал головой и закрыл глаза. Подумав, что о. Никон хочет заснуть, с. Ирина тоже легла в соседней комнате отдохнуть. Отец Петр сидел за столом и писал. Тихо было в доме. Только тяжелое дыхание больного и тихие стоны его нарушали безмолвие. Часа через полтора с. Ирина вновь подошла к кровати умирающего. Отец Никон все так же спокойно лежал, редко и тяжело, со стонами, дышал. Что-то поразило с. Ирину, когда она взглянула на его лицо. Какая-то едва уловимая перемена произошла в нем за эти полтора часа...

— Отец Петр! Да ведь батюшка умирает!.. — воскликнула она.

Подошел о. Петр. Молча, со страхом и трепетом, стояли они и смотрели, как душа о. Никона покидала тело. Дыхание становилось все реже и реже. Промежутки между вдохом и выдохом — все длилнее... Минут через пять последний тяжелый вздох приподнял его грудь и... наступила страшная тишина... Было 10 часов 40 минут вечера. Как лежал о. Никон на правом боку с чуть наклоненной к плечу головой, так и скончался.

За последние дни своей жизни он часто молил Господа о ниспослании ему христианской кончины. Господь услышал его молитву и даровал ему кончину праведника, безболезненную, тихую, непостыдную, мирную. Казалось, что он не умер, а заснул спокойным сном до общего воскресения.

На другой день, 26 июня (ст. ст.) пришли отдать последний долг почившему архимандрит Никита, игумен Паисий, один протоиерей, четыре монаха и другие ссыльные братья и сестры. Священнослу-

жители тихо положили тело о. Никона в гроб, заранее заказанный о. Петром. Прочитали еще раз канон "на исход души". Отслужили большую панихиду. Затем начали служить погребение по чину монашескому, здесь же, в квартире почившего. Тихо окружили гроб с телом новопреставившегося священно-инока Никона. Тихо пели надгробные песнопения. Тихо теплились свечи в их руках, озаряя слабым светом лицо усопшего. Отец Никон лежал в гробу, как живой. Одет он был в полумантию, епитрахиль и поручи. На голове была скуфья. (Посылка с длинной мантией и клобуком задержалась и была получена после похорон.)

О. Парфений, оптинский иеромонах, о котором упоминалось выше, хотя и был с покойным о. Никоном в хороших дружеских отношениях, в погребении участия не принимал из-за разногласия с о. Никоном в некоторых церковных вопросах ... Пришел он проститься с покойным, когда все ушли. На предложение с. Ирины отслужить панихиду ответил: "Нет... Отец Никон будет обижаться на меня... Я дома за него помолюсь".

Приподняв наглазник и взглянув на лицо усопшего, он воскликнул: "Смотри-ка! Сейчас засмеется!.." Этот же о. Парфений за несколько дней до кончины о. Никона видел сон: о. Никон вдвоем с о. Кириллом, с чемоданами в руках, куда-то шли. Отец Парфений спросил: "А меня-то возьмете с собой?" — Отец Никон ответил ему: "Ты как хочешь, а Кирилла я не оставлю..." И оба пошли дальше...

В пятницу 27 июня в 2 часа дня состоялись похороны.

За короткое время жития о. Никона в Пинеж-

ских краях узнали его многие из ссыльных, живущих там, и по достоинству оценили как доброго, отзывчивого, чуткого и внимательного к нуждам других человека и пастыря. Все они в этот день собрались, чтобы сказать ему свое последнее "прости" и дать ему, "бездыханно, безгласно" лежащему во гробе, последнее целование...

Одних священнослужителей на похоронах было 12 человек. Удивительно, что все они, за неделю до кончины о. Никона, находились на работе, где-то за 60 км от своих жилищ. И вдруг прибыли. Точно о. Никон ждал их возвращения и не умирал... Точно на погребение его они были отпущены...

Господь даровал Своему верному слуге мирную христианскую кончину и по преставлении почтил соответствующим его сану и заслугам погребением. Не как скромного и безвестного иеромонаха, а как архиерея, правда, не в блестящих облачениях и не с громким, торжественно-печальным, погребальным пением, проводили они почившего до его последнего места упокоения.

Не в лагере, среди отвратительной обстановки, мерзком и тягостном христианскому духу окружении, предал о. Никон свою праведную душу Господу. Окруженный любовью и сопутствуемый молитвами, испустил он свой последний вздох. И тело его девственное не было брошено небрежно в яму, вместе с другими мертвецами, без молитвы и без креста. Это был дар от Господа, ниспосланный ему. Это был один из венцов небесных, долженствующих украсить его в будущем веке...

Гроб с его телом священнослужители вначале несли на руках, потом везли на лошади, в санях, по глубокому песку. Затем опять на руках несли по лугу до самого кладбища. Тело о. Никона было предано земле по велению Господа, Творца всех, держащего в Своих руках жизнь и смерть каждого и рекшего: "яко земля еси и в землю отидеши". Праведная же душа его предстала пред Господом своим и Создателем, неся деяния и помышления...

Над могильным холмиком, прикрывшим тело, водрузили дубовый крест. После похорон в квартире покойного была предложена всем поминальная трапеза.

15

"Сим суть иже приидоша от скорби великия и испраша ризы своя и убелиша ризы своя в крови Ангчей" (Откр. 7, 14).

"Се аз и дети, яже дал ми еси, Господи..." (Исаия 8, 18).

Скорбное известие о кончине о. Никона быстро долетело до всех знающих и любящих его. И хотя все были уверены в том, что никто никогда не увидит его живым, мысль о неизбежности печального конца наполнила страхом сердца всех...

"...Итак, волею Божией, не стало человека, еще молодого, примерного по религиозности и отсюда и по нравственным взглядам. Достаточно даровитого, чтобы добре влиять на других и быть

полезным деятелем на ниве Христовой. Господь все устроит на пользу людей, для вечного блага. Так и о. Никону были попущены немалые испытания, чтобы в молодых годах земной жизни он созрел для доброй вечности. "Блажен путь, в онь же идеши, душе, яко уготовася тебе место упокоения..." — так писал, узнав о смерти о. Никона, "один старец", по всей вероятности, оптинский иеромонах, о. Иосиф Полевой, знавший о. Никона еще юным послушником Скита.

Вскоре после кончины о. Никона, в том же 1931 или в 1932 году, Калужским епископом Павлином было получено письмо от одного близкого ему человека. Письмо было большое. В конце письма некий Иван Яковлевич приложил трогательное описание своей встречи с о. Никоном в ссылке.

"...Недавно я получил известие о смерти Оптинского духовника иеромонаха Никона. Я с ним познакомился на пути в Соловки. В Бутырской тюрьме соединили нас в одну партию. Он был летами, пожалуй, моложе меня и на вид казался сохранившимся человеком. С ним тогда был другой монах, тоже Оптинской пустыни, некто Михаил Таубе. Сравнительно молодой человек, интеллигентный, с высшим светским образованием. Они оба были очень хорошего монашеского устроения. (Все это я узнал позже.) Это были люди, так сказать, Оптинской духовной культуры. И я был рад такой встрече на том тяжелом пути. Они, эти два инока православных, были первые духовные лица, которых я увидел в своей партии арестантов, направляемых в Соловки. С Бутырской тюрьмы мы были вместе всю дорогу до Кемь. И в Кемьперпункте я был, пожалуй, месяца

два вместе с ними даже в одном бараке. И вот теперь, когда дошла до меня весть о кончине о. Никона, живо вспомнилось все. И жизнь наша тогдашняя, и светлая личность почившего. И теперь мне хочется поделиться с Вами этими воспоминаниями...

Отец Никон и о. Михаил*. Как сейчас их вижу!.. Отец Михаил был на вид высокий, худой, молодой, интеллигентный человек, брюнет, в монашеском одеянии**. А о. Никон — немного постарше, на вид — здоровый человек, не худощавый, волосы и борода — русые, роста среднего, лицо — открытое, приятное. Он тоже был в монашеском одеянии. Всегда разумные, выдержанные, всегда светлые духом, они были истинные иноки православные. И мне так отраднo было их видеть, слышать. Мы вместе были, как я уже упоминал, начиная с Бутырок и дальше. Арестантские вагоны-клетки, Ленинградская тюрьма, опять на сотни верст пути вагон-клетка и, наконец, Кемь. "Кемьперпункт". Бараки, теснота, клопы, ругань, работа и все, все, что вместилось в нашу жизнь тех дней, все мы пережили вместе. Пока не расстались... А расстались так. Сначала, однажды, вызвали о. Михаила и отправили с собранной партией в одну из "командировок", куда-то в лес, на побережье Белого моря. Потом, через месяц или два, вызвали меня к отправке на Соловецкий остров. Когда я уходил в своей партии на пароход, о. Никон оставался в Кемьперпункте, по-прежнему

* Отец Агапит.

** Отец Агапит, как только его арестовали, надел монашескую одежду и не снимал ее.

сторожем. Так и остался он у меня в памяти сторожем около каких-то сараев и каких-то бочек... Всегда с книжкой в руке, спокойный, тихий, молчаливый, уравновешенный... Оттуда, где он дежурил, видно было море. Это море мне хорошо запомнилось. Особенно я любил его в безлюдные белые ночи, когда только гаги кричали вдали, на море, уже почти свободном ото льда, да нежный свет белых ночей что-то говорил душе. Вероятно, и о. Никон это видел, переживал и заметил, и унес потом в своей светлой душе... Мне так и не пришлось с ним поговорить так, как хотела того душа моя. И только отчасти мы обменивались своими мыслями по тому или иному вопросу. И его рассудительность, уравновешенность и какая-то особая духовная культура, Оптинская, вероятно, сказывалась и в жизни его, и в поведении его, и в словах его и в его молчании... Я его ценил, как и его друга, о. Михаила. Рад был, что увидел их. И теперь благодарю Бога за эту жизненную встречу..."

Далее было приложено в копии письмо, которое Иван Яковлевич через других получил из Караганды от о. Кирилла, с описанием последних дней жизни, смерти и погребения о. Никона.

Свое письмо к владыке Павлину он заканчивает словами: "...Это письмо я нарочито целиком переписал, для полной картины. Трогательно все это — как жизнь и кончина о. Никона, так и память о нем среди знавших его. Царство ему Небесное! А остальным добрым инокам и верующим душам из мирян да поможет Господь в подвиге христианской жизни".

Интересно, что владыка Павлин, назначенный на Калужскую кафедру в декабре 1930 года, о. Ни-

кона не знал совсем и никогда не был в Оптиной пустыни. По-видимому, Иван Яковлевич, хорошо зная высокое монашеское устройство Пресвященного Павлина и желая доставить ему духовную радость имеющимися у него сведениями о подвижнике нашего времени иеромонахе Николе, счел своим долгом подробно описать и свою встречу с ним, и создавшееся у него впечатление.

Отец Никон скончался 25 июня/8 июля 1931 года, в полном расцвете телесных и душевных сил, ибо не было ему еще и 43-х лет.

Проследив мысленным оком всю его жизнь, со дня вступления в Оптинский скит и до кончины в далекой, неведомой нам Пинеге, невольно удивляешься прозорливости и мудрости приснопамятного старца Варсонофия, за много лет вперед произнесшего пророческие слова о будущей жизни своего ученика, юного послушника Николая.

”...Вся наша жизнь есть дивная тайна, известная одному Богу... Всегда и во всем есть некое сцепление обстоятельств, но цель этого сцепления нам неизвестна. Мы не понимаем значения того или иного обстоятельства, но во всем есть глубокий смысл. Случайного ничего нет в нашей жизни. Даже то, что кажется нам пустяками, имеет свой смысл... Замечайте события вашей жизни. Впоследствии многое откроется...”

Если читатель помнит, юноша Николай Беляев впервые увидел Иоанно-Предтеченский скит Оптиной пустыни в день празднования обретения главы Иоанна Крестителя, 24 февраля. А скончался он на другой день храмового праздника Скита, Рождества Иоанна Предтечи.

”...Пожалуй, вы доживете до тех дней, когда опять будут мучить христиан... Я говорю про мучения, подобные древним... Гонения и мучения первых христиан, возможно, повторятся... Вы доживаете до этих времен. Попомните мое слово. Тогда вы скажете: ”Да, помню, все это говорил мне батюшка Варсонофий...”

Сколько этому прошло лет!

В день смерти о. Никона, 25 июня, Церковь совершает память св. преподобномученицы Февронии-девы. По жизни своей, страданиям и кончине о. Никон, действительно, был подобен преподобномученице, душу свою и всю жизнь свою посвятившей Богу. И он, страдая за Христа, как бы вместе со святой преподобномученицей Февронией, взывал словами церковного песнопения: ”...Сладчайший Христе... не трудно ми тещи во след Тебе, ибо сладость любви Твоея душу мою надеждою впериди и красота милости Твоея сердце мое услади, испити чашу страданий по Тебе, да достойну мя в чертозе с мудрыми девами ликоствовати о Тебе сопричтеши...” (кондак преподобномученице Февронии).

О, блаженный отче, старче Варсонофие! Ученик твой, до конца дней своих хранивший заветы твои, всю свою жизнь свято нес в душе своей свет небесный, неугасимый, радостью наполнявший все существо его и чрез страдания перешел в жизнь вечную...

При пострижении в чин Ангельский о. Николаю было дано новое имя ”Никон”, в честь мученика Никона (28 сентября). Во святом Евангелии, которое положено Церквию читать в день памяти мученика, есть слова: ”И вы же свиде-

тельствуете, яко искони со Мною есте". Когда-то в Козельске о. Никон в день своего Ангела пояснял эти слова своим духовным чадам, говоря, что святые мученики потому имели свидетельствовать претерпеваемыми мучениями о своей вере во Христа, что всегда были с Ним, не только на словах, но и всюю своею жизнью служа Господу своему, Иисусу Христу.

/.../ По словам одного святого отца, монашество есть невидимое мученичество. И не только своей борьбой в течение монашеского поприща своего с миром, плотию и диаволом, но и изгнанием, и страданиями своими, о. Никон до некоторой степени уподобился мученику.

+

Со дня кончины приснопамятного отца нашего иеромонаха Никона прошло более 30 лет. Почти все отцы и братия Оптиной пустыни, спутники и сподвижники о. Никона, окончив свой жизненный путь, ушли в вечность. Многие и из его духовных чад и почитателей переселились из сей земной юдоли, преисполненной треволнений и бедствий, в иную, неведомую нам страну. Немногие, оставшиеся в живых, состарившиеся и ослабевшие, готовясь к переселению в иной мир, свято чтут память своего духовного отца и наставника — отца Никона. Образ его освещает им нелегкий жизненный путь, пройденный ими, и напоминает о смирении, покаянии и терпении в их единнадцатый час жизни. Из далекого, потустороннего мира звучит его голос в их сердцах, — никогда не умирающий призыв к жизни веч-

ной, к жизни по Божиим заповедям в духе Истины. И не только слова его и поучения, которыми руководил он своих чад духовных по пути истинной жизни во Христе, но и вся его жизнь, жизнь подвижника нашего времени, осталась примером и образцом для подражания.

/.../ "Всякая душа, озаренная свыше благодатию, бывает проста. В ней нет ни лукавства, ни лести. Она — сосуд и жилище Самого Бога". Благодать освящала и освещала его душу и всю его жизнь. Она светилась и сияла во всех делах его и словах. Лучи благодати, незримо исходящие от него, привлекали к нему людей, изнемогающих среди мрака злой и пустой житейской суеты, страдающих под тиранией своих собственных страстей. Шли к нему всякого возраста люди, простые и образованные, умные и неразумные, стремясь получить хотя бы крохотную долю света Божественного, освещающего его душу. И кто бы ни приходил к нему за советом и наставлением, он никогда никому не отказывал, стремясь исполнить хотя бы отчасти слова Господа своего Иисуса Христа: "Грядущего ко Мне не иждену вон". Озаренный благодатным светом, он каждому, приходящему к нему, давал такой совет и наставление, какое мог дать только человек, "имеющий твердую несомненную веру и ходящий всю жизнь по стезям заповедей Божиих".

В годы ощутимых страданий и лишений, постигших всех верующих христиан, когда многие под бременем искушений подвергались унынию и расслаблению, он особенно настойчиво учил великой добродетели терпения. Постоянно напоминал всем о необходимости терпеть то, что по-

слано Богом, и не любопытствовать о будущем... Часто повторял он унывающим: "Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения...", настойчиво убеждая в том, что в деле спасения нельзя рассчитывать на неизвестное, более благоприятное будущее.

Сам же он был великим образцом терпения, всегда, с дней юности и до кончины своей, благодушно переносил все, ниспосланное ему Богом...

Молитвы, этого основания монашеской жизни, он не оставлял никогда. Даже в тюрьме, даже в ссылке. Там, где невозможно было выполнять по книге молитвенное правило, читал мысленно по памяти то, что мог вспомнить, промежутки заполняя Иисусовой молитвой. Даже в тяжелой болезни своей, прикованный к смертному одру своему, когда не было у него сил читать по книге — молитва и молитвенное воздыхание не сходили с уст его. Чаще всего он повторял молитву Иисусову и молитву "Царю Небесный". Читал на память каноны Иисусу Сладчайшему и Божией Матери до тех пор, пока совсем не изнемог.

/.../ У одного из подвижников древних времен, преп. Варсонофия Великого, среди его изречений, дошедших до нас, есть такие слова: "Бог не возмет души праведника дотоле, доколе не приведет его в меру высокую, в мужа совершенна". Несмотря на свой сравнительно еще молодой возраст, о. Никон много потрудился, сражаясь с невидимыми врагами христианства и монаха, от мира плоти и дьявола находящими, доблестно отражая силою Христовою их нападения. В то же время он потрудился и на ниве Христовой, усердно

сея семена правды, любви и добра. Доброе семя, всеянное им с любовью в души пасомых им словесных овец Христовых, не погибло. Оно возросло невидимо и тайно, как прорастает посеянное в землю зерно...

Тело о. Никона лежит в далекой Пинеге. Дух его витает незримо в душах любящих и помнящих его. Душа его предстоит пред Господом в ожидании того таинственного и страшного мгновения, когда "времени больше не будет", когда книги жизни всех разгнутся и тайны всех откроются. Тогда предстанет и его душа пред Господом своим и Создателем и, указывая на души своих чад духовных, смиренно произнесет: "Се аз и дети, яже дал ми еси, Господи!.." "Изводяй честное от недостойного, яко уста Моя будут..." — глаголет Господь.

Преподобный отец наш Ефрем Сирийский сказал: "Жизнь праведных начинается по кончине их..." В другом месте он произнес: "Не плачьте над умершими, это — общий путь и блажен кто достигнет его безукоризненно..."

Вечная тебе память, достоблаженне отче наш, Никоне, приснопоминаемый. Бог да ублажит и упокоит тя, и нас помилует, яко благ и человеколюбец.

Предстоя престолу Божию, яко един от избранных, помяни в своих святых молитвах недостойных чад твоих, чтущих память твою, отче наш Никоне, приснопамятный...

Богу нашему слава!

Калуга, 1965 год

Иеромонах НИКОН

ЗАПИСИ, СДЕЛАННЫЕ НА ПОЛЯХ КНИГИ ЕП. ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА

С книгой еп. Игнатия Брянчанинова (Соч., том 5-й) о. Никон не расставался во время своего тюремного заключения в Калуге (1927-1929 гг.); перед этапом на север ему было разрешено свидание с духовными детьми, он вынес книгу и незаметно вложил ее в широкий рукав монашеского ветошника матери Амвросии, которая и вынесла ее из стен тюрьмы. Эти драгоценные записи — духовное завещание иеромонаха о. Никона своим осиротевшим духовным чадам, живое свидетельство его старческого подвига.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ЗАПОВЕДЕЙ И О ЖИТЕЛЬСТВЕ ПО ЕВАНГЕЛЬСКИМ ЗАПОВЕДЯМ

Один старец поведал своему ученику, что он, будучи еще мирским, пришел к своим знакомым и между прочим заговорил о Боге, о вере Христовой и о других предметах духовных. Одна из присутствующих не соглашалась с его рассуждениями и даже высказывала свое неверие и, во всяком случае, несогласие с учением Церкви Православной.

Не будучи в состоянии убедить разгорячившуюся собеседницу, он сказал: "А что, если бы ваш покойный родитель или кто другой из близких ваших, явившись вам, засвидетельствовали бы истину того, что утверждает Святая Церковь — поверили бы Вы тогда или нет?" — "Нет", — ответила она. — "Ну вот! Это только подтверждает Святое

Евангелие, говорящее: "Аще кто из мертвых воскреснет, не имут веры", — это и требовалось доказать".

Вот до какого безумия может дойти человек, желающий жить по своей воле, а не в послушании св. евангельскому учению. Кто не захочет принять Св. Евангелие сердцем своим и жить по нему, для того не вразумительны самые лучшие проповеди и назидания, самые убедительные доказательства.

Делание душевное спасительное заключается в усвоении уму и сердцу святого евангельского учения. К великому прискорбию часто люди (как иноки, так и мирские, считающие себя христианами), любящие читать Св. Евангелие, ходить в Церковь и вообще принадлежащие к Св. Православной Церкви или считающие себя таковыми — не хотят или не стараются во всех вопросах и обстоятельствах жизни применять к себе заповеди евангельские, зная их; как будто они, то есть заповеди, даны для всех, кроме них. Например, прекрасно известно, что Евангелие требует, чтобы мы прощали обиды друг другу. Но нам не хочется простить, мы находим с п р а в е д л и в ы м так или иначе отплатить причинившему нам скорбь и таким образом отрекаемся от Христова учения, если не словами, то своим сердцем.

Какое безумие! Преп. Марк Подвижник пишет: "Господь сокровен в заповедях Своих и обретается ищущими Его по мере исполнения ими заповедей Его" (Законе дух., гл. 190). Глубокое значение имеют эти слова. Найти Господа может только тот, кто в своей личной жизни исполняет заповеди Христовы. А если кому своя во-

ля — ”чтоб было по-моему” — дороже учения Христова, — умолчу... Каждый пожнет, что посеял.

Надо не только знать Св. Евангелие, но и жить по нему, иначе нельзя быть христианином, тем более монахом. Необходимо человеку лично самому начать жизнь по разуму Св. Евангелия и Св. Церкви Христовой — как по внешним поступкам, так и по душе. Только личный подвиг очищения сердца от страстей по заповедям Христовым может уяснить этот вопрос.

О БОРЬБЕ С СОБОЙ И О ХРАНЕНИИ СЕБЯ ОТ СОБЛАЗНОВ

Человек, не сдерживающий себя в мелочах, думая, что мелочь ничего не значит, отвыкает от борьбы с собой, расслабляется в духовном отношении. Отвыкнув от борьбы в вещах ничтожных и малых, по его мнению, он вообще отвыкает от борьбы с собой и не выдерживает уже искушения, когда требуется оказать доблесть о Господе и в важном деле. Прекрасно рассуждает о сем преп. Авва Дорофей.

В такое состояние самоугодия и нежелания бороться с собой можно прийти незаметно для себя, постепенно. Да не обольщает нас враг! Будем бдительно следить за собой. Желаящий стяжать послушание истинное должен стараться слушаться всегда, в самых простых, даже житейских делах, только нельзя быть послушным на злое дело. Желаящий стяжать целомудрие и чистоту сердца должен отказаться от всяких мечтаний и услаждений греховных, как бы они малы ни казались. Желаящий иметь веру твердую правосла-

ную не должен позволять себе ни слушать, ни думать, ни говорить ни о чем, противном вере. Желаящий стяжать любовь должен отвергнуть всякое злобное и немирное помышление, не говоря уже о делах и словах, должен прощать всем обиды справедливые и несправедливые. Желаящий обрести благую совесть и честность не должен позволять себе ни малейшего ложного и лукавого слова ни в больших делах, ни в малых и т. д. Навык имеет огромное значение и благой и злой. Навык влечет к себе человека. Откинув самосожаление и лукавство, с самоотвержением начнем исполнение заповедей Христовых и в больших и малых делах, с одной стороны, и борьбу с грехом также в больших и малых делах, с другой стороны.

Св. Апостол всех предупреждает к хранению себя от соблазнов и вниманию к себе: "Если ты думаешь, что ты стоишь, то блюди себя, чтобы не упасть" (1 Кор. 10, 12). Никто до самой смерти своей не застрахован от всевозможных падений душевных и телесных. Во всяком смирении нужно блюсти себя.

Если каждое дело, слово и помышление кладет на нас печать, то и надо принять все меры к сохранению себя от всего вредного. И еп. Игнатий и свв. отцы пишут, что очень часто, почти всегда, мы не чувствуем вреда для себя от вредного дела непосредственно после этого вредного дела: этот вред сказывается через некоторое время; получается плод от принятого в себя зла, который дает себя почувствовать различными своими проявлениями. Это может каждый видеть на себе, пожиная горький плод своих ошибок и увлечений; не видит и не чувствует этого только тот, кто

вообще не внимает себе и не рассматривает себя, свое душевное и сердечное состояние при свете Св. Евангелия и Писаний отеческих, иначе говоря, проводит рассеянную жизнь. Часто вредное дело не кажется вредным. Это обольщение вражие. Не следует доверять себе, своему сердцу и рассуждению. В решении вопроса, что вредно и что не вредно, надо руководствоваться указаниями Евангельского Писания и уставом Церкви Православной и свв. отцов, а также советами духовного отца или старцев, которые от опыта своего в духовной жизни могут дать назидание.

Грех кладет печать не только на душу, но и на внешность человека, на его внешнее поведение и вид.

Подыскивание оправданий себе не может успокоить совести, оно только больше расстраивает человека.

Трудно вырваться из-под власти греха. Спасительно — страх смерти, милость Божия дает время на покаяние, нужна настойчивость в борьбе с грехом, хотя бы грех по временам и одолевал. Необходимо удаляться от соблазнов и суеты вообще. Цель пощения Господом преткновений заключается в приобретении человеком смирения и отвержения самонадеянности. Необходимо отвергнуть всякое уныние и продолжать борьбу с грехом.

Ошибаются ожидающие и ищущие удобств и спокойствия в жизни, для спасения необходимы скорби, лишения, трудности. Если жизнь так переменчива, скоропреходяща, зачем к ней прилепляться?

Смиренно считая себя всегда, до самой смерти, способным ко всякому греху, к малому и боль-

шому (по нашему пониманию), надо усердно молиться Господу о помощи "да не внидем в напасть". Самомнение не заботится о хранении себя и бывает причиной великих падений; соблазны берут верх и низлагают человека.

Некоторые, видя, что Господь им не дает долгое время желаемого им образа жизни, в коем они надеются получить пользу душевную и успокоение своему мятущемуся сердцу, впадают в нерадение, заразив себя ложною, внушенной врагом мыслью, что, мол, буду понуждать себя на добродетель тогда, когда буду иметь к тому удобство (например, когда сподоблюсь монашества или уединенного жития или по удалению от себя тех или иных обязанностей и т. д.), а сейчас мне это невозможно.

Такие пусть знают, что *наша жизнь устроится не самочинно, а Промыслом Божиим*, что успокоение обретается в отречении своей воли, что полного удобства никогда нельзя найти, что невозможного Господь не требует от нас и что посильное исполнение заповедей Божиих возможно везде и всегда. За посильное понуждение себя в данном месте и положении ко благочестию Господь, увидев человека приуготовленным, исполняет во благих желание его /.../.

О ВОЛЕ БОЖИЕЙ

Оживление души совершается волей Божией и силой Божией, но от человека требуется его прозвование в принесении Богу покаяния. Срок покаяния, потребного согрешившему, известен Еди-

ному Богу. Кающийся грешник, будучи как бы даже забыт Богом, как ему кажется это, по чудному усмотрению Божию обретает пользу душевную, приходит в преуспеяние:

Господь ведет ко спасению!

Дивная премудрость и благодать Божия в поущениях Божиих человеку падать.

/.../ Не всякое сострадание и сочувствие похвально. Всякое дело требует духовного отношения к себе, а не общечеловеческого. "Терпение есть непрерывающееся благодушие", — сказал еп. Феофан Вышенский.

Статья "О воле Божией" (стр. 82, т. V, гл. XIV) еп. Игнатия научает покоряться воле Божией. Знать то, что говорится в этой статье, необходимо каждому верующему человеку, безразлично — монаху или мирянину. К великому прискорбию по большей части видишь и слышишь кругом себя и в себе ропот, нежелание подчиниться тому, что посылает Господь, требование справедливого к себе отношения и прочие безумные проявления противления воле Божией. Как велика наша немощь! Как слаба наша вера! Не наше дело рассуждать, зачем и почему нас постигает то или иное; надо знать, что это воля Божия, надо смириться, а требовать, так сказать, у Бога отчета — есть крайнее безумие и гордость. Итак каждый должен:

1. Требовать от себя (то есть понуждать себя на делание) исполнения всех заповедей и

2. все, что делают с нами другие люди, что без содействия людей с нами совершается — считать праведным судом Божиим для нашей пользы, нашего спасения и смиренно все то терпеть.

Это будет душеспасительно и принесет мир в сердца наши.

Господи! Да будет воля Святая Твоя.

Постижение воли Божией доступно чистым по жизни своей. Они получают дар духовного рассуждения, а оно выше всех добродетелей.

О ХРАНЕНИИ СЕБЯ ОТ ДОБРА, ПРИНАДЛЕЖАЩЕГО ПАДШЕМУ ЕСТЕСТВУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ

Доброе дело не есть всякое доброе дело, а лишь такое доброе дело, которое делается ради Бога. Внешность дела не есть его сущность, Бог зрит на сердце. Как должны мы смириться, видя, что ко всякому делу примешивается страсть.

Воздержание умеренное полезнее всего. Выгоднее быть в бесчестии и страдать, но на все воля Божия да будет; нельзя самому вдаваться в скорби. Это дерзость и гордость; и может случиться, что не вытерпишь взятого на себя самовольно. Грех, прикрытый личиною добра, подкрадывается и повреждает души не поверяющих себя Евангелием. Евангельское добро требует самоотвержения, "отречения от своей воли и разума".

Человек был создан Богом благим и непорочным. После грехопадения Адама в человеческое естество вошел грех, вошло зло. Чтоб избавить человека от этого зла, по суду Божию, потребовалось, чтоб Бог — второе Лицо Святой Троицы — сделался человеком и искупил человека от того зла, которое он потерпел. Искупление человеков совершено Господом нашим Иисусом Хрис-

том на Голгофе, на Кресте, Его страданием, и смертью, и воскресением. В это надо верить. Это основа нашей веры. Кроме того, Христос дал людям заповеди Свои, которые научают, как человек должен жить, чтоб быть последователем и учеником Его, чтобы творить волю Его ради вечного спасения души. Кто примет сердцем своим Христа-Искупителя и св. евангельские законы и будет согласно этому жить, тот делается христианином, а кто отвергает или оставит в небрежении это, тот остается только при своем падшем естестве, в котором добро первоначальное смешано со злом; такой человек не может называться христианином, он чужд христианской жизни и спасения Христова. Личиною добра, оставшегося в падшем естестве, враг и старается всех отвлечь от Христа, доказывая злохитро, что падшее добро есть единственное добро, ибо оно таким и кажется тому, кто не знает учения Христова. Кто, несмотря на все обольщения врага, будет держаться евангельского учения, тот должен неизбежно пережить борьбу внутри себя.

Падшее естество любит себя и любит мир сей, а Евангелие требует самоотвержения и любви к Богу. Поэтому согласия между ними быть не может никогда. Это несогласие между ними замечается во всех отношениях, во всех вопросах жизни и нравственности. Например, монашество, построенное по духу Св. Евангелия, на любви к Богу и отказе от мирской жизни, всегда являлось камнем преткновения для людей мира сего, всегда было ими ненавидимо, непонимаемо, как совершение чуждого им. Рабы же Христовы, хотя бы они были в миру, любили монашество и любят,

видя в нем идеал христианской жизни, не чуждый им по духу. Говоря здесь о монашестве, имею в виду не отдельных людей, а самый образ жития, и говоря о людях мира сего, также имею в виду не живущих в мире, а душою своею преданных мирской жизни.

О ЧТЕНИИ

Старцы советуют читать и перечитывать творения свв. отцов. Они глубоки и понимаются постепенно. Предмет их — духовная жизнь, а она обширна: ”широка заповедь Твоя зело”. Духовному росту предела нет, поэтому перечитывание имеет огромное значение. Лучше с благоговением и вниманием перечитывать небольшое количество книг, нежели многое читать наскоро.

Чтение — одно из самых необходимых деланий. Без чтения или слушания чтения нельзя узнать истину. Говоря о чтении, разумею исключительно чтение Священного Писания и писаний отеческих и церковных. Но чтение только тогда будет приносить желаемую пользу, когда читаемое будет по мере сил и возможностей входить в жизнь, становиться правилом жизни, а не простым, голым, бездушным и холодным знанием. Какая может быть польза, что человек знает, что нужно молиться, и не молится; знает, что нужно прощать обиды, и не прощает; знает, что нужно поститься — и не соблюдает постов; нужно терпеть — и не терпит и т. д. Такое знание, по слову Евангелия, будет даже в осуждение человеку. Поэтому нужно читать со вниманием и стараться жить по духу

того, что читаешь. Конечно, сразу стать исполнителем всего, что написано; мы не можем — *нужна постепенность*. Вначале понуждение себя и смиренное сознание своей немощи, тогда знание, получаемое от чтения, будет приносить желаемую пользу.

Вообще, все книги и писания свв. отцов и истинных учителей Церкви о духовной жизни, а в особенности писания о молитве надо читать с крайним вниманием, не спеша, вникая по силе своей умом в каждое изречение, каждое слово, дабы не упустить чего-либо необходимого, дабы не дать себе повода к неправильному, произвольному пониманию и толкованию читаемого. Духовная жизнь и подвиг молитвы имеют свои законы, свою последовательность; их надо изучить и понять, усвоить уму и сердцу. Самочиние, самомышление здесь места не должны иметь, они приводят человека в заблуждение. Малое по внешности уклонение или неточности приводят иногда к большим ошибкам и заблуждениям, имеющим горькие плоды и последствия. Если что-либо кажется непонятным, неясным, то надо спросить у знающего, если имеешь такого человека, а если не имеешь, то пусть это останется до времени непонятным, не пытайся понять своим умом. В свое время Господь пошлет вразумление; хорошо о сем говорит св. Тихон Задонский.

Старцы советуют читать и перечитывать книги писаний свв. отцов. Писания свв. отцов заключают в себе истину духовной жизни и мудрости, всегда доставляющие читающему их утешение и вразумление и подкрепление духовное! Они никогда не могут потерять своей жизненности, ибо духовная жизнь, в них изложенная, навсегда имеет

свои законы неизменяемыми. Они (писания) понимаются и усваиваются постепенно, по мере духовного роста читающего и подвижающегося, по мере получения разумения их от переживания и личных опытов. Между прочим, последнее является одной из причин необходимости перечитывания писаний отеческих. И советуется перечитывать их так: если человек видит, что на него нападает, например, страсть гнева, то читать советуется об этой страсти и противоположной ей добродетели; если нападает злоба, то и читать о злобе и любви; если нападет блуд, то и читать о блудной страсти и целомудрии и т. д. Удрученному скорбию полезно читать о пользе и о необходимости скорбей и т. д. Замечено, что особенно сильное впечатление производит на душу то, что ей в данное время потребно. Этот совет не должно считать, как запрет читать книги подряд. Желаящие и имеющие на то возможность пусть читают каждую книгу подряд. Это даже необходимо для получения цельного впечатления и понятия о писаниях и учении того или иного св. отца. А данным советом можно пользоваться по мере своей душевной нужды в том или ином чтении. Лучше всего, если на то имеется возможность, на каждое чтение получать благословение духовного отца. При неимении такой возможности нужно получить хотя бы общее благословение на порядок и выбор книг для чтения.

О СТРАХЕ

/.../ Страх — как проявление ненадеяния на свои силы. Мужество — как проявление надежды на всесильную силу Божию и помощь.

О ТЕРПЕНИИ

Истинные мудрые о Господе сами себя порицают за нетерпение. Терпение бывает и гордое, неправильное. Оно не дает познать истину.

О СКОРБЯХ

/.../ Необходимо всем приготовиться к скорбям. Без признания достойным себя скорбей за свое падение нельзя познать Спасителя. Пример двух разбойников. От предания себя воле Божией в сердце человека является духовная сила веры и духовное утешение. Бесскорбная жизнь — признак неблаговоления Божия к человеку. Не следует завидовать живущим бескорбно, ибо конец их бескорбия плачевен. Испытания и скорби обнаруживают состояние души человека, выражаясь языком современным, они являются как бы каким экзаменом. Скорби предохраняют от превозношения. Предание себя Богу: Его воле о нас, Церкви с ее учениями и тайнствами, евангельскому учению. Самовольно вдаваться в скорби есть дерзость, гордыня, безумие. Принимай то, что посылает Бог. Плод скорбей — в очищении души и ее духовном состоянии. Его надо хранить.

В наших скорбях люди лишь орудия, а власти над нами не имеют. Итак, потерпим все!

Старец Александр Гефсиманский сказал: "Сколько душа может вместить в перенесении скорбей, столько вмещает и благодати Божией".

Оставив несбыточные мечты о непосильных подвигах и возвышенных образах жития, начнем во смирении с терпения скорбей. Когда угото-

вятся души наши, аще будет воля Божия на то, дано будет нам и высшее.

Признание суда Божия о нас праведным, ибо все мы погрешили. Пусть совесть каждого из нас подтвердит нам, что грехи наши велики. Сами мы виноваты. Надо смириться и благодарить Бога за все. Истинные рабы Божии скроют себя.

Если иноки последних времен не будут иметь монашеского делания, то в чем же они должны устоять при наплыве скорбей, чтобы улучшить преславное и вожделенное спасение? Чтобы непогрешительно ожидать спасения себе от терпения скорбей, надо решить и уяснить себе этот вопрос. Его и решает еп. Игнатий: надо устоять в вере православной. "Течение скончав, веру соблюдох" — это и есть неперемнное условие для получения венца небесного и исполнения евангельских заповедей, не отрекаясь и монашеского подвига. Читая жития святых и писания свв. отцов, мы ясно видим, что их делание настолько возвышенно, что для нас грешных, слабых, оно непостижимо, и даже иногда кажется невероятным нашему маловерию. Мы должны веровать, что подвиг этот, это дивное иноческое делание существовало некогда, мы должны благоговеть перед ним и признать смиренно, что мы отнюдь не имеем этого монашеского делания. Не говоря уже о сокровенном душевном делании, непостижимом для нас, о великих молитвенных делах и других, мы не видим ныне ни столпников, ни безмолвников, ни послушников, ни всецелого отречения от мира, ни истинного покаяния, ни смирения, ни любви истинной, ни исполнения прочих добродетелей. Все ослабело, оскудело.

Смиренно признавая, что всего этого делания в нас нет, мы все же должны посильно себя понуждать на все эти делания в доступной для нашей немощи мере. Мы должны себя понуждать на всякую добродетель, бороться со всяким видом греха, не отдаваясь ему добровольно ни внешне, ни внутренне, хотя бы за эту борьбу со грехом и пришлось потерпеть скорби, мы должны остаться, хотя недостойными, слабыми, но все-таки чадами, отдаленными потомками великих святых подвижников, носящими в душах и сердцах благоговение и преклонение пред их великим подвигом, как неким идеалом, хотя и непостижимым для нас, но влекущим нас к себе. Если в борьбе с грехом и соблазном мы не сдадимся, то есть не бросим посильного подвига, посильного подражания примеру святых Божиих, не откажемся от него, то мы устоим, по слову Аввы Исхирина.

Если бы пришлось кому и преткнуться, пасть ненамеренно, недобровольно, он уврачуется покаянием, слезами, сознанием своей немощи, если не откажется впредь бороться с собой, с борющимся нас грехом. Таковой, аще и падет — восстанет и устоит в своем основном направлении, не продавая себя греху. Не устоит тот, кто возлюбил более добродетели грех, наслаждение грехом, кто убоится скорбей по самосожалению: кто по вражью внушению, не видя в себе желаемого благого плода, откажется и от посильного понуждения себя, сочтя по гордости своей, что если, мол, я недостойн и неспособен получить вскоре и даже никогда то, что получили прежние и другие, то и трудиться нечего понапрасну, а какие-то крохи, объедки, мне не нужны, — и откажется сначала в

душе, а потом и наружно, от намеченного прежде благого пути, пути тесного. Да не обольщает нас враг-диавол! Если кто видит, что сильно его укушение во грехе, что грех приобрел над ним большую власть, пользуясь забвением и неразумием его, что ушел он далече в море греховное, что долог и труден путь возвращения к Богу, — пусть не унывает, требуется лишь искреннее желание возвратиться к Богу, а Он уже ждет нас. Умилительно слово пророка: "Возвратитесь (ко Мне), сынове, и исцелю сокрушение ваше, глаголет Господь" (Иер. 3, 22). Господь как бы просит нас возвратиться в Его отеческие объятия, не отрекается от нас, считает нас своими детьми, как же нам отказаться от возвращения к Нему! Пусть будет путь труден и тесен, мы веруем, мы знаем верою нашу, куда он ведет. Итак, потерпим на сем пути, постараемся не сбиться с него — он блажен, он несомненно верен.

Преподобный Марк Подвижник говорит: "С каждым встречается должное, соответственно настроению его; попускаемые наведения бывают разнообразны, приличное наведение для каждого ведает Един Бог". "Наведением" называется то, что Господь попускает (наводит) человеку терпеть, иначе говоря, скорби. Если скорби зависят от нашего душевного устройства, то не на кого роптать. Смиримся и потерпим. Преподобный Марк советует признавать смиренно себя достойными всякой скорби, как должного возмездия за грехи, а потому и терпеть их (т. е. скорби) мужественно, привести себя в покаянное настроение. Воспоминание греха, картинно, к которому сердце еще не потеряло сочувствия (особен-

но в блудной страсти), не полезно, а вредно. Но исповедь перед духовником для очищения себя от скверны греха и для получения разрешения соделанного греха, а в качестве душевного внутреннего делания для стяжания покаянного настроения необходима.

Необходимость исповеди подробной доказывается не только внутренними переживаниями человека, но и самим чином исповеди, изложенным в Требнике церковном.

Сделать такое примечание побудило то, что некоторые, стыдясь духовника, по различным причинам ищут способа не сказать на исповеди всего подробно, говоря в общих словах или так, что духовник не может ясно понять, что сделано, или даже совсем утаивая, думая успокоить свою совесть различными рассуждениями с собою в своей душе. Тут враг нашего спасения умеет в извращенном виде напомнить слова свв. отцов и даже Св. Писания, чтобы не допустить человека до спасительной и необходимой исповеди грехов перед духовником в том виде, как они были сделаны. Но если совесть у человека не потеряна, она не дает ему покоя до тех пор, пока на исповеди не сказано все подробно. Не следует лишь говорить подробности лишние, которые не объясняют сути дела, а только живописно рисуют их. Такую живопись картин греха, не чуждую услаждения воспоминанием греха, особенно в блудных делах, отцы не советуют дозволять себе, чтобы сердце, еще любящее грех, не умедлило и не усладилось грехом.

Епископ Феофан Вышенский затворник дает прекрасное наставление об исповеди и, между

прочим, говорит: "Надо на исповеди раскаивание греха или грехов довести до такой степени, чтобы духовник определенно и точно понял, что сделано, и возымел о тебе правильное понятие, каков ты, чтобы ты изворотами исповеди не представился духовнику не тем, что ты есть на самом деле. Особенно не следует позволять себе сваливать вину на других, а себе подыскивать извинения и оправдания. Такая исповедь не дает мира духовной жизни. Оживляется душа искренним покаянием, чуждым лукавства. Истинно кающийся готов бывает потерпеть и всякое наказание от духовного отца и все, что Господь попустит ему скорбного и смирительного, лишь бы получить прощение.

Свойство истинного покаяния открывает глаза на свою греховность и грех вообще.

Скорби обнаруживают злые мысли наши, открыв себе эти мысли — смиримся.

Скорби наши по наружности своей не похожи на наши вины, но в духовном отношении справедливо им соответствуют.

Отсрочка и несходство наказания с проступками нашими приводят некоторых к неверию правде Божией. Помыслы — причина всякого скорбного случая.

Два образа общения человеков: 1) по злобе; 2) по любви. Отсюда и два восприятия наших ближних. Восприятие обязывает к терпению скорбей.

Наблюдая события и своей жизни и других людей, с поразительной ясностью можно усмотреть стечение обстоятельств. Никакие осторожности и мероприятия не могли и не могут пред-

упредить совершающегося, ибо оно совершается по суду Божию. Некого винить. Надо смириться и терпеть. Иначе погрешим против Бога.

Некого винить: злоба внутри нас.

Скорби попускаются, чтоб обнаружилось, кто любит Бога действительно. Без терпения скорбей даже благодарная душа не способна к Царствию Божию. Твердое терпение скорбей равночестно мученичеству. Скорби ничего не значат в сравнении с духовными благами.

Если так губительно тщеславие и славолубие, то надо смиренно и благоразумно, даже с радостью принимать всякие скорби, поношения и бесчестия, как приводящие нас к смиренномудрию и спасению. Между тем замечается самонадеянность и самолюбие. Слово и скорбь приводят нас в негодование и сопротивление человекам; даже смирительные действия духовного отца нам не нравятся: мы не видим, не хотим видеть, что они направлены к нашей пользе духовной; мы негодуем, что сказано или сделано нам не по сердцу, не по нашему желанию, мы считаем себя обиженными. О неразумные! О, привязанность наша к миру и его хвале и славе! Разумный инок и раб Божий жаждет покаяния и смирения, видя от них себе душевную пользу; он плачет и скорбит, когда его не смиряют, он радуется, когда лишается славы человеческой. Понудим себя и мы ко всякому смирению.

Сказано: "Смирихся и спасе мя Господь".

Слава Тебе, Боже мой, за посланную скорбь!

Достойная по делам моим приемлю.

Помяни мя во Царствии Твоем, и да будет во всем святая воля Твоя. Аминь.

О МОЛИТВЕ

/.../ Преп. Марк Подвижник пишет в слове о думающих оправдаться делами (гл. 167):

”Пренебрегающего заповедь о молитве постигают самые тяжкие нарушения против заповедей, передавая его одно к другому, как узника”.

”Молитва должна быть главным подвигом инока”.

Но, конечно, молитва правильная. На правильность молитвы необходимо обратить особенное внимание. Неправильная молитва не имеет благих плодов, даже наоборот.

Зависть дьявола и всех демонов возбуждает их к исканию гибели человеков и борьбе с ними, особенно во время молитвы рабов Божиих, ибо молитвою правильно человек может получить и получает всякое благо.

Порядок борьбы вражией:

1. Помыслы благовидные — вниманием к ним ум лишается свободы.

2. Явно греховные помыслы — ум, утратив свободу при первых помыслах, побеждается и вторыми.

Отсюда общее правило: во время молитвы отвергать всякий помысел.

Закон сродства грехов между собою — прекращаемость брани врага, усиление ее во время нашей молитвы.

Какие и в каком порядке приносятся врагами помыслы, во-первых: оскорбления и обиды, чтобы поколебать основание молитвы. Помыслы о земной славе и земном преуспеянии под видом добродетели и даже чего-то духовного; основа их — гордость.

Припомним повесть о двух иноках, нашедших золото в пустыне. Один, увидев золото, прыгнул через него и побежал, как от ядовитого змея. Другой взял его и, оставив по необходимости уже пустынное безмолвное житие, начал строить церкви, богадельни и тому подобное. Конечно, растерял в заботах свою иноческую душевную тишину и собранность, ибо дело это — дело мирское, а не иноческое, хотя и доброе дело он сделал. И было сказано, что все эти дела и постройки не стоили одного того прыжка, который сделал первый инок, убегая от лежащего на земле золота. Блажен, кто себя ничем не обвязал, не опутал — говорит преп. Марк Подвижник.

”Не признается воздержником и тот, кто развлечен разнообразными помыслами, хотя бы они и были полезны: не полезнее они молитвы” (гл. 40, о думающих оправдаться делами).

Согласие с помыслами греха есть общение с врагом, отсюда отступление от нас силы Божией и помощи.

Тягчайшие брани помысла: 1. Блуд. 2. Уныние. Надо смиряться. Смирение привлекает помощь Божию. Растлевающее действие блудных помыслов от услаждения ими — надолго отступает благодать Божия, привлечь которую опять можно только покаянием искренним и воздержанием от этих помыслов. Так как молитва должна быть первым делом инока, то ему необходимо знать, что его встретит при молитвенном делании, чтобы это первейшее дело делать с успехом.

Изображение брани вражией и все советы еп. Игнатия Брянчанинова ”Об особенном противодействии падших духов молитве” (т. 5, с. 354)

есть плод его личного блаженного опыта. Оттого они так верны и назидательны. Эту статью полезно читать и перечитывать. И полагать начало молитвы так, как там указано. Без этого молитвенный труд наш будет тщетным, бесполезным, а одно голое знание по букве без исполнения на деле будет служить нам лишь в осуждение. "Буква убивает" (2 Кор. 3, 6).

Подробное и обстоятельное учение о молитве вообще и молитве Иисусовой, которая входит в обеты иноческие, как неотъемлемая часть их, см. I и II том сочинений еп. Игнатия.

Один старец сказал одному своему духовному сыну, мирянину, прикивавшему к иноческой жизни: "Вот Вы пожили при обители, увидели внешний строй иноческой жизни, познакомились с ним; теперь необходимо познакомиться со внутренней стороной, узнать внутреннее содержание ее", — и дал прочесть из 1-го тома "Беседу старца с учеником о молитве Иисусовой".

Монах без молитвы — не монах. Так смотрел на иноческую жизнь означенный старец.

Необходимо хранить плод молитвы. Он погубляется, теряется очень часто от празднословия сразу после молитвы и от мечтания, которое есть то же празднословие, но лишь с самим собой. Молчание после молитвы весьма полезно: оно удерживает молитву в уме, сердце и даже на устах вслух себе.

Теперь, когда нет монастырей, келейное правило необходимости своей не потеряло. Оно необходимо для поддержания молитвенного и вообще иноческого настроения. Без молитвы нет монашества. А монашество для монахов — их

обет. От обета отказываться нельзя. Не только монах, но и мирянин, приникающий к монашеству и потому ставший близким, как бы родным по духу к монашеству, на опыте увидит, как дорого совершение домашнего молитвенного правила.

Не всякий может часто становиться на молитву в течение дня. Но понуждать себя на молитву, хотя мысленную, если при людях, всякому возможно. Возможно начинать и оканчивать всякое дело и занятие возношением ума к Богу. Не полезно холодное отношение к делу молитвы. "Отмолился, вычитал, что положено, и свободен. Отбыл повинность свою". Такая молитва не дает благих плодов. А такая молитва и бывает у тех, кто ограничивает свое обращение к Богу только совершением правила или хождением в церковь, не стремясь к тому, чтобы молитва наполнила и осветила всю их жизнь, все их дела. Желаемое настроение молитвенное не сразу достигается, требуются целые годы на приобретение сего, но понуждать себя необходимо, необходимо считать себя постоянно должником пред Богом, как во всех добродетелях, так и в молитве. Надо стяжать сердечное сознание необходимости молитвы, и чтобы не отгонять от себя молитвенного настроения, надо охранять себя от всякого неблагоговейного слова и поступка, от всего, что нарушает мир душевный, что не по совести, не по закону Божию.

О ПАМЯТОВАНИИ СМЕРТИ

/.../ Один старец поведал своему ученику, что он, будучи еще в миру, однажды был в гостях вечером в одном великосветском доме. Удалившись в одну из комнат дома, он начал беседовать на религиозную тему и коснулся рассуждений о смерти. Как видно, беседа привлекла внимание многих, и они слушали, что говорил будущий старец, тогда почти молодой человек. Во время беседы пришел в комнату один господин и, вслушавшись, о чем идет речь, сказал одной даме: "Какая вам охота слушать эти разговоры о смерти?" Нисколько не смутившись упреком, дама ответила: "В беседе с ... о смерти заключается жизнь!" Тот, услышав такой ответ, замолчал. И действительно, справедлив был ответ. Благие мысли и стремления говорившего о смерти привели его Промыслом Божиим в обитель для спасения души, для уготовления души к вечной жизни.

"Помни последняя твоя — и во веки не согрешишь".

ОБ ОТШЕЛЬНИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И ОБ ИСПОВЕДИ, ПОКАЯНИИ

/.../ На отшельничество и затвор нельзя решаться самопроизвольно; необходимо на то призвание от Бога.

Образ действия на человека: 1. Духа Святаго. 2. Демона: 1) самовластно и внезапно; 2) не имеет власти, ищет согласия.

Недостаток смирения, признание за собою досто-

инств — основа для прелести. Преподобные отцы одних, коих признавали способными к затвору, после должного приуготовления благословляли на затвор; иным запрещали по их состоянию душевному.

При высокоумии и душевных страстях нельзя избирать уединенное житие. Кроме явной прелести, затвор может быть причиной тонкой мысленной прелести.

Иногда приходится наблюдать, что к пустынному житию и безмолвию некоторые стремятся, в тайне сердца своего ища вполне удобного, безмятежного, бесскорбного жития. Это стремление безрассудное, не говоря уже, что оно и несбыточное. Бесскорбного жития не было, нет и не будет. Преп. Марк Подвижник говорит: "Отвергнув страдания и бесчестия, не думай принести покаяния при посредстве других добродетелей: тщеславие и настроение сердца, чуждое сокрушения духа, умеют служить греху и делами правды" (гл. 156). Значит, нужно смириться и предаться воле Божией, сознавая свою немощь, а не мечтать. Подвиг был, есть и будет всегда подвигом. Высокие подвиги не всем под силу, надо начинать с малого. А кто не хочет малого (терпения, малых скорбей), стремится к большему, тот только обманывает себя.

Некоторые соблазняются содержанием XII и XIII глав тома 5-го, видя в них учение как бы против старчества. А некоторые и вообще настроены и предубеждены против сочинений Игнатия Брянчанинова.

Между прочим, и в Оптиной пустыни сочинения епископа Игнатия были у некоторых старцев не в благоволении. Причина этому такова: епископ Иг-

натий писал вообще для всех монастырей и монахов, и писал как раз тогда, когда в Оптиной пустыни были великие старцы, был, так сказать, расцвет старчества, чего в огромном большинстве монастырей не было. Оптина пустынь была в особом, исключительном положении. При наличии духовного богатства в Оптиной пустыни сочинения еп. Игнатия не могли для ее насельников иметь того особого, важного значения, которое они имели для иноков других монастырей и даже мирян, ищущих спасения души. Неопытному новопоступившему послушнику Оптиной пустыни они (собственно, две эти статьи) могли даже и повредить, зародив в нем мысль недоверия к старцам, и отвлечь его от простосердечного им послушания во вред своему иноческому преуспеянию. Предохраняя некоторых своих духовных детей от возможности такого явления, старцы и не советовали им читать вообще сочинения еп. Игнатия, доставляя им понимание иночества с духовной стороны своим руководством и подбором другого, преимущественно святоотеческого чтения. Но для тех, кто постоянного старца не имел (а это было в большинстве монастырей), сочинения еп. Игнатия были драгоценны. Они были драгоценны и для иноков Оптиной пустыни, которые пользовались ими для иноческого своего назидания; они им не мешали быть в послушании у своих старцев, причем даже сами старцы указывали на них, как на прекрасное руководство к пониманию истинного иноческого подвига. Читающий сочинения еп. Игнатия внимательно и без предубеждения, ясно увидит, что они и не идут против старчества, а указывают лишь на то, что ныне истинные стар-

цы весьма оскудели, что старца найти ныне весьма трудно, и что независимо даже от того, каков старец и имеется ли он налицо — самое житие под руководством у старца стало ныне редкостью и по многим причинам весьма затруднительным или, как выражается еп. Игнатий, и "не надо нашему времени, возможно лишь усвоение духа его".

Следовательно, неблаговольтельное отношение некоторых старцев к сочинениям еп. Игнатия надо считать относительным и временным, ибо сочинения его вполне православны, проникнуты духом Евангелия и учением свв. отцов, они достойны всякого внимания и уважения. Надо помнить, что еп. Игнатий, предостерегая от безрассудного послушания старцам, имеет в виду послушание нравственное, совершаемое в душе с целью нравственного, духовного воспитания себя, своего ума и сердца, а не послушание внешнее, потребное и необходимое во всяком общежитии иноческом и даже вообще при всяких взаимоотношениях людей, исключая из этого лишь тот случай, когда приказывается или советуется что-либо явно греховное. Это еп. Игнатий и оговорил в конце 76-й и начале 77-й страницы и на 80-й странице в примечании 3-ем. Следовательно, здесь не дается никакого повода к презорству, самочинию, самосмышлению, как это может показаться при беглом и невнимательном чтении. А что нравственно, душою своею и сердцем предаться в полное послушание кому-либо возможно лишь при условии уверенности в истинности преподаваемого учения, постоянно подтверждаемого и личною добродетельною жизнью учащего, согласно с духом Евангелия и свв. отцов Церк-

ви Православной — не приходится спорить. Вообще же о благотворности старческого руководства еп. Игнатий ясно говорит во многих местах своих сочинений, например, в 5-м томе стр. 8 п. 3, 63 в конце; 102, 149, 150, 338, 339, 459 (изд. 1886 г.).

Смиренно считая себя грешником, достойным и внешних и внутренних скорбей и борений, надо потерпеть все в надежде на помощь Божию. Если борьба окажется продолжительной, томительной настолько, что не видится исхода и конца, то надо знать, что на земле все временно, что мы ждем вечной жизни за гробом. Господь поможет, надо лишь потерпеть в уповании на милость Божию. Очень правильно указал еп. Игнатий на необходимость и убедительное свойство исповеди. Это докажет каждому опыт. Исповедуйся и увидишь пользу. Между прочим, несколько слов об исповеди.

Многие ищут, как необходимого, духовника высокой жизни и, не находя такого, унывают, и потому редко, как бы нехотя приходят на исповедь. Это большая ошибка. Надо веровать в самое таинство исповеди, в его силу, а не в исполнителя таинства. Необходимо лишь, чтобы духовник был православный и законный. Не надо спорить, что личные качества духовника много значат, но надо веровать и знать, что Господь, действующий во всяком таинстве Своею благодатью, действует по Своему всемогуществу независимо от этих качеств.

Очень дорого иметь благоговейного духовника, с которым можно было бы посоветоваться и выяснить те или иные вопросы жизни духовной и просто побеседовать, дабы согреть духовную

беседою холодное сердце и получить подкрепление духовное в скорбях, нас окружающих, — но если не можем сразу найти такого, весьма неразумно совсем не прибегать к исповеди. Это подобно тому, если кто, не имея хорошего веника для уборки своего дома, совсем не будет вычищать его. Нет хорошего веника, возьми какой есть. Лишь бы было в доме чисто; или, не имея хороших дров, совсем не будет топить дом и будет мерзнуть.

Другие хотят сделать каждую исповедь беседою духовною. Может быть, это и хорошо, и даже иногда необходимо, но не всегда есть к тому возможность по времени и другим причинам. По существу же это две вещи различные. Однажды два юноши были на исповеди у одного духовника, с которым до исповеди у них были неоднократные беседы. В беседах, конечно, высказывались ими различные мнения, может быть, и не согласные друг с другом, и вообще, как во всякой беседе, могли быть лишние слова и отклонения несколько в сторону от духовного предмета. После исповеди эти юноши в разговоре между собою коснулись того, как исповедовал их тот духовник. Один сказал: "Когда я во время исповеди позволил себе что-то сказать, как бы прося разъяснения или не соглашаясь с замечаниями духовника, то он меня строго и властно оборвал, сказав: "Раз ты пришел на исповедь, то и кайся во смирении; не время тут рассуждать". Это произвело на меня впечатление. Это было сказано со властью".

Надо заметить, что времени было с излишком и нельзя было заподозрить духовника в том, что

он не нашелся что сказать — видимо, это был его взгляд на исповедь.

Кто в простоте сердца скажет свои согрешения с сокрушением и смиренным чувством, с желанием исправиться, тот получит прощение грехов и мир совести своей силою благодати Божией, действующей в таинстве.

/.../ Возвращаясь к вопросу о мужестве, замечу, что истинное святое мужество всегда соединено с чувством глубокого смирения. Смиренный всегда готов все потерпеть, и внутреннее и внешнее, считая себя достойным не только посылаемых скорбей, но и еще больших. Смиренного расстроить, смутить нельзя — он всегда готов ко всему, так и сказал Моисей Мурин, когда его выгнали из трапезы: "Уготовихся и не смутихся". Итак, уготовим свои души и сердца смирением, и оно нам поможет в терпении всяких искушений.

Богу угодно, чтобы человеки наставлялись человеками.

Вся суть в том, что всякий инок должен сам вступить в подвиг с самоотвержением и сам себя должен понуждать с болезнию сердца на борьбу со страстями. Если же он не будет так подвизаться, то никакие старцы ему не помогут. Сказал один угодник Божий: "Старец об нем (ученике) молится, плачет, а тот скачет". Какая польза? Личный подвиг и личное понуждение себя необходимы. Еп. Феофан Вышенский затворник говорит о руководстве (старце), что он подобен пограничному столбу, на котором написано и указано, куда и как идти, а уже идти-то нужно самому, иначе так и прстоишь у столба, ничего не достигнув. Очень верно и точно сказано.

Нелишним будет заметить, что содержание выше-означенных глав — XII и XIII — относится и к ищущим руководства (ученикам) и к руководителям (старцам). Пусть каждый берет себе в назидание то, что его касается: послушник — как следует учиться и смиряться, а руководитель — как учить. Будет польза и тому и другому.

Некоторым не нравится самая форма изложения сочинений еп. Игнатия, но это, говоря попросту, есть дело вкуса и характера человека, и во всяком случае, это нельзя отнести к существенным недостаткам.

Наконец можно добавить следующее. Некоторые свое нежелание вообще слушаться (ибо слушаться — значит отказываться от своей воли, а это болезнь для сердца) прикрывают оправданием себя, что, мол, нет старцев и, следовательно, некого слушаться, и потому вообще не принимают никаких советов. Это есть уже отвержение духа послушания, про необходимость стяжания которого говорит еп. Игнатий (т. 5, с. 75 и 76).

Это уже заблуждение, от которого да сохранит всех Господь. Это, можно сказать словами преп. Аввы Дорофея, есть причина всех нравственных падений вообще. К такому лукавому отношению к делу послушания сочинения еп. Игнатия не дают ни малейшего повода; такое отношение доказывает не недостаток сочинений, а злую волю человека, для которой даже подлинное слово Божие может явиться "волею смертною в смерть", как сказал св. апостол Павел.

В заключение остается лишь пожелать, чтобы сочинения епископа Игнатия были внимательно читаемы и приносили благий плод.

О ПОКАЯНИИ

Покаяние как начало духовной жизни; покаяние необходимо для приятия Евангелия; свойство покаяния открывает зрение грехов своих; покаяние возводит к духовным видениям. Покаяние требует отрешения от пристрастий и рассеянности. Мнимо-благодатное спокойствие есть самообольщение. Без покаяния и плача и внимательная жизнь не приносит плода благого. Необходимо внимать себе, необходимо болезнование сердца и сокрушение.

Плач и слезы — дар Божий. Хотя плач и слезы есть дар благодати Божией, но причина их — наше произволение. Дар плача надо хранить. Его можно потерять. "Он, и будучи приобретен, легко может быть потерян, если мы предадимся рассеянности, развлечению, служению нашим пристрастиям и прихотям, человекоугодию, миролюбию, чревоугодию, пересудам, злоречию, даже многословию", — причины, от которых этот дар теряется.

"Неприметным образом от состояния умиления мы можем перейти в состояние нечувствия". Нечувствие страшно тем, что не понимает себя.

Необходимость плача, покаяния и слез для очищения от страстей и для стяжания добродетелей.

Путь покаяния и сознание своей греховности — безопасен от бесовской прелести. Увидеть себя святым — есть признак прелести и самообольщения. Успех и радость инока в сознании своей греховности, в видении грехов своих. Нужно не только видеть свою греховность, нужно и все поступки свои, всю жизнь и деятельность постро-

ить в полном согласии с сознанием и видением своей греховности.

Зрение грехов есть дар Божий. Его надо просить себе у Бога. Проявление чувства покаяния у святых непостижимы для плотского ума.

”Когда какой-либо один смертный грех поразит душу человека, тогда все скопища грехов приступают к человеку, объявляют свое право на него. Ссылается и опирается это скопище на закон духовный”. Страшный закон! Трудно вырваться из-под власти греха. Спасительно иметь страх смерти.

Великодушие и настойчивость в борьбе со грехом необходимы, хотя бы грех по временам и одолевал. Призыв к покаянию — зов Божий.

Необходимо удаляться от соблазнов и суеты вообще. Страшное действие отречения от Христа:

1. Отречение от Христа совершается исповедию отречения устами, затем непременно и немедленно следует отречение сердцем и всем существом. Совершается

2. отречение от Христа жительством, намеренно противоположным завещанию Христа; совершается оно

3. отчаянием, которое есть отвержение веры во Христа.

Оживление души совершается волею Божией и силою Божией, но от человека требуется его произволение в принесении Богу покаяния. Срок покаяния, потребного согрешившему, известен единому Богу.

Кающийся грешник, будучи даже как бы забыт Богом, как ему кажется это, по чудному смотрению Божию обретает пользу душевную, при-

ходит в преуспеяние. Отложим уныние, Господь ведет нас ко спасению!

”Ничто, ничто не помогает столько к получению исцеления от язвы, нанесенной грехом смертным, как учащаемая исповедь; ничто, ничто не содействует столько к умерщвлению страсти, гнездящейся в сердце, как тщательная исповедь всех проявления, всех действий ее”.

Исповедь необходима в борьбе со грехом. Покаяние тогда только признается истинным и действительным, когда последствием его бывает оставление греха смертного.

Еп. Игнатий заключил свои советы (т. 5, с. 366) учением о покаянии. Неслучайно это. Это указывает на то, что, проходя жизнь богоугодную в согласии со всеми требованиями святого Евангелия (по всем его советам), мы должны и начинать и кончать все покаянием, сознанием своей греховности. Без этого мы собьемся с правильного пути. Преп. Марк Подвижник очень определенно и ясно говорит, что покаяние приличествует всем и всегда, и грешникам и праведникам, желающим спасения и начинающим духовную жизнь, и средним, и совершенным (Слово о покаянии). Итак, будем каяться, стяжем покаяние, смиренное устройство, будем плакать и болеть о грехах наших и нашей греховности. Отвержем уныние и отчаяние, возложим надежду на помощь Божию, начнем борьбу со грехом, покаемся, — кающимся обетовано Царство Небесное. Аминь.

РАЗУМ ИСТИНЫ

Да ведаем, что возмездие за прощение обид больше возмездия за всякую добродетель.

Радоваться подобает, что обретаем благоприятный случай к получению прощения в наших согрешениях, прощая ближнему. В этом заключается разум истины. Он обильнее всякого многоведения.

Значение прощения обид:

1. Самое большое возмездие. 2. Разум истины. 3. Плоды духовные.

”За прощение ближнему согрешений его усмотрим в себе действие благодати, таинственно данной нам святым крещением; она будет действовать в нас уже не неприметно для нас, но со всею очевидностью, вполне ощутительно” (еп. Игнатий, т. 5, с. 203).

Какие чудные плоды прощения обид! А мы этого не хотим, вернее не решаемся по самосожалению: жалко расстаться с усладой тщеславия и сласти. Прощать нужно со многим смирением, возлагая на себя вину — это необходимое условие при прощении обид. Одни внешние поклонения и слово не примиряют, не касаются сердца, как пустой звук.

Да ведаем, что возмездие за прощение обид больше возмездия за всякую другую добродетель...

О ТРЕЗВЕНИИ

/.../ Однажды в некий монастырь пришел на богомолье один человек. Был пост, и в монасты-

ре том как раз совершался постриг в монашество нескольких братьев, за поздней литургией. По окончании божественной службы, когда все разошлись, после всех обрядов пострижения и вручения новопоставленных старцам, новопостриженные остались в храме до пяти дней, как это было принято в той обители. Вдруг подходит к ним тот богомолец, просит разрешения сказать им несколько слов и сразу начинает говорить. Говорил он хотя и бессвязно и даже несколько странно, но были высказаны им и ценные мысли. Он говорил о своих скорбях и впечатлении, которое произвела на него обитель та, о своих исканиях спасения и иноческой жизни, о том, что ему старцы отказали в приеме в братство той обители, сказав почти дословно то, что ему сказал его старец или кто-то другой, к кому он ранее обращался, указав ему другую обитель или даже другой путь. Это согласие слов людей Божиих, не знавших друг друга, находящихся в разных местах, но говорящих одно и то же, его поразило, и он выражал готовность оказать послушание, хотя ему и прискорбно было уходить из той обители, где он надеялся найти себе пристанище среди волн житейского моря. Наконец он стал просить св. молитв у всех новопостриженных в помощь себе. При этом он говорил о трудностях жития там, куда ему указано было возвратиться или отправиться, выражал боязнь, как бы ему там не рассеяться (в точности не помню), и затем сказал: "А что значит рассеяться, это может знать тот, кто себя сам когда-либо рассеял..." Эти слова были сказаны с глубоким чувством. Видно было, что многое было пережито и переучувствова-

но; видно было, что трудов больших и скорбей больших стоило ему, чтобы начать собирать себя, чтобы начать собирать духовное богатство души, рассеянное по распутиям мира сего. Видно было, что одно воспоминание о рассеянной жизни болезненно отзывалось на его сердце. Поклонившись каждому из новопостриженных земно, он удалился...

Да, великое душевное бедствие — рассеянная жизнь. Особенно ужасное впечатление производит она на тех, кто дозволит себе рассеянность, начав уже внимательную жизнь. Христианин благоговейный должен проводить жизнь во всяком внимании к себе и трезвении. "Бдите и молитесь, да не ввидите в напасть", — сказал Господь.

О ПАДШИХ АНГЕЛАХ

/.../ Дьявол власти не имеет, он действует, сколько попустит Бог.

В тропаре святым мученикам сказано, что они "сокруши и демонов немощные дерзости". Действительно, дерзость бесов невообразима и кажется не имеющей границ: они пытаются искушать решительно всех. Сколько, например, дерзости в желании искушать и бороться свв. апостолов: "сеять яко пшеницу". Но и немощь их ясна всякому верующему. Они без дозволения не могли причинить зла даже свиньям (Мк. 5, 1-20); как определенно и ясно говорит св. апостол, что нужно только твердою верою воспротивиться дьяволу — и он обратится в бегство (Иак. 4, 7 и 1 Петр. 5, 8-9). Да будет сие нам утешением.

Кто будет бороться с диаволом по указанию Слова Божия и разъяснению, преподанному нам свв. отцами, испытавшими сию брань и победившими врага при помощи Божией, тот может надеяться на победу. Сила Божия в немощи совершается (2 Кор. 12, 9).

Господь ждет: куда склонится наше сердце — сохранит верность Ему или предаст Его из-за временной сласти греха.

Сказали святые отцы: "отсеки помысел — отсечь и все". Очень важно помнить, что всяким согласием с грехом, а через грех и с бесами, мы предаем Господа, предаем Его за мерзостную цену греха. Кого и на что мы промениваем?! Личное несогласие на грех и борьба против него молитвою и исповедью — необходимы. О сем прекрасно сказано у еп. Игнатия.

Да умудрит нас Господь без двоедушия вести борьбу с врагом нашего спасения и грехом: без умудрения от Господа и помощи Его победа невозможна; мы немощны и слабы без помощи Божией, а с Божией помощью все возможно, как сказал апостол: "Вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе" (Фил. 4, 13).

О ВЕРЕ

Спросили преп. Пимена Великого: "Что такое вера?" Великий отвечал: "Вера заключается в том, чтоб пребывать в смирении и творить милость, т. е. смиряться перед ближними и прощать им все оскорбления и обиды, все согрешения их".

Примечание: Здесь разумеется вера деятельная, а не догматическая.

Сначала необходимо для испытания веры и произволения пережить в подвиге томление и тяготу, а затем уже даруется утешение Духа Святаго. Дары благодати, полученные с трудом и болезнью сердца, тщательно должны храниться получившим. Трудность и болезненность подвига научает ценить и хранить дар.

Спасительно — память смерти.

Недоумеваает ум, рассматривая непостижимые судьбы Божии... Как утешительно и вместе смиренно содержание притчи о пире веры! Смирительно: я не кто иной, как голодный, грязный, оборванный нищий; лохмотья, в которые одет я, едва покрывают острупившееся грязное тело мое. Как не смириться, как не восплакать, увидев и восчувствовав такое свое бедственное состояние и положение.

Совість свидетельствует неумолимо истину положения, в которое я поставлен или сам себя поставил — свидетельствует полное мое нищенство... Утешительно: несмотря на то, что я нищий, я впущен в тот Чертог, где пир веры утешал и насыщал непостижимо для меня богатых и славных отцов и предков моих. Я недостоин их трапезы, мне не предоставлено даже сесть около стола, но все же мне разрешено собирать со стола этого остатки и крохи не чего-либо иного, а именно тех несказанных яств духовных, кои вкушали отцы. Эти крохи могут поддержать слабую жизнь мою. Таково изволение и милость Бога моего. /.../ Святые отцы учат, что внешнего монаха легко сделать, а сделаться монахом по устроению

сердца (Бог же зрит на сердца) есть дело великое и трудное. Следовательно, не всякого, кто живет в монастыре и носит монашескую одежду, можно признать монахом, и не всякого, кто живет среди мира, надо признать мирским человеком. Да будет сие инокам ко смирению и во страх спасительный и во утешение рабам Божиим, хотя живущим среди мира и стремящимся пребыть неоскверненным от него, но волею судеб Божиих не могущих по внешности уйти из мира, а ныне и всем благоговейным инокам, принужденным жить вне обителей, коих нет. Место и образ жития имеет огромное значение в духовной жизни в смысле удобства и неудобства, но не спасают: спасает благодать Божия тех, кто выказывает произволение. Можно спастись на всяком месте, во всяком честном житии; сказано в псалме: "на всяком месте владычества Его (т. е. Бога) благослови, душе моя, Господа".

Возблагодарим Господа Бога за все милости Его, на нас, грешных, явленные. Возблагодарим за то, что мы чада Православной Церкви; возблагодарим, что нам дано, если не жизнью нашей, то умом и чувством сердца узнать до некоторой степени святую иноческую жизнь; возблагодарим, что нам дано, хотя до некоторой степени, понять тщету и суету мирской жизни; возблагодарим за те крохи чудной трапезы, которые мы получили. Наследства отцов и предков мы недостойны по своей греховности, но нам оказана великая милость: даны нам крохи той святой пищи, которою питались отцы; качество крох свидетельствует о качестве того, от чего они остались. О существовании и достоинстве недомыс-

лимом крох этих, как и самой пищи, не знают люди мира сего и те, кого условия жизни (по неведомым судьбам Божиим) не допустили узнать их.

Возблагодарим за все это и многое другое и смиримся: кому много дано, с того много и спросится. /.../ не дозволим себе осудить тех, кои не понимают нас и кого наше развращенное сердце готово судить при всяком удобном и неудобном случае. Суд этот принадлежит Богу, а не нам. Смиримся сугубо от сознания, что мы лично ничем не заслужили полученных милостей Божиих. Мы получили милость — полученное обязывает нас к хранению. Сугубее смиримся, видя свое нерадение в деле хранения полученного. Чтобы хранить и сохранять полученное, необходимо дорожить им и благоговеть перед ним, иначе можно утратить его. Сугубее смиримся, видя, что развращенное сердце наше, обольщаемое врагом нашим и грехом, готово бывает променять бесценное сокровище на ничтожное, временное, земное и греховное наслаждение. Пролием пред Господом покаянную молитву о помощи и сознании полного своего бессилия. Бдением над собой и понуждением себя выскажем свое произволение (любовь к Богу), и Господь нас не оставит.

АЛЕКСАНДР И МАРИЯ

Письма перед свадьбой

Москва 1977

ПИСЬМО 1

Милый!

Боюсь, что без огласительных писем мне все-таки не обойтись. Кажется, наступило время, когда мне очень понадобится твоя помощь. Со времени нашего первого разговора в Б. я не переставала думать о Нем, но только два дня назад решила на другое. Я впервые заставила себя посмотреть на окружающий мир, как на Его творение. А что, если бы это было правдой? Ощущение, которое я испытала, было поразительно. Мир в одну минуту засверкал и явился чудом, и я была частицей этого чуда, слившейся с ним воедино. Тело потеряло вес, и душа, взвившись, засияла. Я умышленно отключила свой мозг от какой бы то ни было работы по осознанию этой принадлежности к Нему. Попытки осмыслить это были довольно

Это собрание писем стало достоянием людей благодаря стараниям священника — духовного отца Александра и Марии. Огласительные письма, письма проповеди, адресованные Александром своей любимой, и ее ответы являются свидетельством сегодняшней духовной жизни России. Печатается с сокращениями. — Сост.

мучительны и раньше, я боялась потерять это удивительное ощущение, мозг показался в какой-то момент совершенно ненужным. Но контролировать свои ощущения я тем не менее стала именно с этого момента, потому что больше всего боялась совершить ошибку. В квартире у Л., стоя перед его иконами, я второй раз ощутила (правда, в меньшей степени) это парение, принадлежность к чуду. Я ничего не знаю, я, наверное, никогда сама в этом не разберусь, поэтому взываю к твоей помощи, любимый мой. У Н. я мысленно спрашивала всех присутствующих: "Чувствовали ли вы это? Было у вас так, как у меня? Что это?" Милый Саша, я не хочу обмануть себя, а потом тебя следом. Но я очень хочу быть с тобой во всем. К кому я стремлюсь: к тебе через Него, или наоборот? Очень соскучилась. Целый день без тебя!

Мария

ПИСЬМО 2

Маринка,

думал по-разному: не переадресовать ли тебя о. В., не напрячь ли мозги и написать по-хорошему, а в конце концов, пишу как на духу, что в голове. Прости заранее, если сказанное тебе не ответ: твое письмо меня очень обрадовало, и хочется говорить сразу обо всем, а скажу лишь о том, может быть, о чем думал последние дни — для себя.

В каком-то смысле мы с тобой в одном положении. Чувствую ли я сейчас Христа, Иисуса как Господа, Свет? Не чувствую ни одним из чувств и ни одним из сверхъестественных. Знаю ли я,

вижу ли, что без Христа, без знания Его и Его слова, без знания Его как правды нашей жизни, — без всего этого я не могу жить? *Это* я знаю. В периоды даже наибольшего просветления, подобного, в чем-то, твоему, я *не видел* Христа, какой-то голос мог говорить во мне, что Его и нет, что *все* мои чувства — иллюзия, но это был именно *не мой* голос. Он звучит почти всегда, иной раз без него бывало и скучно, но всегда было что ему противопоставить и, думаю, есть и у тебя.

Что значит для меня Христос? Думаю ли я о Нем, вспоминаю ли я Его? Просто потому, что я много читаю, у меня часто перед глазами это Имя, но это — мне говорят другие. Вот прошел год, и вижу, что думал о Нем по-разному.

Бывает, что Евангельский свет озаряет весь твой день сам собой, тут только и вглядываешься в этот свет, говоришь с этим именем, даже резкие искушения лишь подчеркивают высоту. Бывает, что, глядя на вещь, которую озарял этот свет, ты как бы вспоминаешь Христа как прошедшее, и хочешь, чтобы Он был здесь. Но тут нельзя заменять Его воображаемым, желаемым. А *сейчас* это так: вспоминаю о Нем, о Его любви, когда хоть чем-нибудь, силой или усталостью, разумом или невольно, поступаю против этой любви.

Марик, прости, и прости любую фальшивую ноту, которую я допущу в письме. Знай, что она действительно *фальшивая*.

Ты не знаешь, идешь ли ты ко мне через Него, или наоборот? А если Он направит тебя ко мне? если в нас будет Он, будет одна правда, как один свет в темноте? Как ты тут определишь направление?

Я попробую определить, почему добро именно Евангелия для меня, для многих людей, из которых есть и такие, которые лишь слышали о Евангелии, но все же поняли его до конца, есть в конечном счете мерка повседневности, то есть, каким я это добро вижу: что это значит: "Возлюби, как самого себя"?

Что значит? Эта правда, по-видимому, очень разнолика. Она — не только в тех исключительно богатых советах, которыми живет Евангелие, не только в заповедях блаженства.

В каком-то смысле я себя ненавижу, ненавижу за способность хотя бы прислушиваться, хотя бы помышлять о возможности осквернения себя и других, за леность, за тупость, за неумение или нежелание выполнить Его волю. И все же я себя люблю, и очень люблю; как бы ни был слаб, я все же понимаю, что это — гибель, зло, смерть духовная, и выкарабкиваюсь из стен предательства. В других же людях я тоже вижу зло, неправильность, вредоносность; на одной работе разве мало очень удобных случаев это увидеть; а вот хорошее часто и не разглядеть. Но если я их ругаю и казню, то я их *не* люблю, я не хочу, чтобы они выкарабкались; а чувствую, если их не казнить, если каяться за них, видеть в них хорошее и обращаться к этому хорошему, или хоть говорит им о хорошем, которого у них нет, то вот это значит любить, как любишь себя и свою душу. Трудно каждый раз одергивать себя, чтобы не думать о людях раздраженно, так как раздражение — это всегда суд и почему-то неправильный.

Пока кончаю.

ПИСЬМО 3

Сашенька,

Пишу тебе с таким чувством, будто завтра годовщина не твоего, а моего крещения, с чувством уверенности, спокойствия и просветления. Ты можешь порадоваться за меня. Ведь еще три месяца назад твое обращение вызывало сомнение, страх, временами даже боль. О своем завтрашнем дне стараюсь не думать пока — рановато. То, что со мной сейчас происходит, — только самое начало. Я знаю, что мой мозг еще будет сопротивляться, я готовлю себя к этому и предупреждаю тебя, мой милый. Я привыкла любить по-своему, то есть так, как люблю. И потом, до сих пор это были только люди, живые человеки, грешные существа, любовь к которым была тоже слегка грешной (не греховной). В арсенале этого чувства были и гордыня, и самолюбие, и жестокость (иногда), и чего только еще не было. Но целью его был человек, а не Бог в нем. В сущности, любовь эта также протягивала руку, давала возможность выкарабкаться, с той только разницей, что средства в ее арсенале были человеческие. Ибо для человека. Та любовь, о которой говорил Христос, та, которая "не помнит себя" (прости мне неточность цитирования), она все-таки "помнит себя", потому что в этой величайшей любви залогом служит спасение собственной души, и, по моему, подсознательно это должен чувствовать каждый верующий человек. Давай, я предложу какому-нибудь христианину для спасения чьей-то заблудшей души продать дьяволу собственную, скажу ему, что это — единственная возмож-

ность спасения той, заблудшей души. Он согласится? Простить зло, нейтрализовать его трудно порой, но это всегда легче, чем творить активное добро. (Любовь, если бы это можно было поставить рядом со словом творить.)

Любовь — самое сильное, самое радостное чувство, и это — удел только сильных духом. Поэтому блаженство нищих духом мне непонятно. Блаженство быть любимым Им? Прощенными Им? Но это же только треть блаженства. Самое главное, чтобы сейчас ты понял меня правильно, родной мой. Если еще не наступило, то уже наступит время, когда я начинаю чувствовать Его любовь к себе, и я прекрасно поняла смысл твоих слов в письме. И нутром своим я чувствую это, и пока не осмыслю, не успокоюсь до конца. Если я не права, научи меня, ничего так не хочу, как чтобы ты убедил меня в своей правоте.

Преображение мира, которое постепенно происходит передо мной и во мне, уводит душу (прости мне не очень удачные литературные выражения) в сторону от разума, и ощущение от этого несколько болезненное.

Все пока.

Марина

ПИСЬМО 4

Марик,

хочу ответить сразу, хоть немного устал. Во-первых, поправляю грамматическую ошибку: я доказываю тебе не *свою* правоту, я вообще ничего не доказываю и боюсь этого. Понимаешь? Это

просто одна из самоочевиднейших частей моей жизни — ты — и раздирать (как сказал как-то о. В.) свои чувства на составные я не хочу, да сейчас и не могу.

Не говорю о твоих словах: "В арсенале этого чувства были и гордыня, и самолюбие...". Просто скажу, что и сегодня вечером мне в который раз, может быть, чуть полнее, чем обычно, надо было "отречься от сатаны", как говорят при крещении, отречься от самой *возможности* принесения в нашу жизнь, в мое к тебе отношение, чувства недоверия, страха, животизма (от слова "животное", зверь).

"Залогом служит спасение собственной души". Не залогом — скорее, средством к достижению чего-то совершенно неизмеримого — вспомни проповедь о жизни после воскресения. Это не спасение, даже в смысле искупления, а еще больше — включения в жизнь совершенно сейчас непредставимую, однако угадываемую. Мне одного — минутного, секундного — проблеска Рая, который был несколько месяцев назад, теперь довольно, чтобы знать, что это будет огромно. И при этом я не просто ценю этот мир как ступеньку к следующему: я знаю, что если не научусь ценить его и восхищаться им, и работать его, независимо от другого, то не научусь восхищаться даже жизнью в раю. В этом смысл человеческой жизни — "да придет Царство Твое как на небе, так и на земле".

Отдаст ли христианин свою душу дьяволу за спасение чужой? Инквизиторы, как хотя бы члены монашеского ордена, молились Господу, чтобы Он научил их исполнять Его волю. Об этом же

молились множество истинно верующих людей. Теперь же мы часто осуждаем их, поражаемся их греховности, убеждены, что им гореть в аду. Нет, казалось бы, оправдания инквизиторам — они продались дьяволу. Я не хотел бы судить, но чисто логически: может быть, их просьбы были услышаны, и исполнение воли было именно в их поступках, в преступлениях и крови? Я сейчас не разгляжу справедливости в этом. Но каждый раз, когда верующий делает зло, он губит свою душу, и каждый раз это не то чтобы исправлялось — это просто органически приводит к хорошему концу, точнее, к хорошему звену в цепи, пускай мы этого не видим. Имеет ли тут значение сознание самих христиан? Не знаю, тут я бы привел другой пример: святого Франциска, который, когда у него ничего не осталось, отдал нищему самое святое: Евангелие, и остался без слова Божия.

Да, немногие христиане творят активное добро — но и нейтрализующие зло уже драгоценны — пойдем ли мы это когда-нибудь? из них выходят и активные?..

Христианство, христианская любовь — для сильных людей, для таких сильных, каких никто никогда не рожал. "Человеку невозможно спастись, но — Богу". И все же сила может показаться необычайной здесь, на Земле. Христианин должен быть солью, закваской, сердцевинкой человечества, и один настоящий христианин, как было сказано, спасет весь неверующий мир.

Легче и труднее — это все слова; для каждого человека свой крест, и ты чужой, если любишь людей, лучше не пробуй взвесить — ошибешься.

Вот я сейчас не делаю, не творю добра. Легко ли мне? Нет, даже, может быть, тяжелее, чем раньше. Потому что мне *так надо*, чтобы прийти к еще большей верности.

Вот разъяснение грамматики: "нищие духом" — это не психи, не слабоумные, они противопоставляются не "сильным", а "богатым". Нищ духом, например, отец Лев, или отец Владимир: если ты отберешь у них все, что они имеют — книги, дом, родных, они не будут кричать: у меня забрали мое. Примерно так.

Итак, слабые духом. Это — не определение характера, это — ступень, переход к тому или иному состоянию души. Слышат Слово все, многим оно нравится, но — вспомни притчу о сеятеле и семенах. Есть грешники и кающиеся, есть убийцы и стремящиеся к совершенной любви. Слабый человек не покается, у него не найдется сил полностью проверить себя на соответствие Христу, и он до конца полностью к Нему не обратится, а падет. А ты осудишь Христа, если Он простит падшего и все же поднимет его до Себя?

Но когда я думаю о тебе, я думаю о другой любви: она не противоречит той, о которой мы говорили, это уже не вторая заповедь: "Возлюби ближнего, как себя", а первая: "Возлюби Бога твоего". И тут, наверно, действительно единственно верная и, если только тут уже различимо такое понятие, сильная любовь, которая не ищет в любви к Богу любви к себе — ни на гран. При такой любви, думаю, мечтать о том, чтобы Бог отличил тебя силой, загадывать, какова будет Его воля — святотатство. Святотатство — от себя судить других людей. Это такая "сильная", "истинная", лю-

бовь (у нее нет определений), что она действительно божественна, то есть лишь с Богом.

Что до разума и забот с ним — так я согласен и рад знать, что разум — точнее — чувство логики, непротиворечивости, оценки — лишь одно из чувств, и нельзя, чтобы он был болезненным нарывом, мешая другим. Это ж свихнуться можно.

Ты знаешь, я плохо понимаю людей, поэтому тебя на всякий случай спрашиваю и прошу: не заслоняет ли для тебя слово "крещение" слова "во Христа", чисто умозрительно, что ли...

Пока все. Прости, что не так, если б от меня зависело... А все так хорошо!

Саша

ПИСЬМО 5

Мой родной! Целых два дня ношу в себе это письмо, боясь потерять из его содержания хоть каплю, и вот, наконец, получаю возможность выплеснуть весь ушат своих эмоций на твою умную головку. Придется тебе потерпеть, Сашенька. То, что произошло 10 числа и позже, потрясло меня! Было бы невеликодушно насиловать тебя еще раз рассказом о своих утренних злключениях в тот день (я и не буду), но одно ты должен знать. То, что произошло в это утро и день, было началом чувства, осознанного в тот же вечер. Пожалуй, впервые я ощутила себя в храме, как дома, как в месте, куда я стремилась, стремлюсь, где буду находить желаемое. В тот день с совершенно иным чувством смотрела я на Витю, батюшку, Надю. Они вдруг стали по-своему очень дороги,

не так, как раньше (а раньше это были только друзья любимого), а сами по себе. В меня проник кусочек рая, который до сих пор разрастается, освещая изнутри все вокруг. Я чувствую слияние с источником таким огромным, светлым, непостижимым, что дух захватывает. Идущее на меня так огромно, что, может, и надо бояться его, но я не могу, потому что это Любовь, а больше я ничего не знаю. Я обретаю мир! Какой нелепый, идиотский страх — страх потерять его! Сколько душевных сил было потрачено зря в свое время над размышлением на эту тему!

Единственный мой, я не ломаю больше голову над определением направления: к кому? через кого? Не ломаю потому, что Любовь одна единственная, та единственная для меня, малейшее отречение от которой — смертный грех. Понятие греховности постепенно выкристаллизовывается в моем сознании. Весь вчерашний вечер я промучилась тем, что, сделав тебе больно, отделилась от источника, и это было не столько осознано, сколько прочувствовано. Не знаю, честно ли говорить только о том, что в дело вмешался лукавый (сама не знаю, куда язык понес, как не знала, куда несут ноги 10), снимать всю ответственность с себя, но я была уверена, что, пока не услышу твоего голоса, не вернусь в прежнее состояние слияния с Ним (с Ним ли это, Саша, я не путаю?). И внутреннее покаяние в этой ситуации открыло мне глаза на многие когда-то давно сказанные тобой слова. Завеса (я употребляю выражение Н. А.) приподнялась, шаг сделан не один. Мой милый, мой милый Сашенька, когда прочитаешь этот набор восклицательных знаков, не то-

ропись. Это только начало, мое начало, которого не было бы никогда, никогда не могло бы быть без тебя.

По-моему, чувство благодарности — одно из самых сумасшедших, радостных чувств, а не сознание отданного долга. Люди привыкли говорить друг другу "спасибо", но испытать это первоначальное удивительное состояние дано не всем, потому что так можно благодарить только Бога. Вот я и благодарю.

Не знаю, заслоняет ли для меня слово "крещение" слов "во Христа". Скорее эти понятия сливаются для меня воедино. Осознание себя, как части Его — вот что для меня может значить крещение, да и христианство тоже. Мне кажется, каждый христианин должен чувствовать это. Я не права? Как ты думаешь?

ПИСЬМО 6

Марик,

милая, как я понимаю твою радость, как я рад всему, что творится! Конечно, ты ничего не путаешь и не можешь спутать, и главный, вернейший признак подлинности, доброты и ценности того, что с тобой происходит — это именно радость, сияние. Его и не надо бояться, в нем можно искать все новые и новые глубины. Да, самое драгоценное — это именно осознание себя как части Его, "елицы во Христа креститесь, во Христа облечетесь".

Сейчас ты сможешь, наверное, понять и мое состояние — не душевное, а духовное. Ты позво-

лишь мне сказать — ”благодать”, так вот, благодать рано или поздно, но через какое-то время всегда проходит, это как испытание пустыней, и будь готова и к этому, пускай ты не осознаешь сейчас моих слов. У меня нет сейчас радости, подобной твоей, но ты делишься со мною.

Помнится, у меня тот памятный вечер был отделен от момента, когда я вдруг понял, что оставаться частью этой просветленности, открытости, всепонимания, можно лишь, если я обращусь вот сейчас к ней с какой угодно, но молитвой, и для меня это было связано с грехом в какой-то очень примитивной, но сильной форме, — можно о ней не рассказывать? Тогда я впервые почувствовал, что эта реальность — Божественная — тоже вне меня, как и зло, что я имею право делать между ними выбор. И если я подамся мыслью к злу, то все будет очень просто, тут всегда существуют тысячи возможностей, тысячи легких и беззаботных путей погрузиться и создать для своей души настоящее адское чрево здесь, на земле. А если я доверюсь (молитва Н. А.: ”вера, доверие, уверенность”) Богу, то это будет очень тяжело, хоть и ясно, но временами тебя будут вести, а иногда оставлять, от тебя зависит так много — да ведь речь-то идет о тебе, о всех! Тут происходит чудо перерождения всех людей: пусть не все открыты Христу, но всех Он видит, и ты ради Него должна хотя бы присматриваться к людям.

Милая, вот ты сейчас сидишь рядом на кровати, а я за машинкой, и что я могу тебе сказать лицом к лицу. Как бы нас далеко ни разводили волны житейской и духовной жизни, но мы все равно созданы друг для друга и в той, и в этой.

Храни и береги себя. А я не буду пытаться подняться до твоего состояния — да это и невозможно, ты знаешь, это дается, я не буду читать перед тобой символ веры, я не буду пытаться вернуть широкий когда-то, хотя и не для всех понятный, дар *богословия*, в лучшем его значении. Я скажу, что каким бы усталым я ни чувствовал себя телом или душой, как бы долго я ни пребывал в трансе и земном сне, какие бы безумные поступки ни совершал (да чего и клеветать на себя — пока многое, очень многое я сохраняю), но до тех пор, пока я имею память и ум, пока я чувствую себя в настоящем мире (а ты его теперь увидела), знаю и верю, что единственная настоящая, полноценная, необъятная, счастливая жизнь есть в Боге, во Христе, в Духе Божьем, пока Евангелие для меня — не пустой звук, и я знаю, как оно живет здесь и сейчас тем же духом. Вне этого распад и смерть. И мы с тобой — в одном и том же, Божием Мире, а там — как надо будет.

Саша

ПИСЬМО 7

Милый! С каждым днем все больше и больше чувствую, что понимать тебя становится все легче и легче. С того самого дня, когда я впервые увидела тебя, я уже начала понимать тебя, но как-то по-другому, чувственно (не в примитивном значении этого слова, ты понимаешь, да?). Между мною и тобой с самого начала возникла очень сильная внутренняя связь (не осознанная и, может быть, односторонняя), осмысливать кото-

рую было некогда, да тогда казалось, что и незачем. Но когда время осмысления настало, я вдруг почувствовала, что между мною и тобой при всей внутренней близости — пропасть, имя которой Вера. Ты не представляешь себе, как мне стало вдруг не по себе. Первые поездки в храм стоили больших сил (странное противоречие — я стремилась туда). Это была та самая дверь, за порогом которой что-то совершенно неведомое, и переступить этот порог страшно, но не переступить невозможно, даже имея возможность выбора. Я не знаю, когда случилось то, что я перестала ощущать эту пропасть (может, и не было ее?). Постепенно начинаю от мироощущения (или Богоощущения) переходить к осмыслению. В какие-то житейские моменты я сознаю, что веду себя совершенно по-христиански (не через силу, не через прежнюю Маринку), а по потребности, по внутренней невозможности вести себя по-другому. Я хочу предупредить тебя сразу, мой Сашка, что боюсь говорить об обращении как о ближайшем реальном событии, хотя во многом чувствую себя к этому готовой. Еще не весь путь пройден, но пройти его я имею и желание, и силы, в этом ты можешь не сомневаться. Процесс осознания, который начался во мне, будет более затяжным, чем несколько моментов мироощущения (или Богоощущения). Я уже угадываю, когда Он со мной (вот сию минуту, например, когда перевожу взгляд из темно-синего окна на твое спящее лицо), и мне не страшно доверяться Ему во всем, я чувствую себя сильной. Ты был прав, бесконечно прав, что христианство для таких сильных людей, которых никто и никогда не рожал (сотво-

рять бы исключение, родить такого), но стремиться к этой силе надо, и пути пусть будут у каждого свои. Мне повезло, потому что у меня есть ты. Кто знает, как бы лежал мой путь без тебя, насколько больше пришлось бы мучиться, насколько больше сделать шагов к Нему. Мне повезло, потому что в тебе я сильнее всего чувствую Его, и в этой комнате нас сейчас трое (как в любом другом месте, где мы наедине). Потерять тебя уже невысказанно и невозможно, потому что это значит потерять себя, Его, а ведь это невысказанно тем более. Мой родной, никогда не бойся за меня, но будь рядом, будь.

Марина

ПИСЬМО 14

Марик, не надо обращать внимания на мою вчерашнюю хандру, потому что она действительно поверхностна, так же, кстати, как и моя усталость, которую я все же преувеличиваю, во всяком случае, ее ощущение. На деле, у меня сейчас такое впечатление, что разные духовные проблемы, не всегда и четко формулируемые, возникают, разрешаются сами собой, как пузыри в дождь лопаются, — мне же в основном стоит больших сил балансировать во время этих покачиваний, делать свое дело, бороться с постоянной возможностью дурного исхода. Что до неудовлетворенного честолюбия — это, конечно же, не то, трудно работать в пустоту, да еще лезут всякие глупые мысли о своей беспризорности, но все пропадает рядом с реальностью, с тем, что вот я, и вот меня

направляет Христос, руководит Дух, пускай не всегда ощутимо. Но вот сейчас есть такое чувство, а бывает время, когда ты слеп, как котенок, и молишь о прозрении, о руководстве, о свете.

Как важно соблюдать некую духовную гигиену: полное правило утром и вечером (а я, дурак, сокращал его из-за тебя), духовное чтение, но это не всегда удается, а в последнее время особенно редко.

И еще раз — да, по человеческому разумению весь мир должен был давно сгинуть, развалиться, все люди должны были бы сойти с ума, перегрызть друг друга. И все-таки мир держится и даже цветет — на Христе, на тех, кто несет Христа в мир, пусть даже не крича об этом, не вдалбливая одно *название* в голову людям, а *сокрушенно*, то есть наплевав на все свои человеческие немощи, глупость, измышления, прислушиваясь к тишине, пронизывающей мир, говорящих с ней, открывающих через нее вечную Троицу. Говорим без слов (а слова — путь обращения к безмолвию), и не думаем только поэтому, что молчим.

Болезнь сначала узнают по симптомам — жар, боль; так может показаться, что вот — ничего не делаю, да и какое такое зло, но вдруг зло всплывает по узнанным раз симптомам, грехам — лени, обиде человеку, раздражению, злобе, зависти, болтовне. В безразличие выносятся сопротивление этому злу.

Да, пожалуй, я больше всего устаю именно от того, что часто трачусь на ненужное — нет ничего тяжелее греха! — в общении, в чтении, в мыслях, в беспорядке жизни.

Отвратительна ревность к прошлому.

Но об этом хватит. Ты поймешь меня.

Милая, я не хочу сейчас много говорить, хотя письма к тебе для меня отдых; я хотел бы спрашивать — но ты ведь расскажешь и так, да? Я думаю, что до Великого Поста переписку (теоретически) надо сделать более редкой. Да так, наверно, и получится!

Всех благ!!!

Саша

ПИСЬМО 15

Милый!

Возвращалась с вокзала с чувством удивительной легкости во всем теле (такая приятная морозная свежесть), и в пустом вагоне прочитала твое письмо. От вчерашнего и позавчерашнего беспокойства не осталось и следа, потому что (удивительная вещь!) мои "пузыри" только возникают вслед за твоими, а исчезают как-то одновременно с ними, но уже сами по себе. Завтра мой экзамен, и, по правде говоря, голова уже изрядно тяжела от этой истории. Лениюсь. Ничего не хочу учить. Весь день тянет на Евангелие. Вообще (порадуйся за меня) все это время голодаю по чтению, которое ты называешь духовным. Голодаю, тоскую и, признаться, уже не один раз откладывала учебник и брала в руки Евангелие или молитвенник. Часа в три дня отправилась на работу за книгами. Удивительный сегодня день! Серебристо-морозный воздух, весь пронизанный розовыми лучами! Понимаешь, совершенно розовыми. И только увидав как следует это чудо, я вспомнила о том, что сегодня Рождество, и по-

чувствовала себя удивительно спокойной, сильной и радостной. Сами по себе произносились в душе нескладные молитвы, и голова, до этого раскальывавшаяся на части, вдруг перестала болеть. Мне показалось, будто чья-то рука (совсем как твоя) бережно и ласково коснулась волос.

Экзамен сдала на пять, но важно не это, важно совсем другое, только писать об этом я сейчас не могу. Ты знаешь, Саш, благодарность — это одно из самых радостных и сумасшедших чувств, и люди в отношении друг друга испытывают это чувство редко, только в исключительных случаях. Так благодарят только Бога и *всегда* только так. Это мое маленькое открытие за сегодняшний день. "Да святится имя Твое".

Пробую писать по методу твоего папы, но письмо не получается, а что-то вроде дневника, ну да уж как есть. Очень скучаю. По идее должна была бы уже сегодня взяться за Азию и Африку, но обилие дней расхолаживает. Погрузилась целиком в Евангелие. Ни о чем не думаю пока, просто читаю его взаглот. Сомнения, наверное, еще возникнут, пока просто читаю и дохожу до Его истин совершенно неведомыми мне до сих пор путями, но одно вдруг открылось мне. Я вдруг поняла, что значит Его Любовь, та Любовь, которая — все! Раньше я отделяла любовь от множества других чувств. Любовь была сама по себе, даже самая сильная, а тут вдруг я поняла, что любовь — это все, то есть она может быть всем, потому что на редкость многогранна, что не существует отдельно любви, отдельно прощения, отдельно — жертвы, отдельно — дара, отдельно терпения, отдельно смирения. Но терпение, дар, жертва, прощение и сми-

рение и еще множество чувств — есть любовь, и не просто любовь, а — Любовь. Она — надо всем, и сильнее Ее нет ничего на свете (ни на том, ни на этом).

Не знаю, как я верю, не знаю, сколько еще будет на моем пути к Нему преград (пусть будут). Только чувствую, что мое теперешнее положение несколько противоестественно, что хожу верующим нехристом. Милый, я сама не пойму, что я сейчас такое, а может, просто не думала никогда об этом как следует. Я не хочу ничего подгонять, я не знаю. Но мы еще поговорим об этом. А что ты думаешь?

Марина

ПИСЬМО 18

”Мои записки прошлые порви”. Марик, порви все, где я писал тебе о слабости, не достоинности и о заброшенности — все это не для нас с тобой. Так единственно верно будет сказать, если я хочу, чтоб уцелели мы, уцелел весь мир и вся вселенная, — и решительность здесь лекарство, путь (положив руку на плуг, не оглядываясь). Много, конечно, очень-очень много сделано неправильного, даже греховного, навречено в пласты неудовлетворенности, и полу-тоски, полу-хандры, йото-разочарования. Главное, сказал о. Н., чтобы я всегда так же хорошо знал о моих грехах. Тогда — то есть сейчас — я вновь живу.

Я попробую подвести итог тому, что говорилось о молитве, хотя, говоря откровенно, мне показалось, что это вопросы из разряда саморазрешаю-

щихся и быстропроходящих. Употреблю любимое выражение — сказать, что молитва возникает в душе стихийно, это значит ничего не сказать: это совершенно верно, но это ничего не определяет. Казалось бы, когда молиться? Как запомнить, что каждый час, каждая минута достойны своей, неповторимой уже никогда, молитвы? Очень просто, на самом деле. Тут не нужно смотреть на часы и ждать трех часов дня (в этот час умер Христос), чтобы прочесть молитву 9-го часа; нет, а вот только как вспомнишь о молитве 9-го часа и о молитве вообще, так и молись. Да, я знаю, что обращение к Богу, каким бы разноликим по ощущению, течению, сути и правилам оно ни было, можно назвать и молитвой, и "правилом", и "каноном", но разве от этого обращение к Нему теряет свою ценность и свое содержание? Чувство ненарушенного правила, как ты его назвала, — это вообще не из области молитвы, а из области исповеди, оно существует не по отношению к Богу, а по отношению к себе. А сама молитва — вряд ли может быть столь разнообразное, вечное и ежесекундно-неповторимое состояние, как это. "Звучание внутри" — это только лишь одно слово о молитве, а сколько еще не сказано? А ведь Он сам может изменять твою молитву, даже сделать так, что тяжело будет молиться, но — о чудо! — молитва через трудности для какой-то части души благодатнее, чем легкая. Вот разве что одно общее свойство всех молитв я назову — это их светлость. Молиться с мрачной душой невозможно. "Радость", "ужас", "болезнь", "напряженность", — вот это все может быть в молитве; нельзя бояться того, что молиться можно по-разному. Внутреннее на-

Пряжение — это напряжение *вспомнить* о молитве, а не добиться ее правильного (да и кто может определить эту правильность!) звучания. Если я — вот я зажег свечу и остался один на один с Ним — обращаюсь к Нему с мольбой о чем-нибудь, о всем, то так или иначе Он меня слышит, и я говорю с Ним. Все, что вокруг этого в нашей душе и вокруг нас — это дело Духа, во власти Его. Против чего могу предостеречь на опыте своем же — иногда проверять (о, редко! когда станет необходимым), не появился ли в молитве автоматизм и слепота в поклонении. Один христианин сказал, что он знал людей, чей Бог помещался в верхнем углу над Распятием. Но тебе, думаю, это не грозит, это немного загодя.

Смотри сама (и посоветуйся с о. В.!) о том, как быть тебе с мамой в отношении церковных вопросов. Может быть, пока вообще ничего не говорить, даже после крещения (Господи, да неужели я могу это выговорить!), а может, попробовать объясниться сразу начистоту. Тогда, хотел бы верить, пригожусь и я.

Молитвы за людей подобны призыванию: "Да святится имя Твое". Имя и так свято, люди и так призираются Господом. Но тут речь идет, с одной стороны, о нас же, о еще одной стороне любви к людям, как к себе, чтобы за них, как себя, молиться, и о том, что — кто знает — помогать им молитвой, с помощью Божией, но помогать самим, телепатией не телепатией, но зримо, как все, творящееся в мире миром же по воле Его.

Сумею ли я тебе помочь? Что отвечают в храме на "Простите, люди..."? — "Бог простит". А люди и не могут не простить.

Смотрел олимпийские игры — ”поклонились всему, что сжигали”. Зачем было отвергать обрядность и ритуальность (коль скоро не видели их глубочайшего внутреннего смысла для верующих), чтобы наворотить, наложить груды и горы обрядности пустопорожней, не основанной ни на любви, ни на вере, ни просто на уверенности в жизни! Точно чья-то злая рука подсовывает людям суррогат, чтобы потом они отворачивались от настоящей пищи! По-моему, большинство сомнений у меня, например, оттого, что внешне во многом христианство похоже на коммунизм, большевизм, и внешне же это от него может оттолкнуть. Я имею в виду так называемую насильственность, заимствование коммунистами некоторых методов. Как если бы кто-нибудь нарисовал карикатуру на Христа, чтобы потом при взгляде на икону всех охватывало такое же отвращение. Нет, такого сходства (а от него сомнения) не надо бояться, его надо уничтожать, восстанавливая разницу — по отношению к Богу.

Пока все.

Саша

ПИСЬМО 19

Сашенька!

Ты знаешь, получилось как-то так, что со времени моего крещения потребность в твоих письмах возросла. В свои девять ”оглашенных” дней я мало думала о том, продлится ли эта благодать или нет, я была готова к тому, что ”нет”, как была готова к тому, что возникнет много вопросов,

трудностей. Они возникли, и я очень рассчитываю на твою помощь. Главное со мной. Поэтому мне не страшно того, что с первого дня начались трудности, борение с собой. Мои первые шаги к Нему неуклюжи и косолапы, но ведь это только первые шаги. Сейчас такое ощущение, что внутри души наворочено много тяжелых пластов греха, и где-то глубоко под ними толчки Любви, которые то сильнее, то слабее, но они не прекращаются, они тревожны и радостны. Когда-нибудь они разворотят все то, что давит на Любовь, спрятанную так глубоко, нужны постоянные, каждодневные усилия, и уже сейчас каждая маленькая победа над собой — радость, толчок, импульс. Любовь к Нему незыблема, слово Его надо всем. Это — Земля, по которой мы ходим, небо, которое над нами, воздух, которым мы дышим. Любовь к Нему не зависит от того, что Он владыка, Спаситель, Господь. Он — Любовь. Я поняла, почему мне так трудно читать молитвы (я имею в виду общепринятые, те, которые печатаются в молитвословах и признаны Церковью). Они рождены в душах других людей, чья Любовь к Нему, пусть и была сильна, но как-то непохожа на то, что чувствую я. Я знаю, что Господь утешитель, Царствие непобедимое, Творец, но я знаю также, что Он все это знает, хотя и не думает об этом так много, как люди. Он — радость, Он — то, чему нет названия в языке человеческом. Он — не только источник Любви, Он сам объект Любви человеческой, и Любовь эта не зависит от того, что Он — Творец, Утешитель, Спас и т. д. Я не знаю, что есть — Страх Божий, может ли он быть. Можно ли бояться Любви? Люди не должны искать зародышей

гибели своей — там, среди слабости притаилась она. Люди должны быть сильными, потому что есть Христос. Поэтому с христиан спрос большой. Меня очень подмывало все это время спросить тебя, что это — Страх Божий, из твоей работы я кое-что поняла, во всяком случае твои рассуждения о Страшном Суде пролили на это какой-то свет. Не подумай, что у меня есть стремление задать тебе еще одну тему для работы (тем более, что опередил мой вопрос), но это для меня все еще вопрос, слово, вызывающее недоумение. Наверное, вопрос разрешится, теперь настало время и для этого, но я хочу знать, что ты думаешь на этот счет. Мне многому еще у тебя учиться, Сашик. Очень трудно и хорошо сейчас, хорошо во многом, потому что есть ты, существо, созданное по образу Божию, во многом и трудно по этой же причине, но это хорошие трудности. Я уже не спрашиваю себя, к кому из Вас я стремлюсь, как спрашивала раньше. Когда я родилась, и ты, и Он уже были в той жизни, в которую я вхожу. Поэтому, здравствуй!

Марина

ПИСЬМО 20

Марик,

сразу постараюсь ответить на твой вопрос: что такое страх Божий. Для меня самого это долгое время оставалось непонятным, и лишь не так давно где-то, в какой-то книге, я нашел церковные слова, которые вполне соответствуют тому, что я тебе скажу. Я сам был немного удивлен и тем,

что моему мнению нашлось подтверждение, соответствие. Итак, страх Божий — это, скорее, страх самого себя, тут уже трудно, как это часто бывает, различить. Это страх сделать что-то, что пойдет вразрез с Богом, Его волей, исковеркать что-то из Его драгоценного мира, остаться одному в нем, — а последнее, кажется, совершенно равнозначно смерти, тягчайшим мукам и т. п. Как мало мы делаем, чтобы быть с Богом, и потому боимся: Господи, не оставь нас и не покинь, помоги! Может ли оставить нас Господь? Не знаю, наверно, нет, но в жизни, если вдруг станет решаться вопрос, жить без Бога или с Ним, разум не будет играть роли, это будет именно безотчетный страх: Господи, не оставь!

В остальном я буду говорить то, о чем сам хотел бы, потому что это, кажется, один поставленный тобой вопрос.

Приближается Великий Пост, точнее — начинается. Не стесняйся (чтобы не сказать хуже) церковной жизни. У меня до сих пор есть остатки такого чувства, например, когда проезжаю мимо храма, не перекрестившись, или сажусь за стол, не прочитав молитвы, а общество позволяет (например, с тобой).

Попробуй делать записи, медитировать, то есть обдумывать какие-то евангельские строки. Я лично посоветую тебе как-нибудь не вечером сесть и обдумать — что значат слова молитв, — то, что их писали другие люди, не значит, что ты не испытываешь ничего подобного. Будет борьба — молись и отбивайся всеми способами. Я вчера и сегодня утром долго повторял: Боже, милостив буди мне грешному, пока хоть как-то не утряслось

все с этой конвейерной заварухой у меня в душе. Мне сейчас думать плохо, ненавидеть даже начальство — нельзя, гибель. Пока что единственный выход или его наметка — это, как ни странно, юмор, смех, радостное отношение к жизни. Удастся ли? Или нужно другое? Будет усталость — не давать ей концентрироваться на себе внимание, просто меняй темп и образ духовной жизни, не бойся опускаться все ниже и ниже в неразумие и смирение перед Его волей. Вот тема: да будет воля Твоя. Для меня сейчас именно она видна лучше и всего важнее.

Запоминай все, что происходит с тобой вышего, ибо потом многое будет открываться заново уже углубленно, более основательно, другими, более земными путями, больше разумом, и сравнение, память не дадут ошибиться.

Бережно и внимательно подходи ко всему церковному. Это тоже путь, как книга, к Богу, и немаловажный. Кроме того, таинства, если только приглядеться, основа нашей жизни, ее стержень. Помни, что многое ты должна будешь узнать не из опыта, не от меня или других людей, а из книг и руководств, например, из сочинений Феофана Говорова и Ельчанинова. Особенно Постом — попробуй больше читать.

Избегай духовного самообмана — мне было достаточно пока один раз увидеть его в себе, чтобы зашататься и покаяться. Кто-то сказал, что знал человека, его Бог помещался в углу над Распятием. Чтобы избежать подобного, нужно прежде всего "трезвение", есть такое слово в православной аскетике, еще и еще раз ощущать себя прочно стоящей на земле, не пытаться прыгнуть

выше головы. При этом уметь отличить и настоящую благодать, откровение — а знак у них, как и у всего правильного в нашей жизни, один — радость. К этому я стремлюсь.

Пока все.

Саша

ПИСЬМО 22

Марик,

по-моему, именно сейчас и начнутся огласительные письма.

Странно, но даже молитва может иметь крайности. Ты пока, как и всякий начинающий, хорошо видишь и чувствуешь лишь одну: молитву — озарение, моление Духом Святым, когда уже непонятно, кто молится, ты или Дух в тебе. Но на самом деле, вера — это не значит вера во что-то, что временами есть, а временами нет, молитва — это не ожидание: вот есть Дух, а вот нет. Из слов: "Не можете молиться иначе, как Духом Святым" следует еще и то, что, даже повторяя полубессознательно "Господи помилуй", мы имеем в себе Духа, а чувствовать его — это уже совсем особая статья, это о том, даст ли тебе Бог, а не дашь ли ты Богу. Внешне подобное разделение видно уже в словах: молитва и молитвословие, систематическая молитва, постоянная спутница жизни, по словам о. Владимира, столбовые версты ее, а вернее, дорога, по которой жизнь идет.

Даже если ты повторяешь молитву механически — повторяй. Механически — глупое слово, на самом деле, если соблюдать "резвение", то есть

еще и еще раз ощущать себя живым, сотворенным, полнокровным человеком с нормальной душой и взглядом на мир, то уже механики быть не может, найдется хоть какая зацепка, которая оторвет тебя от мира. Блаженной Анджеле Христос повторял: "Не на шутку я возлюбил тебя". Это Он повторяет всем. Вечером — подумай хоть, что завтра нас может раскидать в разные концы Земли, и молись, что было хорошего за всю жизнь — и молись, что непорядочно в душе — и молись, то есть не ищи какого-то неземного общения, это не в твоей власти и заботе, а *проси*. Умаливай. Подумай об отце. Подумай об Алле Александровне. Подумай, что значит, что ты — перед Христом, как это — у себя в кровати и перед Ним. Помолись своей святой, Сергию, преп. Кириллу...

Только сейчас я понял, какое же сокровище дает нам Церковь в своих таинствах и обрядах, в том же Великом Каноне, как все, если знать, взвешено и насыщено, целенаправлено к Богу. Только сейчас я начинаю это видеть, так и ты — пока привыкай к Церкви, учись видеть ее суть и не иначе.

Давай уже сейчас начнем недели молчания, пускай с нами будут наши ангелы. Не знаю, мне самому нужно к тебе привыкнуть, как к постороннему храму, и о многом я не знаю, как подступиться, рассказать, а многого, кажется, и не знаю: откуда бы?

На работе — как часто, все-таки в истории с Аллой Александровной вел себя куда хуже ее, зная, к чему приведут мои слова. Не мог удержаться от детской, и потому еще более страшной злости, обиды, от гнева и хулы, завел все в

непроходимые дебри и чувствую себя человеком, помогшим бесу войти еще в одну душу.

Мариша, что еда, что деньги, что книги, что все заботы, когда все делится между двумя заботами: быть с Богом человеком и с людьми почти Богом. И сам поражаешься, видя, как совершенно дикие, животное-бесовские появляются манеры и нотки в первом, сосать лапу, а не молиться, валяться и тужиться, но не думать ничего. И с людьми, хорошо, если слеп и глух, а то и убьешь, и осквернишь их в душе, а должно быть одно — любовь и молитва за них, только доброта.

ПИСЬМО 22-6

Марик,
попытаюсь продолжить.

Многие твои трудности в молитве, очевидно, происходят именно от недостатка чисто физических усилий, то есть от того, что ты не имеешь житейской возможности во время молитвы уединиться и молиться всем существом — и духом, и душой, и телом — плотью. Я не знаю настолько конкретно, как у тебя дома все же в этом отношении, но хочется что-то придумать. Настоящая молитва, безусловно, должна сочетаться с определенным положением тела, и для тебя тут два пути. Первый, временный, твое испытание — попытаться и в невозможных условиях найти какое-то такое положение тела, при котором оно не только не мешает, но настраивает на молитву, на благоговение. Если тебе недоступны дома коленапоклонения и вообще молитва стоя, то помни,

что самого необходимого можно достигнуть и без этого, если очень поискать. Перегруппировать мышцы, все тело, чтобы не было обычного напряжения, и, наоборот, какое-то устремление ввысь намек на предстояние. Главное — покой, сосредоточенность, а им мешают прежде всего расслабленность и разболтанность. Второй путь — ловить любой момент для обычной молитвы, любую возможность помолиться стоя перед иконой или распятием, сосредоточиться полностью. Жалко, что у нас нет, как у католиков, постоянно открытых храмов и часовен, но тебе, может быть, удастся то зайти в храм Пожарского перед тем, как идти домой, то в церковь рядом с Университетом, если есть время — вечером они открыты всегда. Если такое будет удаваться, то даже не пытайся включиться в общецерковную молитву, в ход богослужения, а используй эти немногие, но емкие минуты для своей молитвы, сосредоточения, — встань перед образом, в уголке, и отстранись от всего окружающего, как если бы ты была одна, у себя дома. Наконец, если говорить о доме, замечу, что вполне доступная тебе поза — сидя без напряжения, как при аутотренинге, — это и лучшая поза для молитвенного размышления и особенно глубокой молитвы.

Немного попозже надо будет спросить у о. Владимира, нельзя ли тебе прочесть книгу о молитве, которая предназначена для людей, постоянно включенных в церковную жизнь, имеющих некоторый опыт. Наверное, многое, о чем я тебе говорю, ты нашла бы именно там.

Вот, помянул мимоходом католиков, и вспомнил о том, что началась неделя Торжества Право-

славия. Раньше этот день отмечался роскошнейшими, наиторжественными крестными ходами, молебнами и многолетствиями дьяконов-профундо, теперь крестный ход разрешен милицией лишь на Пасху, от молебнов осталось то немногое, что ты сегодня слышала. Сколько разных нестроений в церковной жизни, сколько отобрано и ограничено точно рукой самого Господа Христа (вспомним храм Христа-Спасителя). И все же прав художник — православие торжествует и цветет, и в нас с тобой, а больше — во всех прихожанах, незаметных порознь, но составляющих, каким-то чудом, все ту же Церковь, Державу Господню, весь мир. Чудом, потому что, сложив усилия старушек, немногих активных священников и многих бездействующих, никак нельзя было бы получить того колоссального результата, к которому мы все причастны — живой Церкви, связующей весь мир, открывающей на него глаза и дающей новую жизнь в нем, жизнь удивительно насыщенную и богатую, так как она вся в сравнении с Богом, и вместе с Ним, и каждое действие наше становится Действом, деянием, мельчайшие поступки приобретают сокровенный смысл, служат дальнейшему раскрытию нашего духа, расцвету. Да, весь секрет в том, что мы живем с Богом, поэтому, например, старцы, жившие, казалось бы, вдали от мира, соприкасавшиеся с ним лишь чуть-чуть, но везде искавшие и видевшие Бога, сравнивая все с Ним, из немногочисленного получали больше знания о мире, чем обычные люди, всю жизнь толочившиеся в мирской суете и не видевшие никого и ничего, ничего не понявшие, а только потерпевшие поражение в своих попытках устроиться побезопасней и побогаче.

Какое чудо, торжество, что жизнь Церкви дает нам силы устроить свою жизнь по Богу, зачастую — резко противоположную той, которая сложилась у нас в стране за последние двести-триста лет в неверующих кругах. Теперь, когда неверующих все еще большинство, даже дети получают "программу" на жизнь, полную поражений и падений все дальше и дальше, измены всему человеческому, бездуховной, подверженной каким угодно разводам и странно извращенной любви, извращенной, потому что с оговорками.

Наконец, приведу слова из Лествичника, которые я сегодня прочел: "Некоторые люди, нерадиво живущие в мире, спросили меня, говоря: "Как мы, живя с женами и оплетаясь мирскими попечениями, можем подражать монашескому житию?" Я отвечал им: "Все доброе, что только можете делать, делайте: никого не укоряйте, не окрадывайте, никому не лгите, ни перед кем не возносите, к нуждающимся будьте милосердны, никого не соблазняйте, не касайтесь чужого ложа. Если так будете поступать, то недалеко будете от царствия небесного". И в другом месте: "Когда будешь обижен — терпеть мужественно; когда на тебя клеветают — не негодовать; когда унижают — не гневаться; когда осуждают — смиряться..." Это и на сегодняшний день, и, еще больше, вперед.

ПИСЬМО 23

Милый!

Вспомнила весь сегодняшний день и невольно подумалось, что вот уже вторая неделя Великого

Поста пошла, а я так и не включилась целиком в должное настроение духа, и виной тому собственное разгильдяйство, которое бабушка совершенно справедливо называет грехом. Труднее всего на работе. С того момента, как я прихожу, во мне отключается какой-то важный духовный механизмы и подключается что-то механическое, задающее программу на весь день. Я уже заранее знаю, о чем и с кем заговорю, как себя поведу (ты, разумеется, не в счет). И это тем ужасней, что все от собственной разболтанности, суетливости. С завтрашнего дня начну молчать, сколько сил хватит. Жалко угробленного времени, все-таки 9 часов. Какая самонадеянность! Хотеть чего-то от Господа, минимально используя свои силы, так или иначе умаляя возможность общения с Ним, предпочитая общение со Светой на предмет хоккея! Ты прав. Трудностей житейского порядка много, но сейчас главное не думать об этом и не расслабляться, чтобы не терять тех мизерных возможностей, которые все-таки есть. Потому что я была несправедлива к Господу моему, когда писала тебе, что совсем безрезультатны все молитвы. Нет. На одно мгновение, на полмгновения я чувствовала Его. Воскресенье в храме всю службу простояла не без физических усилий (хождение, толкотня, духота, боль в правой ноге — все расслабляло), молилась едва ли не через силу. А отойдя от креста, вдруг почувствовала, что комок к горлу подступает и хочется плакать, и что вся жизнь зависит от этих старушек... И это было как награда за усилия. Когда наконец увидела твое лицо, чуть не разревелась внутри, все слилось в одно, и это был Христос, Дух Святой. А я-то, ничто-

жество, еще позволяла себе огорчаться, когда старушки, прося прихожан помянуть кого-то, глядели на меня недоверчиво и молча обходили стороной, словно не доверяя моей молитве. Как еще рано хотеть быть любимой и людьми и Богом, как мало дано, но теперь уже не больно. Я знаю, что это надо для меня же. Милый мой, большая удача, что у меня есть возможность наблюдать твою духовную жизнь и учиться по ней многому (учти, что дети в моем возрасте очень восприимчивы), и когда у меня появляется возможность участвовать в ней, я всегда бываю едва ли не счастлива. (Это так важно, что я сама готова себе простить неуклюжесть фразы.) Сколько же было мне подарено! За всю жизнь не отблагодарить. И сейчас, во время Поста, потребность в благодарности особенно велика. Много молиться! Чтобы, как хлеб.

ПИСЬМО 24-в

Марик,

сегодня хочу написать о том, что еще раз задело в книге Шмемана, что несколько раз соприкасалось и с нами, и что лучше всего выражено в словах Апостола: "Все мы — уроды (юроды) Христа ради". "Мы исповедуем Христа Распятого, для иудеев — соблазн, для эллинов же — безумие..."

Да, действительно, все, что становится христианским, то есть вся жизнь и вся вселенная — это уже не тот мир, каким он был до пришествия Христа, или для нас — до того, как мы уви-

дели Его. И христианский мир в каком-то смысле — есть отказ от старого, его противоположность, и в то же время — начало еще и нового мира, который в чем-то (словами) напоминает старый. То же самое и в браке. Если брак мирской, вернее — слепой, секуляризованный, это именно союз *двух*, которые все готовы сделать "для семьи", для своего счастья, то в христианстве — *трех*, со Христом, для Христа, во Христа. Союз ради Христа. Поэтому многое уже сейчас для нас невозможно, что, очевидно, справедливо для союза двух. Говорить о браке я, разумеется, не могу. Но вот замечание относительно того, что не "все для семьи", не все для двух, оно кажется точным уже сейчас. И прежде всего эта внутренняя готовность жить во Христе, то есть отказываться, отрицаться греха. Видеть его. Что же это значит? Давай думать над этим не только сейчас, всегда, вместе. Отдать не только тебя или меня Христу, но *союз*. И тут будет все тоже: вера, надежда, любовь, но необычно.

Когда-то и в чем-то изменить наше пристрастие или обоюдную ненависть к чему-то, кому-то; вдвоем простить человека и вдвоем помочь; вдвоем отказаться от какой-то вещи или удобства, излишества.

Но остановлюсь и не буду писать дальше, потому что оказывается, это все равно, что быть одним. Это — брак. О том, что мы сейчас, невозможно сказать и подумать, и ты знаешь что...

Вот, кажется, ненаписавшееся письмо...

СОДЕРЖАНИЕ

СВЯТЫЕ ОТЦЫ О ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ

- Св. Иоанн Златоуст. Слово о Пресвятой
Деве и Богородице Марии 5

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

- Ф. Светов. Оптиная Пустынь — сегодня 10
- *** Жизнеописание иеромонаха Никона.
Оптиная Пустынь 27

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАСТЫРСТВО

- Иеромонах Никон. Записи на полях книги
епископа Игнатия Брянчанинова 312

РУССКИЕ СУДЬБЫ

- Александр и Мария. Письма перед свадьбой 353

АРЕСТОВАНА ЗОЯ КРАХМАЛЬНИКОВА

4 августа в 4 утра в Москве арестована Зоя Крахмальникова, составительница самиздатских православных сборников „Надежда”, переиздававшихся на Западе и известных как в России, так и за рубежом. В 1978 году мы благословили печатание этого сборника, столь нужного верующим. Такого же рода издания Московской патриархии допущены властями, но не могут охватить растущего к ним интереса.

Сегодня, когда власти в Советском Союзе начали репрессии против „Надежды”, мы, православные за рубежом, протестуем против ареста Зои Крахмальниковой и призываем общественность присоединиться к этому протесту. Обращаем внимание всех, что сборники „Надежда” не содержат никаких иных материалов, кроме религиозных, и, преследуя составителей сборника, власти еще раз продемонстрировали свою богоборческую сущность. Долг каждого верующего — усердно возносить молитвы за невинных жертв и оказывать все большую помощь в издании и переправке в Россию духовной литературы, в том числе и сборников „Надежда”.

*Антоний, архиепископ
Женевский и Западноевропейский*

Август 1982 г.

Зоя Александровна Крахмальникова родилась в 1929 г. В 1954 г. закончила Литературный институт им. Горького в Москве. Работала в издательстве „Советский писатель”, в „Литературной газете”, в журнале „Молодая гвардия”, была членом Союза журналистов СССР. В 1968 г. закончила учебу в аспирантуре Института мировой литературы Академии наук. Работала старшим научным сотрудником в Институте социологии Академии наук СССР, откуда была незаконно уволена в 1974 г. С тех пор ее нигде на работу по специальности не принимали.

В 1971 г. в литературном творчестве З. А. Крахмальниковой начался новый период, связанный с ее приходом к христианству, к православию. В самиздате распространяются несколько ее романов и повестей, посвященных проблемам религиозного возрождения в России, поискам веры, поискам Церкви, и статьи по философии культуры (см. „Надежду” № 2, 4, 6 и „Грани” № 118).

Читатели „Надежды” могут по достоинству оценить работу составителя этого религиозного, православного сборника по вышедшим на Западе — теперь уже типографским способом — восьми ее выпускам. Подчеркнем, что материалы самиздата, как известно, публикуются любым западным или эмигрантским издательством без разрешения автора или составителя.

Муж Зои Крахмальниковой — писатель Феликс Григорьевич Светов — живет по адресу: 103104 Москва, Южинский пер., д. 14, кв. 17.